

ПОВОЛЖСКИЙ
ИНСТИТУТ
УПРАВЛЕНИЯ
имени П.А. СТОЛЫПИНА

ВЕСТНИК

П О В О Л Ж С К О Г О
И Н С Т И Т У Т А
У П Р А В Л Е Н И Я

Научный журнал

№ 5 (50)
2015

Саратов

Научный журнал

Учредитель

**Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации**

Главный редактор — **В.А. Чепляев**
Зам. главного редактора — **О.Н. Фомин**
Ответственный секретарь — **Д.В. Акаев**

Редакционная коллегия:

В.В. Герасимова, д-р экон. наук;
В.М. Долгов, д-р ист. наук;
Э.Г. Липатов, д-р юрид. наук;
О.А. Лиценбергер, д-р ист. наук;
А.В. Рязанов, д-р филос. наук;
Е.Ю. Сидорова, д-р экон. наук;
Ю.И. Тарский, д-р социол. наук;
О.И. Цыбулевская, д-р юрид. наук;
С.Е. Чаннов, д-р юрид. наук;
Э.В. Чекмарев, д-р полит. наук;
Т.И. Черняева, д-р социол. наук

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – журнала «Вестник Поволжского института управления» ПИ № ФС 77 – 61170 от 30 марта 2015 года выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – журнала «Вестник Поволжской академии государственной службы» ПИ № ФС 77 – 52425 от 28 декабря 2012 года выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Подписной индекс в Роспечати 20432.

Научный журнал «Вестник Поволжской академии государственной службы» входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru/vestnik>

№ 5 (50)
2015

B U L L E T I N
OF THE VOLGA REGION INSTITUTE
OF ADMINISTRATION

Science journal

Founder:

*The Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration*

Editor-in-chief: *V.L. Chepliaev*
Deputy editor-in-chief: *O.N. Fomin*
Executive secretary: *D.V. Akaev*

Editorial board:

*V.V. Gerasimova, Doctor of Sciences (Economics);
V.M. Dolgov, Doctor of Science (History);
E.G. Lipatov, Doctor of Science (Law);
O.A. Litsenberger, Doctor of Sciences (History);
A.V. Ryazanov, Doctor of Sciences (Philosophy);
E.Yu. Sidorova, Doctor of Science (Economics);
Yu.I. Tarsky, Doctor of Sciences (Sociology);
O.I. Tsybulevskaya, Doctor of Sciences (Law);
S.E. Channov, Doctor of Science (Law);
E.V. Chekmarev, Doctor of Science (Politology);
T.I. Chernyaeva, Doctor of Sciences (Sociology)*

© Stolypin Volga Region Institute of Administration, 2015

«ВЕСТНИК ПОВОЛЖСКОГО ИНСТИТУТА УПРАВЛЕНИЯ»: юбилейный выпуск

Уважаемые коллеги, дорогие друзья, вы держите в руках юбилейный, 50-й выпуск научного журнала «Вестник Поволжского института управления». В обращении к читателям в первом номере журнала, вышедшем летом 2001 г., отмечалось, что «одной из актуальных проблем современного государственного строительства в России становится повышение результативности и эффективности государ-

ственного и муниципального управления». Данная проблематика является предметом острых дискуссий и в настоящее время, что позволяет научному журналу оставаться изданием, оказывающим помощь практикам и научному сообществу как в осмыслении теоретических вопросов, так и в обобщении и распространении передового опыта управления.

За неполные 15 лет в свет вышли 50 выпусков с публикацией более 1500 научных статей, и мы надеемся, что наш «Вестник» приобрел устойчивое положение в научном информационном пространстве. За эти годы накоплен богатый опыт создания периодического печатного издания: от разработки его дизайна, наполнения редакционного портфеля, рецензирования, научного редактирования статей до своевременной доставки журнала читателям. Сегодня большое внимание уделяется также популяризации журнала через собственный сайт издания и другие каналы научно-информационной коммуникации.

Весьма обширна география авторов журнала. За период с 2001 по 2015 год здесь опубликованы статьи аспирантов, соискателей, уже состоявшихся ученых и практиков-управленцев из 43 субъектов Российской Федерации. Кроме того, на страницах журнала размещались публикации ученых Бельгии, Болгарии, Венгрии, Германии, Испании, Италии, Казахстана, Словакии, Турции, Белоруссии, Узбекистана, Украины. Возрастающий интерес к изданию стимулировал редакцию обеспечить увеличение количества выходящих номеров

в год: если с 2001 по 2007 год издавались два номера, то с 2008 — четыре, а с 2013 года журнал начал выходить шесть раз в год.

В настоящее время журнал пользуется поддержкой научного сообщества, ученых, которые в различных регионах страны профессионально занимаются вопросами управления и администрирования. Высокий профессионализм участников, задействованных в формировании журнала, глубокая заинтересованность наших коллег в дальнейшем изучении проблем социального и политического менеджмента, экономического управления, политологии и социологии, юриспруденции и создании единого информационного пространства являются залогом дальнейшего развития журнала.

Свидетельством признания высокого качества журнала является включение его с 2008 года в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук. Очередная перерегистрация Высшей аттестационной комиссией в 2015 году подтвердила высокий уровень издания — журнал включен в Перечень по трем ведущим группам научных специальностей: политология, социологические и юридические науки.

С учетом возрастающих требований к качеству научных исследований и публикаций, реформ РАН и ВАК, введения наукометрических критериев для оценки деятельности научных и образовательных учреждений редакция журнала предполагает и далее в здоровой конкурентной борьбе обеспечивать стабильное место журнала «Вестник Поволжского института управления» в научном мире. Мы с оптимизмом смотрим в будущее, желаем авторам, читателям, научным рецензентам новых творческих идей, надеемся на дальнейшее плодотворное сотрудничество с научным и экспертным сообществом.

Главный редактор журнала
«Вестник Поволжского института управления»

В.Л. Чепляев

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

A.V. Ponedelkov
**Patriotism as a Basis
for National Security**

The phenomenon of patriotism acting as a political factor of national security is analyzed. It is proved that in the face of the deteriorating geopolitical situation the task of the patriotic component presence significantly increases, there is a need for substantial reformulation of the concept of patriotism, its ideological content.

Key words and word-combinations: patriotism, basic values, national security, culture, education.

Анализируется феномен патриотизма, выступающий в качестве политического фактора национальной безопасности. Доказывается, что в условиях обострения геополитической ситуации существенно возрастает задача присутствия патриотического компонента, возникает необходимость переформулирования содержательного понятия патриотизма, его идейного наполнения.

Ключевые слова и словосочетания: патриотизм, базовые ценности, национальная безопасность, культура, образование.

УДК 327
ББК 66.4(0)

А.В. Понеделков

ПАТРИОТИЗМ КАК ОСНОВА СОВРЕМЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Результаты двух десятилетий либеральных реформ убедительно продемонстрировали, что проведение в России радикальных политических, экономических и социальных реформ в рамках модели «догоняющей вестернизации», импортированных политико-правовых институтов и смещения национальных традиций не привели к качественному повышению уровня жизни населения, укреплению национальной безопасности, улучшению отношений нашей страны с ведущими государствами Европы и США [1, с. 3–4]. В последние годы наблюдается возврат к традиционным базовым ценностям государства и общества. С самых высоких трибун снова звучит уже порядком позабытое слово «патриотизм». Так, в Послании Федеральному Собранию Президент РФ В.В. Путин подчеркнул, что

«добросовестный труд, частная собственность, свобода предпринимательства — это такие же базовые консервативные... ценности, как патриотизм, уважение к истории, традициям, культуре своей страны» [2].

Вне всякого сомнения, любое государственное управление не может обходиться без активного использования базовых ценностей в качестве генератора целей своего развития. Проблема заключается в их выборе, механизмах трансляции обществу, открытом или завуалированном их характере, соответствии цивилизационным кодам нации, правовой форме закрепления, алгоритме обратной связи общества и государства. Базовые ценности невозможно сформировать искусственно и насильно навязать обществу, как это пытались сделать в начале 90-х годов прошлого века. Как показало время, нежизнеспособные элементы через короткий период были отторгнуты обществом, ибо базовые ценности объективно выкристаллизовываются в процессе функционирования конкретного государства в конкретной политической обстановке.

Мировой практике известны случаи, когда базовые ценности закреплялись и транслировались обществу в форме нормативных правовых актов. Например, после террористической атаки на США 11 сентября 2001 г. Президент США Дж. Буш подписал «Патриотический акт», единогласно поддержанный Конгрессом США [3]. Данный акт значительно расширил права и возможности специальных служб в контроле за населением, что вызвало поток протестов со стороны либералов и поборников гражданских свобод. Однако у большинства населения страны закон нашел понимание, ибо, как справедливо отметил профессор С.А. Воронцов, «на каждом этапе своего развития человечеству приходится делать нелегкий выбор: какими правами и свободами оно готово пожертвовать во имя своей безопасности» [4].

Отметим, что национальная безопасность, которая характеризует степень (меру, уровень) защищенности жизненно важных интересов, прав и свобод личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз или степень отсутствия угроз правам и свободам человека, базовым интересам и ценностям общества и государства — один из центральных вопросов политологии и права. Таким образом, в современном научном дискурсе концепт национальной безопасности соотносится с безопасностью личности, бизнеса, государства и общества в целом. При этом национальная безопасность обеспечивается не только с помощью специальных служб. В числе существенных факторов национальной безопасности, как отмечено ранее, выделяется патриотизм. Анализ современной политической ситуации в России со всей очевидностью диктует задачу активизации патриотического компонента, необходимость отражения ценностного позиционирования в официальных документах высшего государственного уровня. В связи с этим значительно возрастает роль и значение культуры, так как именно в сфере культуры общество выявляет и закрепляет базовые ценности, а на государство ложится обязанность их поддержки и защиты. Негативные социокультурные процессы, наблюдавшиеся в последние десятилетия, стали одним из опасных источников угроз безопасности Российской Федерации, так как они ведут к разрушению культуры народа, снижению значения нравственных начал, утрате духовности, девальвации базовых цен-

ностей. Фактически речь идет о кризисе культуры, который при непринятии должных мер в конечном счете неминуемо приведет к падению демократической власти, как произошло на Украине.

Как известно, культура (от лат. *cultura* — воспитание, образование, развитие, почитание) — это исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, в их взаимоотношениях, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях [5, с. 126]. Основная миссия культуры — формирование личности, деятельной сущности человека. Следовательно, кризис культуры может повлечь за собой серьезные проблемы, связанные с формированием личности, а итоге — проблемы с обеспечением существования общества и государства. Большинство проблем, порожденных кризисом культуры, разрешить силовым путем невозможно. Эффективность их решения будет во многом зависеть от того, как государство и общество сумеют восстановить уважение к базовым ценностям [6, с. 101–104].

Каждое общество исторически вырабатывало свой набор базовых ценностей. Однако до настоящего времени ценностные ориентиры наших соотечественников постигались в основном интуитивно или в философском ключе аксиологии, что породило идейную разногласию, а также дискуссию о патриотизме с преобладанием публицистической риторики. Именно поэтому перед научным политологическим сообществом возникает задача анализа патриотического ценностного основания государственной политики Российской Федерации как внутри страны, так и во внешнеполитической сфере.

Исследование значимости базовых ценностей для государства осуществляется в пространстве исторического времени. В качестве критериев оценки следует принять устойчивость и воспроизводство базовых ценностей по истечении определенного исторического периода. Самовоспроизведение базовых ценностей означает их родовую связь с существованием общества. Субъективная воля индивида может стать фактором изменения общественного сознания, ведущего к социальной дезорганизации, к появлению модели, которую Л.Н. Гумилев определил понятием «химеры» [7, с. 312–316]. Так, в период, предшествующий Первой мировой войне и последовавшим за ней революциям, патриотизм перестал быть базовой ценностью прежде всего для российской элиты того времени. Как отмечала современница указанной эпохи А. Тыркова-Вильямс, «это слово произносилось не иначе как с улыбочкой. Прослыть патриотом было просто смешно. И очень невыгодно. Патриотизм считался монополией монархистов, а все, что было близко самодержавию, полагалось отвергать, поносить» [8].

В период строительства Советского государства произошел возврат к базовым ценностям. Патриотизм стал основой национального единения, который помог стране выстоять в Великой Отечественной войне. Однако в 1990-е годы, когда происходило разрушение советской идеологической парадигмы, обществом вновь овладела «химера» космополитизма. Сторонники глобализационных процессов стали считать путь унификации культур через разрушение национальных государств и цивилизаций объективным вектором развития

миросистемы. Проповедуется коллаборационистский подход, суть которого заключается в бессмысленности сопротивления Российского государства и общества внешнему влиянию господствующих мировых сил.

Следует объективно признать наличие противоречий в формулировках идеологических постулатов по вопросу базовых ценностей в современной российской политике. Поиск путей их разрешения в современной обстановке является весьма актуальным. Сегодня патриотизм проявляется не в той степени, как это было в советский период. Однако возможность гордиться своей страной является такой же потребностью граждан России, как это было в прежние времена. В особой степени это касается молодежи, так как после крушения советской идеологической парадигмы государство и общество не выработали внятную стратегию развития и воспитания молодого поколения. В лучшем случае государство делало упор на развитие спорта, хотя «борьба за мышцы без борьбы за мозги — путь в никуда» [9].

В последние годы положение начинает меняться. Так, если в 1990-е годы оценки молодым поколением собственной страны резко упали, то к 2010 г. число молодых людей, гордящихся Родиной, возросло: согласно опросу Фонда общественного мнения, с 2006 по 2014 г. число россиян, считающих себя патриотами, выросло с 57 до 75% [10]. Заслуживает внимания тот факт, что в действиях политических лидеров население желает видеть приверженность не только закону, правопорядку, справедливости, но и приверженность патриотическим ценностям (свыше 45) [11].

Уровень патриотизма россиян с особой силой проявился в отношении к вопросу о вхождении Крыма в состав Российской Федерации. Время опровергло десятки наукообразных теорий и прогнозов о том, что Крым не выживет вне состава Украины. Политическим руководством и жителями новых субъектов РФ при поддержке буквально всех регионов России реализованы первоочередные задачи по обеспечению жизнедеятельности промышленного и сельскохозяйственного комплекса полуострова, решены проблемы электро- и водоснабжения, безопасности и правопорядка [12]. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, 96% населения Российской Федерации считают правильным такое решение крымчан; 78% — полагают, что вхождение Крыма в состав России принесет больше пользы, нежели вреда [13].

Президент РФ В.В. Путин в обращении к депутатам Государственной Думы, членам Совета Федерации, руководителям регионов России и представителям гражданского общества отметил, что «в сердце, в сознании людей Крым всегда был и остается неотъемлемой частью России. Эта убежденность, основанная на правде и справедливости, была непоколебимой, передавалась из поколения в поколение, перед ней были бессильны и время, и обстоятельства, бессильны все драматические перемены, которые мы переживали, переживала наша страна в течение всего XX века. Твердость внешнеполитической позиции России основывалась на воле миллионов людей, на общенациональном единении, на поддержке ведущих политических и общественных сил. Я хочу поблагодарить всех за этот патриотический настрой. Всех без исключения. Но нам важно и впредь сохранять такую же консолидацию, чтобы решать задачи, которые стоят перед Россией» [14].

Результаты социологических исследований показывают, что сегодня большинство россиян считают себя патриотами России, уважают традиции и культуру страны, сохраняют память о своих предках, гордятся необъятными размерами своей Родины и запасами полезных ископаемых; мечтают видеть Россию ведущей мировой державой, богатой и процветающей страной [15].

Важным условием укрепления российской государственности является сохранение целостности страны и единства ее народов. Необходимым условием успешного решения этой задачи является формирование общероссийского и регионального патриотизма, для чего следует выработать исторически новый тип патриотизма, в котором традиционные культурные смыслы должны сочетаться с новыми аспектами, отражающими видоизмененную миросистему. Глобализация не отменяет национальные государства, но изменяет форматы коммуникаций между ними. Появление качественно нового типа мировой культуры ставит перед Российским государством задачу переформулирования содержательного понятия патриотизма, его идейного наполнения. Ведущую роль в решении данной задачи должно взять на себя и политологическое сообщество.

Библиографический список

1. *Воронцов С.А.* Антиэкстремистская деятельность органов государственной власти и местного самоуправления России в институционально-правовом контексте: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-н/Д, 2009.
2. Ежегодное Послание Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации. 5 дек. 2014 г. URL: <http://skuky.net/96248>
3. USAPATRIOTActof 2001. URL: http://itlaw.wikia.com/wiki/USA_PATRIOT_Act_of_2001
4. *Воронцов С.А.* О необходимости совершенствования государственной политики и управления в сфере безопасности // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2013. Т. 6, № 4 (30). С. 6–18.
5. Культурология. История мировой культуры / А.Н. Маркова [и др.] М., 2003.
6. *Воронцов С.А.* Формирование угроз безопасности Российской Федерации как следствие кризиса культуры // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2013. № 5. С. 101–104.
7. *Гумилев Л.Н.* Этногенез в биосфере земли. М., 1993. С. 312–316.
8. *Тыркова-Вильямс А.* Жизнь Пушкина. Т. 1: 1799–1824. URL: <http://lib.rus.ec/b/139691/read>
9. *Воронцов С.А.* Противодействие экстремизму в среде студенческой молодежи // Власть. 2012. № 9. С. 52–55.
10. О патриотизме. Сколько патриотов среди россиян? И кого можно считать патриотом? 23 апр. 2014 г. URL: <http://fom.ru/TSenosti/11471>
11. *Понеделков А.В., Воронцов С.А.* О восприятии политического лидерства на региональном уровне // Власть. 2015. № 3. С. 91–99.
12. *Воронцов С.А.* О практике введения государственных и муниципальных служащих Республики Крым в правовое пространство России // Философия права. 2014. № 6 (67). С. 75–78.
13. ВЦИОМ об отношении россиян к вхождению Крыма в состав России. 2 апр. 2014 г. URL: <http://mir-politika.ru/12002-vciom-96-rossiyan-podderzhivayut-reshenie-o-vozvrashchenii-kruma-v-sostav-rf.html>
14. Обращение Президента Российской Федерации. 18 марта 2014 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20603>
15. Россияне считают себя патриотами. URL: <http://news.rambler.ru/14298506/>

A.V. Polyinin, V.M. Lebedev
Strategic Planning
in Public Administration

The article considers the conceptual provisions of strategic planning in public administration. Institutions of public administration are analyzed from the point of view of the system approach. The differences in strategic planning depending on the levels of public administration are defined.

Key word and word-combinations: strategic planning, public administration, system approach, strategic management.

Рассматриваются концептуальные положения стратегического планирования в публичном управлении. Институты публичного управления анализируются с точки зрения системного подхода. Обозначены различия стратегического планирования в зависимости от уровней публичного управления.

Ключевые слова и словосочетания: стратегическое планирование, публичное управление, системный подход, стратегическое управление.

УДК 338.26/.27
ББК 65.054.1

А.В. Полянин, В.М. Лебедев

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В ПУБЛИЧНОМ УПРАВЛЕНИИ

Концепция стратегического планирования — одна из составляющих современной философии публичного управления — основана на системном и ситуационном подходах к управлению. Институты публичного управления рассматриваются при этом прежде всего как открытая система. Главные предпосылки успешных результатов публичного управления находятся не внутри организационной структуры, а вне ее, то есть успешным публичное управление будет только тогда, когда сможет наиболее приспособиться к внешнему окружению. Сумеет ли система органов публичного управления быть устойчивой к воздействиям внешней среды, сможет ли извлечь максимум выгоды от возможностей, предоставляемых внешней средой, — главные критерии ее эффективности.

В современных условиях управленческая парадигма публичного управления должна предусматривать:

- сочетание методов государственного управления с методами рыночного саморегулирования, построенное на прямых и обратных связях при принятии управленческих решений;
- функционирование институтов публичного управления как открытых систем;
- применение методов и приемов управления, свойственных полицентрической системе хозяйствования.

Действия органов публичного управления и их руководителей на современном этапе развития общества не могут сводиться к простому реагированию на происходящие

перемены [1]. Все сильнее осознается необходимость сознательного управления изменениями на основе научно обоснованных процедур регулирования, предвидения, приспособления к динамично изменяющимся условиям. Неопределенность внешней среды, ее изменчивость, динамичность внешних социально-экономических и политических процессов обуславливают значительную актуальность использования концепции стратегического планирования в публичном управлении [2].

С точки зрения стратегического планирования публичное управление — это сложная, динамичная система, изменяющаяся в пространстве и времени свои параметры, подверженная воздействиям внешней среды и оказывающая влияние на нее по принципу обратной связи [3]. Соответственно стратегическому планированию в публичном управлении как системе присущи объект, предмет, свойства и особенности (рис. 1).

Рис. 1. Предмет, объект, свойства и особенности стратегического планирования в публичном управлении

В общем понимании стратегическое планирование в публичном управлении — это многоплановый процесс, направленный на разработку стратегии институтов публичного управления с учетом изменений, происходящих во внешней среде. Оно предназначено, во-первых, для разработки и ранжирования приоритетных и долгосрочных целей процесса публичного управления, которые отвечают требованиям социально-экономического развития; во-вторых, для оценки и критического рассмотрения предполагаемых путей и возможностей достижения приоритетных целей в существующих и прогнозируемых внешних и внутренних условиях функционирования системы публичного управления; в-третьих, для выбора и реализации управленческих решений, обеспечивающих рациональное использование имеющихся ресурсов и эффективную адаптацию к неожиданным изменениям.

Применительно к публичному управлению и стратегическому планированию следует выделить, на наш взгляд, критерии оценки эффективности и особые цели, но вместе с тем для этих двух экономических категорий важно указать их общие цели (рис. 2).

Рис. 2. Общие цели публичного управления и стратегического планирования

Кроме того, в публичном управлении на современном этапе развития используются методы, которые составляют основу стратегического планирования: метод системного анализа, методы стратегической диагностики; метод анализа иерархий, метод привлекательности СЗХ и другие.

По мнению большинства российских исследователей, взаимосвязь между публичным управлением и его внешней средой является главной характеристикой стратегий публичного управления. Так, Ю.В. Вертакова рассматривает стратегию как «институциональный процесс, который имеет дело с отношениями между органами публичного управления и их внешней средой» [4].

В.А. Плотников полагает, что «стратегическое планирование включает интерпретацию внешней среды и развитие последовательных моделей в потоке управленческих решений» [5].

Е.Ю. Астафичева утверждает: «Публичное управление может и должно основываться на стабильных и предсказуемых методах и технологиях, принципах и правилах, образующих в совокупности институциональный механизм стратегического менеджмента» [6].

О.В. Малахова связывает стратегии публичного управления с изменениями в общественно-политической сфере [7].

По мнению И.Е. Рисина, «основой стратегического планирования является соотнесение институтов публичного управления с внешней экономической средой» [8].

С точки зрения Л.А. Третьяковой, «стратегия институтов гражданского общества направлена на устойчивое развитие территорий в долгосрочном периоде» [9].

О.В. Рудакова отмечает: «В стратегическом планировании существует взаимозависимость между экономическими интересами и запросами гражданского общества» [10].

Таким образом, с нашей точки зрения, стратегическое планирование можно рассматривать как взаимосвязанные перспективные планы социально-экономического развития, которые разрабатывают органы публичного управления для достижения долгосрочных целей с учетом собственного ресурсного потенциала, а также с учетом факторов и ограничений внешней среды.

Для различных уровней публичного управления общие принципы стратегического планирования будут неизменны (таблица).

**Уровни и субъекты
публичного управления**

Уровни	Подуровни	Субъекты
Федеральный	Отсутствуют	Президент РФ, Федеральное Собрание, Правительство РФ, федеральные министерства, агентства, службы, Счетная палата РФ
Региональный	Республика, край, область, город федерального значения, автономная область, автономный округ	Высшее должностное лицо субъекта РФ, законодательный (представительный) орган субъекта РФ, высший исполнительный орган субъекта РФ, исполнительные органы специальной компетенции субъекта РФ, высшие органы финансового контроля субъектов РФ
Муниципальный	Городской округ, муниципальный район, городское поселение, сельское поселение	Глава муниципального образования, представительный орган муниципального образования, местная администрация, контрольный орган муниципального образования

В то же время качественной стороной стратегического планирования в публичном управлении выступают ориентиры и цели, к которым стремятся в конечном итоге органы публичного управления. Стратегия в данном случае выступает как средство достижения поставленных целей. Цели и ориентиры взаимозаменяемы и в отдельные моменты времени, и на различных уровнях публичного управления. Некоторые параметры (показатели, индикаторы) в один момент времени могут служить ориентирами, в другой — целями. При наличии нескольких уровней публичного управления возникает иерархия: на высших уровнях публичного управления формируются цели стратегического планирования, на нижних уровнях они преобразовываются в ориентиры. В ходе формулирования стратегии нельзя предвидеть все возможности, которые возникнут при составлении и реализации стратегии.

Таким образом, само стратегическое планирование публичного управления вырабатывает зону неопределенности между целями и ориентирами. Следовательно, существенную роль будет играть усиление обратной связи. В процессе выработки управленческих решений органами публичного управления периодически появляются новые альтернативы, соответственно начинается осуществляться поиск новых управленческих решений. Значит, первоначальные цели и ориентиры могут так или иначе изменяться или преобразовываться.

Процесс разработки стратегии органами публичного управления не завершается немедленным действием, он может на определенном этапе иметь законченный вид предложением общих направлений, продвижение по которым обеспечит устойчивость к воздействиям внешней среды, максимум выгоды от возможностей внешней среды при использовании имеющегося ресурсного потенциала. Необходимость в стратегии отпадает только после того, как достигаются необходимые результаты.

Библиографический список

1. *Строева О.А.* Региональная политика как составная часть экономической политики государства // Теоретические и прикладные вопросы экономики и сферы услуг. 2013. № 1. С. 92–109.
2. *Полянин А.В.* Комплексная оценка конкурентных преимуществ региональных комплексов Центрального федерального округа // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 3. С. 259–265.
3. *Коптева Н.А., Полянин А.В., Коваленко В.П.* Моделирование экономического роста и привлекательности региональных экономик // Вестник Курской сельскохозяйственной академии. 2011. Т. 1. № 1. С. 42–43.
4. *Вертакова Ю.В., Борисова М.С., Борисов А.М.* Оценка эффективности публичного управления в России на региональном уровне: проблема выбора индикаторов развития // Известия Юго-Западного государственного университета. 2014. № 4. С. 27–38.
5. *Плотников В.А., Федотова Г.В.* Индикаторы стратегического регионального планирования // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2014. № 17. С. 21–33.
6. *Астафичева Е.Ю., Полянин А.В.* Современные проблемы и перспективы функционирования публичного управления на основе корпоративного менеджмента // Экономические и гуманитарные науки. 2014. № 9(272). С. 96–102.
7. *Малахова О.В.* Гражданское общество в модернизирующейся России // Среднерусский вестник общественных наук. 2012. № 2. С. 129–133.
8. *Рисин И.Е.* Оценка современной Российской практики стратегического планирования развития регионов // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Экономика и управление. 2013. № 2. С. 118–122.
9. *Третьякова Л.А.* Роль институтов гражданского общества в реализации стратегии устойчивого регионального развития // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 31. С. 47–55.
10. *Рудакова О.В., Захаров В.В.* Гражданское общество в системе экономических интересов // Научные записки ОрелГИЭТ. 2012. № 1. С. 351–353.

**G.M. Ivashchenko
Objective Prerequisites
for the Application of Knowledge
of Management Social Attributiveness
in Strategic Planning
of the Russian Federation
and the Republic of Bashkortostan**

The problem of modern strategic planning management is investigated. Objective prerequisites for the application of knowledge about the management social attributiveness in the modern strategic planning in Russia and Bashkortostan are grounded. The author's scientific approach to management of strategic planning is justified.

Key words and word-combinations: strategic planning, social management, management social attributiveness.

Исследуется проблема управления современным стратегическим планированием. Обоснованы объективные предпосылки применения знания о социальной атрибутивности управления в современном стратегическом планировании России и Башкортостана. Обосновывается авторский научный подход к управлению стратегическим планированием.

Ключевые слова и словосочетания: стратегическое планирование, социальное управление, социальная атрибутивность управления.

УДК 338.26/.27
ББК 65.054.1

Г.М. Иващенко

**ОБЪЕКТИВНЫЕ
ПРЕДПОСЫЛКИ
ПРИМЕНЕНИЯ ЗНАНИЯ
О СОЦИАЛЬНОЙ
АТРИБУТИВНОСТИ
УПРАВЛЕНИЯ
В СТРАТЕГИЧЕСКОМ
ПЛАНИРОВАНИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И РЕСПУБЛИКИ
БАШКОРТОСТАН ***

В России и Башкортостане стала актуальной проблема применения знания о социальной атрибутивности управления в современном стратегическом планировании. Ее суть состоит в неоднозначных, порой противоречивых, динамике и результатах планирования, отчасти обусловленных отсутствием целостного управленческого подхода к нему. С одной стороны, практика разработки и внедрения стратегических решений обеспечивается значительным перечнем нормативно-правовых правил. С другой — современное планирование характеризуется разнообразием форм и сопутствующих им организационно-правовых статусов, что проявляется, как минимум, в двух его измерениях: функциональных формах и уровнях практического применения. К тому же соответствующие практике планирования междисциплинарные исследования раскрывают разные предметные зоны этого явления, в силу чего возникают расхождения в точках зрения на его содержание и

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-13-02008.

значимость. В актуальной информации разных органов государственной власти и управления Российской Федерации и Республики Башкортостан (РБ), относящейся к описанию программных документов и организации управления планированием, также прослеживаются противоречия.

Перечисленные факты не способствуют созданию условий для объективной и достоверной оценки состояния стратегического планирования и построения эффективных моделей управления этой частью общественных отношений. Предполагается, что отчасти упорядочить гносеологико-деятельностные противоречия в стратегическом планировании и сформировать научный подход к управлению этим объектом возможно с помощью знания о социальной атрибутивности управления и ключевых характеристиках современного стратегического планирования.

Авторское социологическое исследование объективных предпосылок применения знания о социальной атрибутивности управления в современном стратегическом планировании России и Башкортостана выполнено комплексно. Основы знания о социальной атрибутивности управления и метод управления стратегическим планированием представлены с опорой на результаты отечественных и зарубежных междисциплинарных исследований проблем социального управления, а также авторских, проводимых с 1996 г. Ключевые управленческие характеристики современного стратегического планирования определены методами комплексного и сравнительного анализа официальных документов. Всего изучено: программных документов РФ — 52, РБ — 71; базовых нормативно-правовых актов — 69; электронных источников официальной информации органов государственной власти и управления РФ и РБ — 27. Методологический фундамент исследования составили принципы системного, комплексного, сравнительного анализа; материалистической диалектики.

Из полученных при анализе сведений о социальной атрибутивности управления представим два вывода, интересных для данного исследования и подробно описанных в одной из публикаций автора [1].

Во-первых, феномен социальной атрибутивности управления выражает собой закономерность, которая заключена в свойственности управления социальному миру и присущности управлению признаков социального. Эта неотъемлемая связь проявляется в одновременном существовании объективных закономерностей и субъективных практик и присутствует в целостном множестве управленческих явлений и процессов. Динамику социальной атрибутивности управления следует учитывать в организации и проведении любых управленческих решений, в определении меры социальной эффективности управления. С одной стороны, феномен социальной атрибутивности управления, в силу динамичности, воспринимается как особая диалектическая модель общественного развития, самостоятельная и уникальная, которая основывается на устойчивых и подвижных связях. С другой — он выражает лишь одну сторону общественного развития — управленческую.

Во-вторых, в модели социальной атрибутивности управления особое внимание привлекает управленческий процесс. В контексте социально-исторического развития он представлен непрерывной совокупностью последовательных

действий его субъектов; распространяется на все социальные отношения и объекты, в многообразии типов и форм их проявлений; обеспечивает поступательные изменения в обществе и содержит актуальную часть. Во взаимосвязи с конкретной социальной проблемой в данном процессе раскрываются признаки конкретности и социальности. Управленческий процесс, которому свойственны актуальность, конкретность, социальность, составляет основу модели социальной атрибутивности управления, к нему обращен практический интерес. Ему присуще единство социально-управленческой проблемы и практики, видимое сквозь призму источников, движущих сил, механизма развития [1, с. 17].

К центральным компонентам структуры знания о социальной атрибутивности управления относятся теория и метод. Теория социальной атрибутивности управления — это социально-управленческая наука, являющаяся системой знаний об общих и специфических закономерностях возникновения, развития, функционирования управления как неотъемлемого свойства социальных систем, позволяющая эффективно организовывать и реализовывать управленческие практики с целью успешного изучения и разрешения актуальных социально-управленческих проблем. Ее главная задача — создание социологической управленческой модели, единой для всех типов и форм социального управления, объясняющей единообразный подход к актуальным социально-управленческим проблемам и метод их разрешения.

Метод социальной атрибутивности управления (социально-управленческий метод) — научный способ изучения в единой целостности: актуальных социально-управленческих проблем и разрешающих их управленческих практик, выявление совокупности отклонений в них от объективных закономерностей и требований социального управления и построение на основе полученного знания исходной модели, к которой можно свести все многообразие проявлений управления как неотъемлемого свойства социальных систем и отсюда — найти универсальные принципы управления разнородными социальными объектами. Данный метод выражает собой социально-управленческий подход к исследованию общества и изменений в нем. Он заключается в изучении многообразных социальных явлений и процессов сквозь призму объективных закономерностей, требований, принципов социального управления. Социально-управленческие закономерности и требования существуют в социальном мире в силу его наделенности атрибутом управления. Предлагаемый метод, с одной стороны, соответствует требованиям социального научного управления, с другой — не идет вразрез с объективными закономерностями социальной жизни.

Необходимость и возможность использования теории и метода социальной атрибутивности управления в разработке плановых решений детерминированы совокупностью фундаментальных характеристик стратегического планирования. Эти характеристики раскрываются в ходе изучения диалектики гносеологических и практико-деятельностных противоречий между планированием и социальным управлением. Их правомерно воспринимать как объективные предпосылки применения знания о социальной атрибутивности управления в стратегическом планировании. Наиболее важные из них составляют следующий ряд:

1. Стратегическое планирование имеет значение одной из многообразных форм социального управления. Это свойство планирования выявлено путем сравнительного анализа результатов, полученных при многочисленных исследованиях истории социального управления учеными: отечественными, в числе которых Д.Н. Бобрышев [2], В.П. Малахов [3], В.И. Маршев [4], С.П. Семенцов [2], и зарубежными, например М. Вебером [5], С.Г. Клауди [6], Р. Мертоном [7], Т. Парсонсом [7]. Особое значение в обосновании данного свойства планирования имеют три вывода автора статьи. Первый — о том, что историческое развитие социального управления и планирования выступает как целостный процесс. Второй — о том, что ключевые формы социального управления и планирования последовательно претерпевали качественные изменения в соответствии с меняющимися социальными условиями и потребностями. Третий — об устойчивости фундаментальных характеристик базовых форм социального управления и планирования в ходе социально-исторического развития. Свойственность этих признаков стратегическому планированию позволяет представить его как специфический управленческий процесс, который проявляет признаки общего и особенного в сравнении с другими формами и типами социальных управленческих процессов. К его общим управленческим свойствам относятся прежде всего наличие цели, субъектов, ситуации, условий, совокупности функций, целеполагание, целедостижение. К особенным — исполнение субъектами специфических функций планирования: систематизации управления, организации управленческого процесса, упорядочения управленческой информации, конкретизации и упорядочения управленческих мероприятий, формирования критериев оценки состояния и перспектив управленческого процесса и его компонент.

2. Стратегическое планирование характеризуется социально-управленческой природой. Под ней подразумевается «совокупность специфических условий, в которых разрабатываются и реализуются решения в форме стратегического планирования; собственно процессы планирования, а также — взаимодействия между их субъектами. Из всех объективных условий, детерминирующих особенности развития стратегического планирования на современном этапе, особое внимание обращают на себя три: 1) состояние системы социального управления, отражающееся в социальном характере государственного устройства и в социальной политике, 2) нормативно-правовое закрепление стратегического планирования, 3) стремительное расширение области применения стратегического планирования и необходимость его корректирования методами и средствами социального управления» [8, с. 14].

3. Стратегическое планирование, находясь под воздействием социально-исторического развития общества и управления, характеризуется одновременной наделенностью признаками качественной устойчивости и изменчивости. Наиболее интенсивно стратегическое планирование стало развиваться в XX в. — с увеличением числа отечественных научных исследований в области социального управления. Широкое распространение долгосрочного социального планирования в СССР его отечественные исследователи и активные участники связывают с 60-ми годами прошлого столетия, в их

числе: Н.А. Аитов [9], А.А. Баимбетов [10; 11], Ж.Т. Тощенко [12]. В тот период, по мнению А.А. Баимбетова, был накоплен как практический, так и теоретический опыт разработки планов поступательного социального развития трудовых коллективов, городов, регионов [10]. На этапе, прошедшем с 1960-х годов до настоящего времени, планирование, сохранив прежние формы, изменилось качественно в своем содержании и реализации под воздействием изменившейся и подвижной социальной среды. Однако в настоящее время компоненты стратегических планов социального развития перечисленных объектов все же встречаются [13].

4. На современном этапе изменилась функциональная форма стратегического планирования: от централизованного к структурному типу. Ее качественное изменение обусловлено прежде всего трансформацией государственной системы управления в целом, о чем свидетельствуют базовые нормативно-правовые документы Российской Федерации. И то и другое на высшем уровне связано с реорганизацией политического курса и устройства государства. Вместе с тем сама концептуальная идея социального стратегического планирования и его теория в целом не потеряли актуальности. Сегодня как никогда раньше планированию присуща тенденция дальнейшего углубления и расширения пространства использования. Проникновение социального управления во все компоненты социальной структуры, все сферы и области общественных отношений обуславливает объективную потребность в расширении спектра и количества междисциплинарных связей в его научных исследованиях. Отсюда — такая же потребность в междисциплинарности к исследованиям и выработке конкретных плановых решений.

5. Для стратегического планирования на современном этапе характерно также и другое значение — актуальной тенденции социального управления. Такая ценность планирования выявлена на основе изучения его генезиса. Генезис стратегического планирования как актуальной тенденции социального управления — это объективный процесс становления долгосрочного, востребованного и сравнительно устойчивого направления развития социального управления — планового. Объективными детерминантами проявления стратегического планирования как актуальной тенденции социального управления правомерно назвать: 1) место планирования в целостном социальном управлении — один из специфических процессов и особая форма, 2) диалектику исторического развития социального управления и планирования, 3) широкую востребованность планирования на всех уровнях современной социально-управленческой структуры [14].

6. Стратегическое планирование на уровне гносеологических противоречий обращает на себя внимание в границах трех центральных теоретических подходов: экономического, государственного управления, социологического.

Обобщая результаты экономических исследований [15; 16] и сведения из официальных правовых и информационных источников [17; 18], ценность актуальных форм планирования правомерно увязывать с одним из способов реализации экономической политики государства. Он состоит в разработке целостной совокупности долгосрочных управленческих мероприятий, направленных на согласование экономических и социальных приоритетов, показа-

телей, стандартов. Плановые мероприятия используются субъектами управления для обеспечения устойчивого, поступательного, равномерного развития социально-экономических объектов, обеспечения долгосрочной конкурентоспособности национальной экономики, достижения высоких социальных стандартов. Социальные цели здесь являются ключевым компонентом.

В государственном управлении ценность стратегического планирования и выражающих его программ и проектов определяется комплексно: 1) программы выступают особой рукотворной движущей силой повышения социального благополучия и экономического роста; 2) при переходе «всей парадигмы управления исполнительской частью и законодательной власти к управлению целями и проектами, как экономическими, так и гуманитарными» [19, с. 13], целевые программы окончательно легитимно закрепятся в значении мощного механизма государственного управления, способного интегрировать все возможные виды общественных связей, в том числе: структурные, институциональные, организационные, социальные, экономические, культурные, научно-технические, технологические, трудовые, профессиональные. Такое видение стратегического планирования исходит из оценки современной ситуации и перспектив общественного развития ведущими отечественными учеными и практиками: М.К. Горшковым [20], В.А. Ильиным [19]. Ж.Т. Тощенко [22], экспертами Государственного Совета [23], а также В.В. Путиным [18; 21].

Потребность в использовании социологического подхода к стратегическому планированию объясняется действием в нем социально-управленческих закономерностей. В отличие от практической ценности экономического метода и подхода в границах государственного управления социологическая теория раскрывает обширное социально-управленческое пространство для исследования проблематики современного стратегического планирования, его фундаментальных характеристик, определения его источников, движущих сил, механизмов развития и на этой основе — поиска и определения наиболее существенных научных методов, технологий стратегического планирования; принципов и требований выработки научных стратегических (плановых) решений, то есть в целом — для обеспечения благоприятного поступательного развития этого специфического вида социального управления.

В обобщение изложенного об исследуемой проблеме отметим следующее. Содержание перечисленных характеристик раскрывает как неразрывную связь планирования с социальным управлением, так и современное состояние и тенденции в области плановых управленческих решений. Проблемная сторона стратегического планирования в качестве актуальной тенденции социального управления в Российской Федерации и ее субъектах отчасти может быть объяснена тем, что в современных условиях недостатком управления планированием является иногда упрощенный характер подходов к нему. Например, изучение проблем муниципального стратегического развития в РБ показало, что муниципалитеты опираются на множество целевых программ социального развития, но не имеют собственных стратегий. Это автоматически снижает уровень фундаментальности разрабатываемых плановых решений и одновременно дает возможность предложить ряд научных оснований, позволяющих улучшить исследуемый управленческий процесс уже на первом

этапе — разработки стратегического решения. Выступая особой стороной социального управления, стратегическое планирование автоматически попадает в сферу действия объективных законов и правил социального управления, поэтому на него в полной мере может быть распространено полученное автором знание о социальной атрибутивности управления.

Библиографический список

1. *Иващенко Г.М.* Феномен атрибутивно-управленческой организации общества в государственном управлении // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2015. № 6. С. 15–18.
2. *Бобрышев Д.Н., Семенов С.П.* История управленческой мысли. М., 1985.
3. *Правовая мысль: антология* / авт.-сост. В.П. Малахов. М.; Екатеринбург, 2003.
4. *Маршев В.И.* История управленческой мысли. М., 1987.
5. *Вебер М.* Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова. М., 1990.
6. *Claude S.G.* The History of Management Thought. N.Y., 1972.
7. *Американская социологическая мысль: тексты* / под ред. В.И. Добренькова. М., 1994.
8. *Иващенко Г.М.* Социально-управленческая природа актуального стратегического планирования в Российской Федерации и в Республике Башкортостан // *Вестник ПАГС*. 2015. № 3. С. 11–17.
9. *Аитов Н.А.* Научно-техническая революция и социальное планирование. М., 1978.
10. *Баимбетов А.А.* Социальное планирование как механизм профилактики социальных отклонений и девиантного поведения [Электронный ресурс]. Доступ из ИС РГНФ.
11. *Баимбетов А.А.* Возрождение социального планирования как общественная необходимость // *Социальное пространство Урала в условиях глобализации – XXI век: мат-лы междунар. науч.-практ. конф.* Челябинск, 2006. Ч. 2. С. 80–82.
12. *Тощенко Ж.Т.* Социология управления. М., 2011.
13. *Стратегическое управление: регион, город, предприятие* / Д.С. Львов [и др.]; под ред. Д.С. Львова, А.Г. Гранберга, А.П. Егоршина. М., 2005.
14. *Иващенко Г.М., Иващенко Д.О.* Генезис стратегического планирования как актуальной тенденции социального управления в Российской Федерации и в Республике Башкортостан // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2015. № 4. С. 125–132.
15. *Антонюк В.С., Вансович Э.Р.* Теоретические, методологические и методические основы структурной политики субъектов РФ // *Экономика региона*. 2013. № 1. С. 20–31.
16. *Сухарев О.О.* Системность экономики и ее структурная модернизация. URL: <http://capital-rus.ru/articles/143237>
17. О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федер. закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ // *СЗ РФ*. 2014. № 26. Ч. I. Ст. 3378.
18. Путин задумался о возвращении элементов госплана в российскую экономику. URL: <http://lenta.ru/news/2015/06/18/gosplan/>
19. *Ильин В.А.* Необходимость нового цикла развития // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2014. № 5. С. 9–15.
20. Двадцать лет российских реформ в оценках экономистов и социологов (двадцать тезисов о главном). URL: http://nisse.ru/articles/details.php?ELEMENT_ID=129587
21. На Международном экономическом форуме в Петербурге политики и эксперты обсуждают актуальные темы. URL: <http://www.1tv.ru/news/economic/286095>
22. *Тощенко Ж.Т.* Экономическое сознание и поведение: состояние и тенденции (1990–2012) // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2014. № 4. С. 36–47.
23. Стенограмма заседания Государственного Совета 18.09.2014. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46636>

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ

A.V. Kolesnikova
**Models of the State Territorial
and Political Structure
Transformation Effected
by Socio-Cultural Factors:
the World Experience and Possibilities
for the Russian Regionalism**

The processes of centralization and decentralization of modern states are analyzed. The transformation of territorial-state structure through the culture of a certain people is considered. The analysis of the other two scenarios of state territorial structure transformation affected by socio-cultural factors is drawn.

Key words and word-combinations: territorial structure, regionalism, socio-cultural factors.

Анализируются процессы централизации и децентрализации современных государств. Рассматривается трансформация территориально-государственной структуры через культуру того или иного народа. Проводится анализ двух других сценариев трансформации территориальной структуры государства под влиянием социокультурных факторов.

Ключевые слова и словосочетания: территориальное устройство, регионализм, социокультурные факторы.

УДК 323.11
ББК 66.3(0)5

А.В. Колесникова

МОДЕЛИ ТРАНСФОРМАЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ГОСУДАРСТВА ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ: МИРОВОЙ ОПЫТ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИЙСКОГО РЕГИОНАЛИЗМА

При изучении процессов централизации и децентрализации современных государств нельзя обойти вниманием вопросы развития территориально-государственных систем, их моделирования и теоретико-методологического изучения. О современных трансформациях государственного устройства исследователи говорят как о «конflikте глобального и локального» [1], рассматривая регионализм в качестве естественного, органического принципа территориальной организации государства и общества [2]. На этом фоне некоторые эксперты, оценивая масштабы регионализации в совре-

менной Европе и новые интеграционные государственно-правовые формы, объединяющие народы, заявляют о неоднозначных перспективах развития унитарных и федеративных государств и подчеркивают, что в современном мире грань между ними фактически стирается [3].

Как один из важнейших факторов, обуславливающих трансформацию территориально-государственной структуры, можно рассматривать культуру того или иного народа. Весьма обстоятельно этот вопрос проработан исследователями, специализирующимися на проблемах формирования федеративного государства и анализе практик федерализации территориальной структуры государства. Так, Д. Элейзер отмечает, что успеха достигают те федеративные государства, в которых политическая культура либо является федералистской по ориентации, либо открыта к тому, чтобы впитать в себя федеративные принципы. «Истинные федеративные системы проявляют свой федерализм в культуре, также как в конституции и структуре», — утверждает исследователь, особо выделяя при этом, что «жизнеспособность федеративной системы напрямую зависит от того, до какой степени федерализм вошел в культуру того или иного гражданского общества» [4, р. 78]. Более того, замечает Р. Уоттс, федерализм нуждается в правовой демократической культуре, признающей верховенство конституции над всеми формами правления [5, р. 99].

М.Х. Фарушкин, конкретизируя понятие федералистской культуры и обобщая наработки зарубежных и отечественных специалистов по данной проблематике, перечисляет целый ряд ее характеристик: прежде всего политическая культура, адекватная условиям федеративного существования, отвергает силу и принуждение в отношениях федерального центра и субъектов федерации и во взаимоотношениях самих субъектов [6, с. 92–93]. В таком формате федералистская культура адекватно вписывается в систему демократических ценностей, однако, как указывается в исследовательской литературе, взаимосвязь федерализма и демократии не выглядит столь однозначной.

Беря за основу тезис Т. Джефферсона «федерализм есть территориальная форма демократии», А.В. Смирнягин и И.М. Бусыгина отмечают, что федерация должна создавать больше условий для демократического и меньше — для авторитарного политического режима. Однако, по их мнению, «федералистская революция» развивается параллельно с демократизацией, поэтому готовность общества и государства к реализации федеративных подходов можно считать индикатором его демократической зрелости. И наоборот, государства, не состоявшие как демократии, не в силах реализовать федеративные проекты [7].

В этом же ракурсе отстраивает исследовательскую работу А. Захаров, автор многочисленных трудов, посвященных анализу территориальных основ российской государственности. Он также отмечает, что для успешного функционирования институтов и практик федерализма требуется наличие работающей демократической политической системы. В свою очередь, в отсутствие развитого демократического процесса федерализм как конституционная форма приводит либо к распаду федерации, либо к чрезмерной централизации. Однако не менее верно, по мнению А. Захарова, и то, что демократия к территориально протяженной и многонациональной стране возможна только на основе федерализма [8].

Развитая демократическая и правовая культура рассматриваются в исследовательской литературе не только в качестве факторов федерализации государственно-территориального устройства, но и в качестве движущей силы децентрализации унитарных систем. Известный французский специалист в сфере административного права Ж. Ведель, обосновывая тенденции децентрализации в системе государственного управления, рассматривает демократические институты и практики в качестве базового условия их развития, но подчеркивая при этом и обратную зависимость. По его мнению, передавая на места управленческие компетенции, государство тем самым получает возможность развивать демократию, поскольку демократизм гораздо более реален в местных масштабах, нежели чем в общенациональном контексте [9, с. 397].

Форма государственного устройства не определяет степень децентрализации публичного управления, пишет С.Н. Махина, подчеркивая, что децентрализованные принципы управления характерны как для федераций, так и для государств с унитарной формой территориального устройства. При этом в качестве основного постулата автор провозглашает следующий тезис: децентрализация управления является неотъемлемой составляющей процесса функционирования любого государства, базирующегося на принципах правового и демократического государства [10].

Другим важным социокультурным фактором трансформации территориальной структуры государства И.А. Савченко считает культурную идентичность, подчеркивая его исключительную функциональность для полиэтничного общества и отмечая, что его состояние является индикаторным показателем интегрированности и дезинтегрированности социума. На широком эмпирическом материале автор показывает, что если культурная идентичность является навязываемой или утрачиваемой категорией, она выполняет функцию социальной деструкции и дезинтеграции, и напротив, сохраняемая исконная идентичность и добровольно приобретаемые элементы новой идентичности способствуют социокультурной интеграции. В качестве отдельного фактора интеграционных процессов А.И. Савченко рассматривает интегральную идентичность, подчеркивая ее функциональность в современных условиях [11].

В.Н. Стрелецкий рассматривает регионализм в качестве культурного феномена, выделяя в его структуре два пласта [12]. Первый пласт — это комбинация культурных характеристик (особенно артефактов и социофактов), которые придают той или иной территории, ее культурному ландшафту черты своеобразия, а то и уникальности по сравнению с другими. Вторым пластом — рефлексивный, относящийся исключительно к сфере общественного сознания и выражающийся в перцепции пространства, в представлениях людей о своеобразии и самобытности тех или иных местностей или территорий, а в первую очередь — о своей собственной идентичности.

Влияние комплекса социокультурных факторов на процессы регионализации и децентрализации системы управления в современном государстве не является однонаправленным. Сочетаясь в разных вариациях, они способны воспроизводить многообразные векторы трансформации существующей территориальной структуры. Например, можно рассматривать минимум четыре

траектории подобных преобразований: «органическая регионализация и децентрализация системы управления», «централизация системы управления», «навязанная регионализация», «конфликтная регионализация» (таблица).

Векторы трансформации территориальной структуры государства на основе социокультурных факторов

Критерии	Развитая региональная идентичность	Неразвитая региональная идентичность
Демократическая политическая культура	Органическая регионализация и децентрализация системы управления	Навязанная регионализация
Недемократическая политическая культура	Конфликтная регионализация	Централизация системы управления

Анализ данных сценариев трансформации показывает, что наименее болезненными для территориальной структуры будут модели органической регионализации и централизации системы регионального управления. В первом случае можно наблюдать вполне естественную для территориальной структуры государства картину, когда сочетаются развитая региональная идентичность и демократическая культура, существующая в рамках общества на ценностном и поведенческом уровне и представленная в рамках политической системы сетью развитых демократических институтов и практик. В качестве перспективных направлений развития данных тенденций можно рассматривать как федерализацию территориально-государственной системы, так и вполне результативную автономизацию унитарных моделей государственного устройства.

В случае развития тренда на централизацию системы управления также можно прогнозировать весьма благоприятный сценарий. Отсутствие развитых демократических традиций и неустойчивость существующих в рамках политической системы демократических институтов и практик при общей неразвитости региональной идентичности фактически не создает никаких вызовов для территориальной структуры государства. Ее управление поэтому может осуществляться в том числе посредством недемократических инструментов. Однако следует отметить, что предположить такой сценарий для развития многосоставного государства весьма сложно. Скорее он подходит для простых по своей структуре систем, которые имеют весьма однородный состав населения без ярко проявляющихся культурных, этнических, религиозных отличий и существенных перекосов в уровне социально-экономического развития.

Наибольший интерес представляет анализ двух других сценариев трансформации территориальной структуры государства под влиянием социокультурных факторов, указанных в матрице. Модель конфликтной регионализации основана на сочетании развитой региональной идентичности и недемократической политической культуры. В данном случае проект децентрализованного государства «вызревает» в регионах с развитой идентичностью, а его инициатором выступают региональные элиты, предлагающие центральной власти разделить компетенции и полномочия между уровнями власти. Конфликт-

ность данной схемы напрямую обусловлена неразвитыми, а часто и вовсе отсутствующими демократическими институтами и практиками, которые, как правило, замещаются в транзитном государстве авторитарными инструментами. Уровень конфликтности при реализации проекта регионализации возрастает также в условиях фрагментированной и разъединенной элиты, не имеющей единого понимания стратегий и направлений развития территориальной структуры государства.

Сценарий навязанной регионализации реализуется по несколько иной логике. В этом случае в рамках общества имеются либо работающие демократические институты и практики, либо опыт их использования, однако при этом в силу культурных, этнических, религиозных особенностей социума отсутствует развитая структура региональной идентичности. Движущей силой регионализации в таких условиях потенциально может выступать общенациональная элита, которая, руководствуясь демократическими принципами, может инициировать реформу территориальной структуры государства, рассматривая в качестве основных причин преобразований социально-экономические факторы. В качестве источников напряженности для политической системы и территориальной структуры в этой ситуации можно рассматривать подходы и инструменты, которые будут использованы при реализации территориальной реформы, а также результаты реализуемой параллельно политики региональной идентичности и параметры конструируемой модели.

Анализируя текущую политическую практику, достаточно сложно зафиксировать описанные ранее сценарии трансформации территориальной структуры государства с существующими характеристиками. Безусловно, это не более чем рабочие модели, которые призваны продемонстрировать вариативность процессов территориальной трансформации. Между тем отдельные элементы данных сценариев можно легко обнаружить, рассматривая конкретные случаи трансформационных процессов. Не претендуя на описание всего множества вариантов, ограничимся краткой характеристикой роли параметров элитной структуры, всей совокупности внутриэлитных и межэлитных коммуникаций, политико-культурных компонентов и региональной идентичности в испанском и российском сценариях территориальной трансформации.

В современной российской регионализации в контексте идеал-типичных сценариев трансформации территориальной структуры, обнаруживаются черты конфликтной и навязанной регионализации. Это создает дополнительные напряженности в масштабах территориальной системы Российского государства в частности и политической системы российского общества в целом и требует для ликвидации сложившейся неопределенности задействовать как внутренние резервы системы, так и использовать зарубежный опыт. Это представляется актуальным в контексте использованного формата исследования.

Библиографический список

1. Захаров А. Федерализм и глобализация // Полис. 2002. № 6. С. 116–127.
2. Плотникова О.В. Регионализм: некоторые подходы к определению // Власть. 2012. № 3. С. 132–134.

3. *Сардарян Г.* Итальянская Республика: от унитарного государства к федеративному. URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document222049.phtml>
4. *Elazar D.* Exploring Federalism. Tuscaloosa; L., 1987.
5. *Watts R.* Comparing Federal Systems. Montreal; Kingston, 1999.
6. *Фарукишин М.Х.* Сравнительный федерализм. Казань, 2001.
7. *Смирнягин Л.В., Бусыгина И.М.* Российский федерализм. URL: <http://www.inop.ru/files/Chapter10.pdf>.
8. *Захаров А.* Унитарная демократия: Пять этюдов о российском федерализме. М., 2008.
9. *Ведель Ж.* Административное право Франции. М., 1973.
10. *Махина С.Н.* Сущность и системные характеристики политико-правовой категории «децентрализация» в современном демократическом государстве // Государство и право. 2006. № 7. С. 21–30.
11. *Савченко И.А.* Многоэтничное сообщество в поисках маршрута интеграции. М., 2011.
12. *Стрелецкий В.Н.* Культурный регионализм: сущность понятия, проблемы изучения и система индикаторов // Псковский регионологический журнал. 2012. № 14. С. 9–21.

A.A. Chernetskaya
The Comparative Context
of Migration and Migration
Policy in Russia and in France

Migration and migration policy of Russia and France are studied in the comparative aspect. Special attention is paid to the analysis of the structure of migration policy, the relation of migration policy to other types of social policy, and the cultural hybridization in the Russian-speaking community in France.

Key words and word-combinations: migration, migration policy, integration.

Исследуются миграция и миграционная политика России и Франции в сравнительном аспекте. Особое внимание уделяется анализу структуры миграционной политики, связи миграционной политики с другими видами социальной политики, а также культурной гибридации в русскоязычном сообществе на территории Франции.

Ключевые слова и словосочетания: миграция, миграционная политика, интеграция.

УДК 314.15
ББК 60.74

А.А. Чернецкая

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ
КОНТЕКСТ МИГРАЦИИ
И МИГРАЦИОННОЙ
ПОЛИТИКИ
В РОССИИ И ФРАНЦИИ

Миграционная политика Российской Федерации переживает серьезные изменения, отражая общие тенденции в действиях руководства страны. Нелегальная миграция, связанный с этим рост преступности и многие другие проблемы, вызванные сложившимся состоянием миграционной политики, последние три десятилетия остаются предметом острых дискуссий в политической и академической среде, в общественном мнении. Обсуждение происходит на разных уровнях: в академической среде формулируются проблемы и пути их преодоления, в политической принимаются

управленческие решения на государственном уровне, СМИ освещают происходящие события, часто мифологизируя ситуацию и провоцируя непредсказуемые реакции граждан.

Несмотря на значительную актуальность проблематики миграции и миграционной политики, в современной академической литературе остается малоизученной связь между особенностями миграционных процессов и проблемой культурной идентичности. Слабо исследован также вопрос социальной сплоченности внутри сообществ, зачастую не хватает взгляда изнутри проблемной группы, который помог бы вывести формулу консенсуса, служащего фундаментом социальной интеграции и стабильности культурных сообществ. В фокусе исследовательского внимания отечественных авторов находятся вопросы, связанные с различными аспектами миграционных процессов. В русле рассматриваемой проблемы оказываются исследования социальной сплоченности, социальной инклюзии (В. Ярская, Е. Ярская-Смирнова). Осознание культурной идентичности напрямую связывают темпоральные формы: поколение, жизненный путь, социальное время. Сегодня социологический темпорализм разрабатывается в его многоформатном варианте, контексте социальной жизни, возраста, биографии (В. Бочаров, Б. Докторов, Ю. Левада, Е. Мещеркина, В. Семенова, В. Ярская).

Анализ миграционных процессов не сводим лишь к темпоральному ограничению настоящего. В этом случае продуктивным инструментом в анализе миграции является включение социального времени, которое позволяет уловить специфику социального порядка и контроля, социокультурной интеграции, инклюзии мигрантов, в частности, в межпоколенном ракурсе. Данный текст представляет собой попытку сравнительного анализа российской и французской миграционной политики в условиях взаимодействия культурной идентичности и государственных структур.

Структурный анализ позволяет выделить активные и пассивные составляющие миграционной политики. Наиболее влиятельными активными субъектами миграционной политики России и Франции являются министерства. Во Франции это Министерство по социальным делам, труду и солидарности, Министерство внутренних дел, Министерство иностранных дел и Министерство юстиции; в России — Федеральная миграционная служба и Министерство занятости, труда и миграции. Следовательно, во Франции миграционная политика регулируется целым рядом субъектов, что позволяет сократить коррупцию, а также обратить более пристальное внимание на отдельные проблемы. В России же существуют значительные пробелы на исполнительном уровне, так как взгляд на миграционную политику более общий, нежели во Франции.

Министерство занятости, труда и миграции РФ при разработке ныне действующей концепции миграционной политики 2012 г. стремилось уже не только к количественному преобразованию миграционных потоков, но и к качественному. Мы убедились в том, что министерство открыто для контактов и, несмотря на собственную четкую позицию, включает в число активных акторов и академическую среду.

Наиболее динамичные целевые группы миграционной политики в России

и во Франции — это легальные и нелегальные мигранты. Основным параметром их социального положения — неустойчивость, они должны регулярно получать разрешение или вид на жительство, подтверждать право работать в стране пребывания и для этого заново проходить ряд бюрократических процедур. Официально для легального мигранта процедура найма на работу не должна отличаться от обычной, кроме сроков: договор с иностранным гражданином может быть заключен не более чем на год [1]. Однако соответствующий уровень оплаты труда, снижение ставки подоходного налога, продление контракта, все социальные гарантии становятся возможными только при получении иностранным гражданином разрешения на временное проживание. «Социальное положение нелегального мигранта равнозначно положению изгоя, это касается не только давления со стороны правоохранительных органов и сложившегося негативного стереотипа восприятия мигрантов у российских граждан. Отсутствуют элементарные формы правовой защиты, социальных гарантий, медицинского обслуживания, профессиональной подготовки» [2]. К актуальным социальным проблемам мигрантов относятся проблемы здоровья и медицинского обслуживания, трудности адаптации и интеграции в общество, безработица, дискриминация.

Итак, чтобы иметь социальные гарантии и выгодно для себя и страны пребывания реализовать цель въезда, мигрант должен быть зарегистрирован. И в России, и во Франции государство выполняет множество функций в регулировании миграционных процессов. Из них можно выделить три, которые, на наш взгляд, являются основными. Во-первых, это функция «ворот» в страну, так как для въезда необходимо получить разрешение, доказав оправданность перемещения и пребывания в стране: во-вторых, функция «защитника и опоры», так как легальный иммигрант имеет те же права, что и гражданин; в-третьих, функция «регулятора и цензора», так как в законодательстве разработаны меры борьбы с нелегальной иммиграцией.

Что касается Франции, любой иностранец, находящийся на территории этого государства без действующей визы или разрешения на проживание, должен покинуть страну. В России несколько другая обстановка: граждане большинства стран СНГ могут въезжать на территорию Российской Федерации без визы [3], большинство мигрантов не имеют статуса проживания или разрешения на работу, что значительно усложняет возможность контроля над притоком иммигрантов и в корне отличает положение мигрантов в России и Франции. Тем не менее в обеих странах государство имеет право депортировать мигранта на родину при определенных обстоятельствах.

Одним из главных направлений деятельности французского правительства, в отличие от российского, является интеграция иностранных граждан. Но при этом иммигранты всегда сохраняют приверженность своей общине, своей этнической культуре. Вместе с тем политические и культурные традиции французского общества оказывают огромное влияние на любые стороны экономической и общественной жизни. К примеру, при всем уважении к мусульманской религии женщинам-мусульманкам запрещено носить в общественных местах хиджаб, паранджу, никабы и других головные уборы, пол-

ностью закрывающие лицо. В России дела обстоят несколько иначе. Законом здесь разрешено больше, однако само общество относится гораздо строже к проявлениям национальной и религиозной самобытности мигрантов. Даже в крупных городах и столице россияне оглядываются на афроамериканцев и сторонятся девушек в хиджабах.

Французские власти имеют право предоставить разрешение на проживание или вид на жительство любому нелегальному мигранту по причинам гуманитарного характера, даже если это решение в строгом смысле не соответствует закону. Данный принцип был подтвержден Государственным советом Франции, который является высшей судебной инстанцией по вопросам иммиграции. Однако такие решения носят исключительный характер [4, с. 208].

За последние 150 лет Франция приняла у себя иммигрантов больше, чем любая другая страна Европы [5]. В настоящее время во Франции существуют два вида разрешений на работу: разрешение на постоянную работу и временное разрешение на работу. Въезд во Францию может осуществляться по краткосрочной (на период до трех месяцев; разрешает передвижение по всему Шенгенскому пространству) или по долгосрочной визе (на период более трех месяцев — получают лица, приезжающие с целью воссоединения семьи, лица, получившие разрешение на работу, студенты) [6]. Миграционная политика французского правительства осуществляется по трем направлениям: управление миграционными потоками; борьба против нелегальной иммиграции; интеграция в общество иммигрантов, живущих во Франции [7]. Выделим весомый критерий классификации в сравнительном анализе социальной и миграционной политики Франции и России, состоящий в том, что ключевым актором социальной политики в обеих странах является государство, играющее ведущую роль в принятии мигранта, его адаптации, обеспечении отправки на родину либо окончательном интегрировании в обществе.

Очевидно, что миграционная политика не существует обособленно. «Анализ международных актов, национального законодательства позволяет сделать вывод, что миграционная политика включает или пронизывает такие общепринятые понятия, как экологическая, социальная, национальная и международная политика» [8]. Сегодня в России и Франции миграционная политика наиболее тесно взаимодействует с иными видами социальной политики — образовательной и демографической политикой, а также с политикой занятости.

Миграционную и образовательную политику во Франции отличает гораздо более тесная связь, нежели в России: «Французское правительство проявляет повышенный интерес к вопросам международного обмена и привлечения иностранных студентов в высшие учебные заведения Франции» [9, с. 194]. Во Франции дополнительные риски миграционной политики обусловлены популярностью образовательной системы среди иностранных граждан: в учебные заведения приезжают множество воинственно настроенных молодых людей, полных энергии, ориентированных на получение не только образования, но и новых прав. Они обычно испытывают недостаток в деньгах и часто, не зная, как удовлетворить потребности, прибегают к самым простым и очевидным способам заявить о себе, в частности к открытой агрессии.

В России дела обстоят похожим образом, с той разницей, что в нашей стране не приняты столь открытые формы протеста, как во Франции, — мятежей и бунтов гораздо меньше. Но миграционная политика России менее развита, чем во Франции, и контроль над мигрантами слабее, поэтому общий уровень образования падает из-за плохого знания абитуриентами русского языка и высокого уровня коррупции. Трудно сказать, какое явление стало прародителем: коррупция или поток мигрантов-студентов, не способных проходить обучение. Но факт остается фактом: оба явления существуют.

Справедливо утверждение, что «нелегальные мигранты составляют конкуренцию местному населению лишь в некоторых сферах, местные жители не идут на ту работу, которую выполняют нелегалы» [10, с. 29]. Если взаимодействие мигрантов и местных жителей в той или иной сфере лучше спланировано и / или имеется потребность друг в друге, они стараются поддерживать более мягкие отношения. И в России, и во Франции выделяются следующие основные сферы такого взаимодействия: рынки, магазины, строительные объекты, общественный транспорт, государственные организации, образовательные учреждения, международные организации и культурные центры.

В последних двух сферах происходит наименьшее количество конфликтов в силу того, что сотрудники хорошо подготовлены к межкультурному взаимодействию. Данный вопрос принадлежит к области понимающей социологии и дает возможность понять субъективные смыслы действующих субъектов — посмотреть изнутри изучаемой группы и «нащупать» точки соприкосновения и точки наиболее сильного конфликта. «В российских городах, являющихся центрами притяжения миграционных потоков, мы сталкиваемся не просто со статистическими совокупностями иммигрантов или временных трудовых мигрантов, составляющих часть определенной этнокультурной диаспоры, а с интенсивно формирующейся субкультурой мигрантов-прагматиков, рассматривающих принимающую среду преимущественно как экономический ресурс, а не как среду обитания» [11, с. 5]. Именно маркеры новой субкультуры провоцируют появление негативных этнических стереотипов, а не отдельные этнические группы.

С целью эмпирической проверки этой идеи мы провели серию интервью среди легальных мигрантов различных национальностей и представителей принимающей стороны ($N = 35$, 2012–2015, Россия, Франция), а также вторичный анализ данных Фонда «Общественное мнение».

По материалам проведенных интервью, в глазах мигрантов россияне являются закрытыми людьми, которые не умеют преподнести себя. В глазах мировой общественности мы выглядим «отсталыми, жестокими и бескультурными» людьми, которые не желают учиться и живут прошлыми достижениями. Однако при более близком знакомстве со страной и ее жителями впечатление полностью меняется и, как сообщил в своем интервью один из франкоговорящих респондентов, «сначала в Россию никто не хочет ехать, а потом оттуда никто не хочет уезжать» (мужчина, 56 лет). Что касается граждан России, их мнение более однозначно и постоянно: они относятся к мигрантам как к дешевой рабочей силе, стремятся использовать их и заставить делать работу, которую считают непригодной для себя. При этом россияне хотят как можно меньше контактировать с приезжими.

Таким образом, выявляются два пробела в стратегии ведения миграционной политики: неумение российских работодателей преподнести свое предложение на мировом рынке труда так, чтобы привлечь квалифицированные кадры, и неготовность к международным контактам. Урегулировать данные проблемы можно с помощью приспособления среды, причем формировать правильное отношение к миграционным процессам, как мы считаем, нужно с детства, направлять основные силы на молодое поколение. Данное суждение было подкреплено аналогичным мнением экспертов, которое мы получили при проведении фокус-групп.

Мнение представителей принимающей стороны по поводу сложившейся в России ситуации с миграцией стало предметом опросов Фонда «Общественное мнение» [12]. Нам удалось выяснить, что к соседству с семьей украинцев или молдаван наши сограждане в основном относятся хорошо или нейтрально. Жить рядом с людьми, приехавшими с Северного Кавказа и Закавказья, из Средней Азии или Юго-Восточной Азии, большинство участников опроса не хочет.

Нам очень близка мысль о том, что в процессе глобализации национальные государства теряют свое влияние на самоидентификацию индивидов и место нации занимают другие «сообщества идентичности» [13]. Этот момент очень важен для формирования общественных ценностей, и пути модификации могут быть различны. Есть вариант, что национальные сообщества, такие как чеченцы, азербайджанцы, узбеки, живущие на территории России, могут более или менее осознанно объединяться в сообщества мигрантов, таким образом осуществляя не инклюзию в общество страны пребывания, а эксклюзию (получается, они приехали, чтобы жить отдельно от местного населения). Именно это и происходит сегодня. Но есть второй вариант, когда представители *различных* наций, приезжая в страну, вместе с местными жителями становятся членами новых сообществ идентичности, которые основаны, например, на профессиональных качествах. При осуществлении таких преобразований индивид может не терять собственного эго, но приобретать характеристики и вставать на позиции, которые сделают его частью нового общества. В этом, на наш взгляд, и состоит суть процесса интеграции, в контексте которого происходит «взаимопроникновение, смешение и трансформация элементов различных культур под воздействием друг друга», то есть культурная гибридизация [14]. Она размывает целостность культурного пространства и порождает новые культурные формы, где в разных пропорциях смешивается «свое» и «иное». Именно таким образом во Франции образовалась новая культурная форма, которая стала носить название «русские мигранты».

Несмотря на то что гибридизация не является новым процессом, трудно прогнозировать ее результаты. Обращаясь к истории культуры Франции, находим примеры того, как в разные времена русские мигранты образовывали новые культурные слои, которые оставили глубокий след в мировом культурном наследии и были названы «волнами эмиграции». Результатом гибридизации также может являться обогащение принимающей культуры новыми смыслами. Исход зависит от многих факторов, и прежде всего от внутреннего потенциала культур: степени их ориентации на диалог, способности создать

творческий синтез «своего» и «иного», силы центральной зоны ценностей и смыслов, устойчивости традиций.

В научном дискурсе особое внимание уделяется тому, что «присутствие гибридов — обычная характеристика культурной обстановки в любом достаточно крупном современном обществе» [15]. Для развивающихся стран и диаспор на Западе характерна модель «поверхностной» гибридизации, когда в мультикультурном обществе к «иному» применяются хорошо отработанные стратегии, которые позволяют его адаптировать. Она отражает общую тенденцию бывшего «третьего мира» к возрождению и укреплению культурно-цивилизационной идентичности за счет обращения к автохтонным культурно-религиозным традициям.

Другая стратегия отношения к иной культуре — «присвоение» [16]. Ее цель состоит в устранении культурных различий, когда на «иное» экстраполируются характерные черты собственной культуры. При этом искажается в первую очередь то, что затрудняет общение и взаимопонимание представителей различных культур: система ценностей, модели поведения, целевые установки. Данный процесс характерен для Франции, которая очень дорожит своими культурными традициями, стремясь привлечь мигранта к их освоению.

Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. подчеркивает значимость миграционной политики в социально-экономическом и демографическом развитии страны. Например, за последние два десятилетия миграционный прирост в значительной степени компенсировал более половины естественной убыли населения. Известно, что «за исключением Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, отсутствуют программы привлечения на постоянное место жительства мигрантов с востребованными в стране профессионально-квалификационными, образовательными, экономическими, демографическими, социокультурными и другими характеристиками, способных успешно адаптироваться и интегрироваться в российское общество» [17]. Во Франции же существуют не только отдельные программы по интеграции мигрантов — соответствующие меры включены, например, в программу экономического развития и создания новых рабочих мест.

В Концепции важен, на наш взгляд, контроль качественных характеристик миграционного потока, заложенный в документе. Правительство считает нужным не только заботиться о людях, которые уже стали мигрантами, но и формировать правильное отношение к России у потенциальных мигрантов: одним из направлений миграционной политики является содействие распространению русского языка и русской культуры за рубежом.

Изложенные рассуждения приводят к следующим выводам. Миграционная политика России и миграционная политика Франции обнаруживают существенную разницу на организационно-структурном уровне. Система миграционной политики Франции имеет матричную структуру, что обеспечивает экономию ресурсов, диссеминацию опыта и инноваций, сопоставимость результатов и эффективность исполнения поставленных задач.

Система миграционной политики России имеет линейную структуру, что

удлиняет пути и усложняет алгоритм передачи информации между акторами, вследствие чего информация накапливает множество искажений, задачи теряют четкость, не всегда соответствуют возможностям исполнителя и потребностям субъекта. Российская незарегистрированная трудовая миграция лишает приехавших людей многих прав, делает их уязвимыми и провоцирует среди принимающего сообщества опасения, что миграция может радикально изменить этнический состав страны. Именно поэтому мигранты воспринимаются как маргинальные субъекты, провоцирующие изменение системы.

Между мерами, направленными на решение проблем миграции в России и Франции, можно провести параллели. Сравнительные исследования позволяют не только учесть чужие ошибки, но и перенять действенные практики, что так важно в планировании миграционной политики: минимизировать риски и повысить продуктивность государственных служб и частных организаций, обеспечивающих позитивный эффект миграционных процессов. Тщательно продуманная Концепция миграционной политики Российской Федерации обозначает приоритетные направления развития, что необходимо учитывать в планировании мер социальной политики.

Библиографический список

1. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федер. закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (в ред. от 19 мая 2010 г.) // СЗ РФ. 2010. № 21. Ст. 2524; Российская газета. 2010. 21 мая.
2. Законодательное обеспечение миграционной политики Российской Федерации // Аналитический вестник Аппарата Государственной Думы. 2004. № 4. URL: <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4595/16126>
3. Информационный портал: Визы в Россию. URL: <http://www.allrussiatour.ru/nuzhna-li-visa-lia-inostrantcev.html>
4. *Тандонне М.* Иммиграционная политика во Франции и проблема нелегальной миграции // Иммиграционная политика западных стран: альтернативы для России / под ред. Г. Витковской. М., 2002.
5. *Денисенко М.Б., Хараева О.А., Чудиновских О.С.* Иммиграционная политика в Российской Федерации и странах Запада. М., 2003. URL: http://www.archipelag.ru/agenda/povestka/povestka-immigration/org_ustroistvo/France/
6. Въезд, пребывание и размещение во Франции // Французская документация: [сайт]. URL: http://www.ladocumentationfrancaise.fr/dossier_polpublic/immigration/legislation/sommaireentreesejour.shtml
7. France in the United States. Embassy of France in Washington. URL: <http://www.info-france-usa.org/>
8. *Колев Г.В.* Миграционная политика европейских стран. Киев, 2006. URL: <http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/professor.ru/Kolev/>
9. Демографический потенциал как основа развития системы высшего образования: учеб. пособие / под ред. С.В. Рязанцева, И.А. Айдруса, Е.В. Письменной. М., 2008.
10. *Мокин К.С.* Групповые стратегии интеграции этнических миграционных сообществ. Саратов, 2006.
11. *Кузнецов И.М., Мукомель В.И.* Адаптационные возможности и сетевые связи мигрантских этнических меньшинств. М., 2005.
12. Опрос ФОМ «Отношение к мигрантам-соседям и мигрантам-коллегам». URL: <http://fom.ru/Mir/10442>

13. *Хачатурян В.М.* К проблеме трансформаций культурного пространства в эпоху глобализации: гибридизация и анклавизация // Культурологический журнал. 2013. № 1 (11).
14. *Малахов В.* Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М., 2014.
15. *Голофаст В.* Гибридизация и культурные смеси // «Телескоп»: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2003. № 3. URL: http://www.teleskop-journal.spb.ru/?cat=30&type=by_theme&value=27&id=330
16. *Шатинская Е.Н.* Очерки популярной культуры. М., 2008. URL: <http://www.culturalnet.ru/main/fileex/23>
17. Сайт Президента России. URL: <http://news.kremlin.ru/news/15635>

D.T. Pashayev
Ethno-Political Relations
in Post-Soviet Azerbaijan:
Structure and Dynamics

The specifics of the ethno-political relations in Azerbaijan after the collapse of the Soviet Union are studied. The problems of treatment of national minorities in Azerbaijan, the national policy of maintaining tolerance, migration and its management, trends of Islamization are considered. Ethnic policies aimed at maintaining ethnic identity and the strengthening of Azerbaydzhan society are analyzed.

Key words and word-combinations: Azerbaijan, ethnic policy, tolerance, migration processes, Islamization.

Исследуется специфика этнополитических отношений в Азербайджане после распада СССР. Рассматриваются проблемы отношения к национальным меньшинствам в Азербайджане, политика поддержания национальной терпимости и толерантности, миграционные процессы и управление ими, тенденции в исламизации. Изучена этническая политика, направленная на поддержание этнического самосознания и укрепления азербайджанского общества.

Ключевые слова и словосочетания: Азербайджан, этнополитика, толерантность, миграционные процессы, исламизация.

УДК 323.1
ББК 66.094

Д.Т. Пашаев

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ
В ПОСТСОВЕТСКОМ
АЗЕРБАЙДЖАНЕ:
СТРУКТУРА И ДИНАМИКА

После распада в 1991 г. Советского Союза существенные изменения коснулись и этнополитических отношений в Азербайджане, который в годы советской власти выступал в качестве форпоста на Востоке, играл роль «выхода» к мусульманскому Востоку и Турции. В Азербайджане издревле проживают различные малочисленные народы, этнические и национальные группы. В связи с этим обратимся к таким аспектам этнополитики, как особенность отношения к национальным меньшинствам в Азербайджане, проблема исламизации, миграционные процессы.

Полиэтничность в Азербайджане характерна как для сельских мест, так и для городов, а население по своему составу, наряду с многонациональностью, поликонфессионально. В стране представлены преимуще-

твенно исламская, христианско-православная, христианско-григорианская, христианско-католическая и иудаистская религиозные конфессии. Этнические группы различаются и по уровню урбанизации. Например, русские, татары и украинцы в основном живут в городах. Большинство национальных меньшинств представлено определенными объединениями, центрами. По данным переписи населения, проводившейся в 1999 г., этнические меньшинства в Азербайджане составили 10% населения. Среди них самой крупной группой выступали лезгины (2,2%); русские (1,8%); армяне (1,5%); рутульцы, цахуры, талыши, таты, горские евреи, аварцы, грузины и евреи-ашкеназы в общей сложности составили 3,9% [1].

В 1991–1995 гг., в период правления Национального патриотического фронта, в Азербайджане велась государственная антироссийская пропаганда. Содержательными элементами ее являлись следующие лозунги: «С помощью России армяне добились победы в карабахской войне»; «Россия вмешивается во внутренние дела Азербайджана (содействует сепаратистам)»; «Россия препятствует развитию нефтепромышленности Азербайджана»; «Россия угрожает территориальной целостности Азербайджана»; «Россия препятствует становлению тюркского единства»; «Россия препятствует становлению исламского единства» [2, с. 675–683]. После возвращения к власти Гейдара Алиева государственная антироссийская пропаганда уменьшилась. Эта функция перешла к политическим и общественным организациям и «свободной прессе». На протяжении всего постсоветского периода антироссийская пропаганда в Азербайджане велась организациями, действующими под покровительством Турции или при ее содействии.

Религиозный бум в Азербайджане возник практически сразу же вслед за провозглашением независимости [3]: Курбан-байрам (мусульманский праздник) в 1993 г. отметили на государственном уровне; издали Коран на азербайджанском языке; возникла религиозная составляющая в системе образования. К 1998 г. в республике насчитывалось уже более тысячи мечетей. Азербайджанская молодежь в исламе нашла множество положительных моментов, в том числе и обязательное уважение к женщине. В исламе не ущемляются права женщин, они могут участвовать в политической и социальной жизни. Религиозный фактор сдерживает рост потребления алкоголя и наркотиков, в Коране записано, что добропорядочный мусульманин находится всегда в сознании, поэтому запрещается все, вызывающее помутнение сознания, когда человек не в состоянии служить Аллаху.

Одним из факторов, определяющих специфику этнополитических отношений, выступает миграция населения. Для Азербайджана миграционные процессы стали особенно актуальны после того, как страна вышла из состава Советского Союза. Миграция затронула практически все слои общества, сказавшись также на развитии социально-экономических и политических процессов. Трудовые азербайджанские мигранты еще в 1980-е годы многочисленным потоком отправлялись в Россию на заработки, занимаясь главным образом строительством и торговлей [4]. После разрастания армяно-азербайджанского нагорно-карабахского конфликта ситуация резко изменилась. Республику начали покидать в основном армяне и русскоязычное население региона.

С одной стороны, конфронтация и захват армянскими вооруженными силами почти пятой части территории Азербайджана привели к появлению вынужденных переселенцев и беженцев. Так, согласно официальным данным Госкомстата Азербайджана, к началу 2000 г. их насчитывалось более 830 тыс. человек, или примерно 10% населения [5]. Расселенные в общественных учреждениях и палаточных лагерях, они переживали серьезные бытовые и финансовые трудности. С другой стороны, развал СССР, следствием которого стали шаткая внутривнутриполитическая обстановка и разрыв прежних экономических связей, привели к тяжелейшему экономическому кризису в Азербайджане (закрывались заводы, фабрики, распадались колхозы, результатом чего был резкий спад производства). Вся эта негативная обстановка непосредственно отразилась на миграционных процессах.

Начавшийся в 1992 г. отток из страны ищущих работу людей к 1994 г. принял полномасштабный характер [5]. Появились новые направления массовой миграции: если раньше мигранты стремились главным образом в Россию или иные бывшие советские республики, то теперь они стали уезжать в Объединенные Арабские Эмираты, Иран и Турцию. Согласно данным, опубликованным Госкомстатом Азербайджана, на 1 июня 2000 г. официально было зарегистрировано свыше 43 тыс. безработных [6], ставших в дальнейшем основой армии нелегальных мигрантов. В мусульманские страны Востока (главным образом в Иран (25–30 млн.) и Турцию (1,5–2 млн.)) уехало немалое количество азербайджанских мигрантов [7]. Следует отметить, что там они приобрели статус не беженцев, а полноправных граждан страны пребывания. Еще одним направлением для миграции стали страны Запада. Азербайджанцы начали уезжать туда относительно недавно, после утверждения в 1994 г. «Контракта века» [4].

Рассуждая о традициях в этнополитических отношениях в Азербайджане, обратимся к данным исследования межэтнических отношений и уровня этнической толерантности на Южном Кавказе, проводимого в рамках программы «Data Initiative Program» Кавказского центра исследовательских ресурсов (КЦИР) за 2004–2005 гг. [8, с. 65]. Сведения на 2004 г. были собраны в Баку, Ереване и Тбилиси исследовательскими группами, организованными соответствующими центрами КЦИР. В исследовании 2005 г. к каждой стране добавлено по одному региону, к Азербайджану — Аран-Муган.

Для исследования этнической толерантности в базе данных имелась группа вопросов об отношении к представителям разных национальностей. Примечательно, что в азербайджанском обществе, как и в других южнокавказских, отношение к русским оказалось в целом наиболее положительным по сравнению к иным национальностям. Обобщенная модель отношения к русским показала сильную зависимость от этнокультурных особенностей. В Баку модель этнической толерантности к русским определяется тем, что в этой столице терпимость в значительной степени обусловлена отношением респондента к Русской Православной Церкви, то есть имеет религиозно-культурной основой. Этническая толерантность к русским снижается здесь параллельно с возрастанием степени согласия респондента с государственной политикой.

Следовательно, амбивалентное отношение Азербайджана к России, явно наблюдающееся в информационных потоках, имеет статистически значимое результирующее антирусское влияние на общественное мнение.

В базе данных имеются параметры, позволяющие вывести достаточно обоснованные оценки отношения азербайджанцев к армянам и грузинам. Это ответы на вопрос об отношении к сотрудничеству страны респондента с кавказскими странами в экономической и политической сферах. Респондентам предлагалось оценить степень своего согласия по взаимодействию страны с Арменией и Грузией. Варианты ответов были следующими: «полностью поддерживаю», «скорее поддерживаю», «скорее не поддерживаю», «полностью не поддерживаю». Исходя из того, что цифры практически идентичны, можно достаточно обоснованно принять степень суммарного положительного и нейтрального отношения в Баку к грузинам (около 82,0%) и армянам (около 1,0%).

На динамику этнической толерантности в столице Азербайджана в первую очередь влияют три мощных фактора: этнорелигиозная дистанция, государственная политика южнокавказских стран, возраст респондентов.

Этнорелигиозная дистанция выступает основой этнической толерантности. Это интегральный фактор, включающий культурно-исторические, религиозно-исторические и другие когнитивные системы, существующие в южнокавказских обществах. По своей силе данный фактор на порядок выше остальных.

Фактор государственной политики южнокавказских стран включает влияние государственной пропаганды и конкретных действий, направленных на соседние нации и государства. Имеется тенденция к укреплению азербайджанскими политиками антирусских настроений в обществе.

Обобщенное влияние возраста респондентов направлено на снижение этнической толерантности в Баку и других южнокавказских столицах. В целом молодежь более националистична, однако вряд ли это можно считать проявлением общей радикальности, так как часто она выступает и как неприятие деструктивной политики государства. Здесь она представляет собой скорее производную от жесткой тотальной состязательности обществ, формирующихся на постсоветском пространстве, в которых сотрудничество проявляется чаще «против», чем «за», что и обнаруживается в этнополитических отношениях.

Еще одна причина, влияющая на степень этнической толерантности в Азербайджане, — это благосостояние. В двух случаях, когда этот фактор проявлял свою значимость, его рост был связан с обострением национальной нетерпимости — возможно, из-за того, что те, кто преуспел в тотальной состязательности, привнес в национальную элиту и частную форму состязательности — этническую нетерпимость. Именно поэтому можно предположить, что с ростом благосостояния азербайджанского общества этнические противоречия в нем будут, скорее, увеличиваться.

Этническую толерантность повышает рост образовательного уровня. Надо полагать, что это связано с теми общечеловеческими ценностями, которые были заложены в основу советской образовательной системы. Государственная независимость и существующие реалии в развитии показывают, что в новых системах ценностей практически отсутствуют составляющие, которые привели к этнической толерантности.

Однако у населения Азербайджана не всегда можно отметить цельность национального самосознания: «Если одинаковые вопросы задавать жителям разных районов Азербайджана, то акценты и ответы будут абсолютно разными; каждый ориентируется на свой регион; при знакомстве интересуются сперва, откуда человек, и на основании этого сразу же делают заключение — из Шеки все такие, карабахские все такие — идя на поводу сложившихся стереотипов; гордясь чем-то своим, региональным, все почему-то забывают о том, это общий национальный поэт, общие азербайджанские ковры и т.д.». Основываются они при этом на некую этническую адаптационную «специфику»: «Мы храним нашу национальную идентификацию, “паспорт” — культуру, историю, обычаи» [9, с. 51]. Азербайджанские граждане понимают процесс адаптации как в глобальном геополитическом смысле («мы приспособивались к жизни при социализме в течение семьдесят лет»), так и в обыденном («адаптировалась к повсеместной коррупции наша молодежь»). Подобные адаптационные признаки явились закономерным результатом образования азербайджанского этноса, так как: многие народы принимали участие в его жизни, а само понятие «азербайджанцы» возникло лишь в начале XX в., тогда в России их именовали «адербейджанскими татарами» [10]. Региональная общность азербайджанцев сводится к нескольким единым паттернам поведения: «Мы, люди Кавказа, не можем прийти в гости с пустыми руками, не можем не помочь на улице незнакомому человеку, умеем веселиться и собираем за одним большим столом много друзей, чтобы пообщаться — у нас такое воспитание».

В подобных обстоятельствах семейные и родовые идентификационные характеристики уменьшают в самосознании молодежи значение этнических постулатов, они влияют и на религиозные компоненты жизни молодого поколения, указывание на которые респондентами можно проследить только с подачи исследователя. В этом случае, например, азербайджанская молодежь отмечает значительное усиление роли ислама в социальном развитии страны, в то время как в общественной жизни религия в одну из доминант не превратилась.

В период поиска некоторыми государствами внутри своих границ путей для создания толерантной среды Азербайджан, опираясь на незыблемые основы толерантности, превращает ее в реальность повседневной жизни, которая занимает господствующую позицию в стране, удивляя весь мир [11]. Азербайджанский народ достиг этого только лишь своим менталитетом, а не силой или указами. Национальные меньшинства приспособились к такому состоянию, соответствующему их интересам, — жить с другими народами именно по примеру азербайджанцев.

Так, в Азербайджане доминантный характер приобрело участие в сфере национальных отношений азербайджанцев, составляющих подавляющее большинство населения страны. Благодаря этой закономерности в постсоветской истории Азербайджана не было трагедий на почве национально-этнических, религиозных столкновений. Действительно, толерантность как характерная черта азербайджанского национального менталитета превратилась в основу стабильности. Это еще раз подтверждают события, произошедшие в период

после завоевания азербайджанцами национальной независимости. Не случайно изгнанные из Армении курды, русские и украинцы отправились именно в Азербайджан. Демонстрация руководством Азербайджана большой терпимости как в религиозной, так и этнической плоскости, должна считаться одним из основных факторов, обуславливающих обладание этносом азербайджанцев крайне монолитной структурой.

В настоящее время действующий президент Азербайджана Ильхам Алиев придерживается политики толерантности. Все народы Азербайджанской Республики имеют возможность сохранять и развивать национальные традиции. Люди живут в условиях религиозной толерантности, плодотворного развития межнациональных отношений [12]. Однако некоторые противоречия, возникающие в отношениях между коренными народами (тальшами, лезгинами, аварцами, парси (таты)), определили необходимость проведения международных конференций, направленных на поддержку прав национальных меньшинств. В 2014 г. был восстановлен пост советника президента по национальной политике. Распоряжением И. Алиева от 28 февраля 2014 г. Кямал Мехти оглы Абдуллаев назначен Государственным советником Азербайджанской Республики по межнациональным вопросам, вопросам мультикультурализма и религии [13].

Таким образом, в Азербайджане, обладающем полиэтническим населением, этническая политика, направленная на поддержание этнического самосознания, служит укреплению азербайджанского общества. Важными составляющими этнополитики в Азербайджане выступают управление миграционными процессами, поддержание национальной терпимости и толерантности по отношению к национальным меньшинствам в условиях исламизации общества.

Библиографический список

1. Юнусов А. Этнический состав Азербайджана (по переписи 1999 года). URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0183/analit05.php>
2. Гасанов А. Евразийская политика России и Азербайджан // Современные международные отношения и внешняя политика Азербайджана. Баку, 2007. С. 675–683.
3. Гасанов Р.М. Ислам в общественно-политической жизни современного Азербайджана // Социологические исследования. 2003. № 3. С. 96–100.
4. Iunusov A.S. Migration in Post-Soviet Azerbaijan // Russian Politics and Law. 2003. Vol. 41, № 3. URL: <http://proxy.library.spbu.ru:2061/ehost/pdfviewer/pdfviewer?vid=3&hid=122&sid=97f74290-bc92-4df1-bafa-3a2a19123a02%40sessionmgr112>
5. Fearon J.D., Laitin D.D. Azerbaijan. URL: <http://www.stanford.edu/group/ethnic/Random%20Narratives/AzerbaijanRN1.2.pdf>
6. Документы Всемирного Банка. Отчет об оценке уровня жизни в Азербайджане. URL: http://siteresources.worldbank.org/AZERBAIJANEXTN/Resources/ALCAR_Azerbaijani.pdf
7. URL: <http://www.azerbaycanli.org/az/page98.html>
8. Кюрегян Э., Манукян С. Межэтнические отношения на Южном Кавказе // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2008. № 1. С. 49–62.
9. Троцук И.В. Легко ли быть молодым на Кавказе? // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2007. № 1 (11). С. 45–59.
10. Величко В.Л. Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы. Баку, 1990.

11. Гейдар Алиев и национальная политика в Азербайджане. Баку. Международный день толерантности // Газета «Азербайджан». 2007. 16 нояб.

12. Петров С. Русские в новом Азербайджане – не чужие. URL: <http://www.rosbalt.ru/ex-ussr/2014/11/27/1342003.html>

13. В Азербайджане восстановлен пост советника президента по национальной политике. URL: <http://www.iarex.ru/articles/45679.html>

V.O. Samsonova
The System of Government Allowances Granted to Families Bringing Up a Disabled Child: Practices of the Republic of Belarus

The article considers the system of government allowances to families bringing up a disabled child taking into account the analysis of beneficiaries, the allowance rate and the terms and conditions of payment. The author suggests borrowing the positive experience of Belarus legislators in this field to the Russian legislative base concerning social protection of families bringing up disabled children.

Key words and word-combinations: state allowances, a disabled child, Belarus, guardian (trustee) of a disabled child.

Рассматривается система государственных пособий в Республике Беларусь семьям, воспитывающим ребенка-инвалида, с учетом анализа их получателей, размера и порядка выплаты. Положительный опыт белорусских законодателей в исследуемом вопросе предлагается автором для заимствования в российскую законодательную базу по социальной защите семей, имеющих детей-инвалидов.

Ключевые слова и словосочетания: государственные пособия, ребенок-инвалид, Беларусь, опекун (попечитель) ребенка-инвалида.

УДК 364.04
ББК 60.99

В.О. Самсонова

СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПОСОБИЙ СЕМЬЯМ, ВОСПИТЫВАЮЩИМ РЕБЕНКА-ИНВАЛИДА: ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Современное российское законодательство в области социальной защиты семей, воспитывающих детей-инвалидов, характеризуется высоким уровнем противоречивости и пробельности, что существенно снижает его эффективность и требует системного и комплексного подхода при организации нормотворческой работы в данном направлении. В связи с этим, на наш взгляд, весьма полезно изучение законодательных решений в указанной сфере в Республике Беларусь.

За более чем двадцатилетний период независимости Республики Беларусь сформировались определенные подходы к регулированию правоотношений в области социальной сферы, в частности в вопросах назначения государственных пособий семьям, воспитывающим ребенка-инвалида. Анализ положений белорусских норматив-

ных актов с целью отбора и заимствования наиболее удачных может быть плодотворным для российского правотворчества.

В условиях постоянного развития социальной сферы Республики Беларусь законодателем предоставлены широкие права на получение государственных пособий семьям, воспитывающим ребенка-инвалида. По состоянию на февраль 2015 г. на учете в органах по труду и социальной защите Республики Беларусь состояли 27 693 ребенка-инвалида [1]. Основным нормативно-правовым актом, регулирующим вопросы назначения и выплаты государственных пособий для семей, воспитывающих детей-инвалидов, является Закон Республики Беларусь от 29 декабря 2012 г. № 7-3 «О государственных пособиях семьям, воспитывающим детей» (далее — Закон № 7-3) [2].

На современном этапе в стране система государственных пособий, выплачиваемых семьям, воспитывающим ребенка-инвалида, состоит из пособия по материнству; семейных пособий; пособий по временной нетрудоспособности по уходу за ребенком-инвалидом. Предметом данной статьи является рассмотрение вопросов по семейным пособиям и пособиям по временной нетрудоспособности по уходу за ребенком-инвалидом.

В белорусском законодательстве существует принципиально важное отличие от российского законодательства в том, что оно предусматривает выплату семьям, воспитывающим ребенка-инвалида, пособия по уходу за ребенком-инвалидом в возрасте до трех лет и пособия по уходу за ребенком-инвалидом в возрасте от трех лет до восемнадцати (семейные пособия). В соответствии со ст. 13 Закона № 7-3 на ребенка-инвалида в возрасте до трех лет пособие по уходу за ребенком в возрасте до трех лет назначается и выплачивается в размере 45% среднемесячной заработной платы работников в республике за квартал.

Динамика размера такого государственного пособия в 2015 г., составленная по данным Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь [3], представлена на рис. 1.

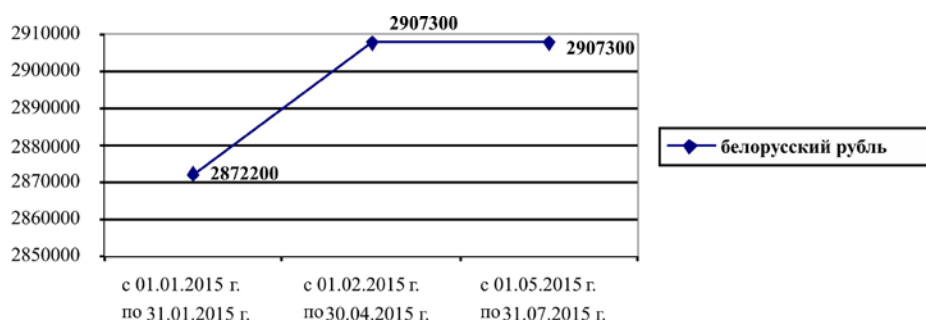

Рис. 1. Динамика размера государственного пособия в 2015 г. семьям, воспитывающим ребенка-инвалида до трех лет

Существенно, что белорусский законодатель предусмотрел право на назначение и выплату указанного пособия не только биологическим родителям ре-

бенка, но и мачехе (отчиму), усыновителю (удочерителю), опекуну ребенка-инвалида, то есть лицам, которые в силу семейных связей или взятых на себя обязательств по отношению к ребенку, наравне с родителями, непосредственно участвуют в воспитании и материальном содержании ребенка-инвалида. Другие члены семьи или родственники ребенка-инвалида также имеют право на назначение такого пособия в случае нахождения их в отпуске по уходу за этим ребенком до достижения им возраста трех лет. Однако, на наш взгляд, данная норма закона может быть расширена. Предлагается включить в этот перечень приемных родителей и родителей-воспитателей.

Анализ положений белорусского законодательства о приемной семье и детском доме семейного типа [4] позволяет говорить о возможности передачи им на воспитание детей-инвалидов в возрасте до трех лет и, соответственно, наравне с обозначенной в ст. 13 Закона № 7-3 категорией граждан, могут фактически осуществлять уход за этой группой детей, что предполагает обеспечение со стороны законодателя тех же гарантий социальной защиты.

Распространение на данных граждан трудовых обязанностей, по нашему мнению, не может служить основанием для лишения их права на указанное пособие, тем более что по смыслу норм Закона № 7-3 оно является помощью, дополнением к основному источнику средств к существованию. В то же время, полагаем, российский законодатель должен перенять положение белорусского закона о выплате пособия по уходу за ребенком-инвалидом до достижения им возраста трех лет родителям, мачехе (отчиму), усыновителю (удочерителю), опекуну ребенка и другим членам семьи или родственникам ребенка в случае нахождения их в отпуске по уходу за этим ребенком до достижения им возраста трех лет.

Введение данного вида пособия в российском праве будет служить дополнительной материальной помощью семье, которая, в связи с появлением в ней ребенка-инвалида, испытывает проблемы не только психологического характера (переживания родителей и родственников в связи с заболеванием ребенка и тревогой за его судьбу, трудности в общении с ребенком и т.д.), но и медицинского (участие семьи в программе реабилитации), экономического (часто семьи, имеющие ребенка-инвалида, имеют уровень доходов ниже, чем семьи, воспитывающие здоровых детей), педагогического (воспитание обучение и уход за больным ребенком) и т.п. В свою очередь, в случае воспитания в семье ребенка-инвалида в возрасте до восемнадцати лет со стороны белорусского государства происходит также выплата пособия на детей старше трех лет.

Важно, однако, подчеркнуть, что при назначении указанного пособия уровень дохода семьи не имеет значения, но важна занятость трудоспособного отца (отчима), усыновителя, опекуна (попечителя) в полной семье или трудоспособного родителя, усыновителя (удочерителя), опекуна (попечителя) в неполной семье. В частности, пособие на детей старше трех лет назначается, только если трудоспособный родитель в семье на дату обращения за пособием и не менее шести месяцев в году, предшествовавшем году обращения, был трудоустроен или не работал по ряду указанных в Законе № 7-3 уважительным причинам, а именно:

— работает или осуществляет иной вид деятельности в Республике Беларусь, приносящий заработок (доход), либо работает в дипломатическом представительстве или консульском учреждении Республики Беларусь;

— является военнослужащим, лицом рядового и начальствующего состава органов внутренних дел, Следственного комитета Республики Беларусь, органов финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь, органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям;

— получает образование: профессионально-техническое, среднее специальное, высшее или послевузовское образование в дневной форме получения образования;

— проходит подготовку в клинической ординатуре в очной форме;

— зарегистрирован в качестве безработного в органах по труду, занятости и социальной защите с выплатой пособия по безработице;

— проходит профессиональную подготовку, переподготовку, повышение квалификации или обучающиеся курсы по направлению данных органов;

— осуществляет уход за ребенком в возрасте до трех лет;

— является получателем пенсии или ежемесячной страховой выплаты в соответствии с законодательством об обязательном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний;

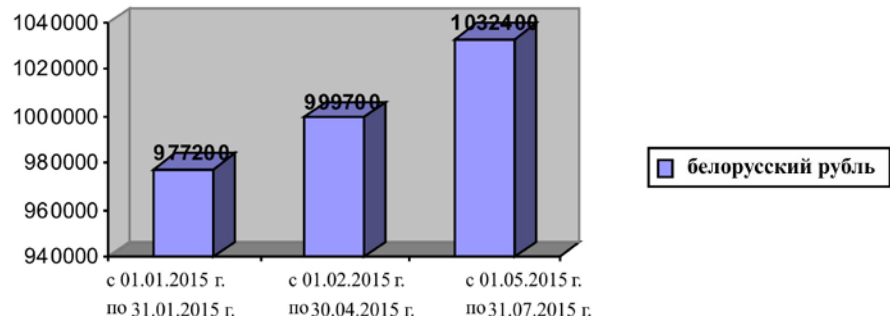
— является получателем ежемесячного денежного содержания в соответствии с законодательством о государственной службе;

— является получателем пособия по уходу за ребенком-инвалидом в возрасте до восемнадцати лет, инвалидом I группы, лицом, достигшим 80-летнего возраста, пособия на ребенка в возрасте до восемнадцати лет, инфицированного ВИЧ.

При этом условие о занятости не менее шести месяцев в году, предшествовавшем году обращения за пособием на детей старше трех лет, не распространяется на отца (отчима), усыновителя (удочерителя), проходящего срочную военную службу, а также на трудоспособного отца (отчима) в полной семье или трудоспособного родителя в неполной семье, усыновителя (удочерителя) опекуна (попечителя), который в год обращения за пособием является получателем пенсии, ежемесячной страховой выплаты по обязательному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, ежемесячного денежного содержания как государственный служащий, пособия по уходу за ребенком-инвалидом в возрасте до восемнадцати лет, инвалидом I группы, лицом, достигшим 80-летнего возраста, пособия на ребенка в возрасте до восемнадцати лет, инфицированного ВИЧ. Матери (мачехе) в полной семье, в которой отец (отчим) проходит срочную военную службу, пособие на детей старше трех лет назначается, если она удовлетворяет одному из указанных условий о занятости на дату обращения за таким пособием.

Согласно ст. 14 Закона №7-3 государством производится ежемесячная выплата такого пособия в размере 70% наибольшей величины бюджета прожиточного минимума.

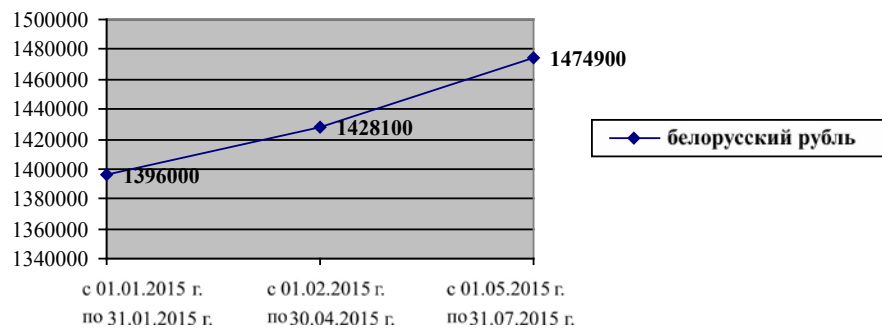
Изменение суммы указанного пособия в 2015 г., по данным Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь [3], представлено на рис. 2.

Рис. 2. Изменение суммы государственного пособия в 2015 г. семьям, воспитывающим ребенка-инвалида до трех лет

В то же время в Республике Беларусь выплачивается пособие по временной нетрудоспособности по уходу за ребенком-инвалидом в возрасте до восемнадцати лет. Данное ежемесячное пособие устанавливается в размере 100% наибольшей величины бюджета прожиточного минимума.

Повышение в 2015 г. размера пособия по временной нетрудоспособности по уходу за ребенком-инвалидом в возрасте до восемнадцати лет, по данным Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь [3], представлено на рис. 3.

Рис. 3. Повышение в 2015 г. размера пособия по временной нетрудоспособности по уходу за ребенком-инвалидом в возрасте до восемнадцати лет

Право на пособие по уходу за ребенком-инвалидом в возрасте до восемнадцати лет имеют мать (мачеха) или отец (отчим), усыновитель (удочеритель), опекун (попечитель) ребенка-инвалида, либо другое лицо, фактически осуществляющие уход за ним (ст. 17 Закона 7-3).

Между тем не назначается и не выплачивается данное пособие по уходу за ребенком-инвалидом в возрасте до восемнадцати лет следующей категории граждан:

- гражданам, работающим по трудовым договорам (контрактам);

— гражданам из числа военнослужащих, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел, Следственного комитета Республики Беларусь, органов финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь, органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям;

— гражданам, выполняющим работы по гражданско-правовым договорам, предметом которых являются оказание услуг, выполнение работ и создание объектов интеллектуальной собственности;

— гражданам, являющимся индивидуальными предпринимателями, частными нотариусами, адвокатами;

— гражданам, осуществляющим предусмотренные законодательными актами виды ремесленной деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей;

— гражданам, получающим профессионально-техническое, среднее специальное, высшее или послевузовское образование в дневной форме получения образования;

— гражданам, проходящим подготовку в клинической ординатуре в очной форме;

— гражданам, зарегистрированным в органах по труду, занятости и социальной защите в качестве безработных либо проходящим профессиональную подготовку, переподготовку, повышение квалификации и обучающиеся курсы по направлению органов по труду, занятости и социальной защите;

— гражданам, получающим пенсию или ежемесячную страховую выплату в соответствии с законодательством об обязательном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний (за исключением неработающих матери (мачехи) или отца (отчима), усыновителя (удочерителя), опекуна (попечителя) ребенка-инвалида, являющихся инвалидами, получающими пенсию либо ежемесячную страховую выплату), ежемесячное денежное содержание в соответствии с законодательством о государственной службе.

Данное пособие не может быть назначено также приемным родителям и родителям-воспитателям, поскольку их деятельность по воспитанию детей-инвалидов подразумевает заключение трудового контракта и получение за это вознаграждения. На наш взгляд, уместно дополнить ст. 17 Закон № 7-3 указанной категорией лиц. Отметим также, что с 1 января 2015 г. введено новое ежемесячное пособие семьям на детей в возрасте от трех до восемнадцати лет в период воспитания ребенка в возрасте до трех лет. Такое пособие установлено Указом Президента Республики Беларусь от 9 декабря 2014 г. № 572 «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, воспитывающих детей» (далее — Указ).

Право на пособие имеют мать (мачеха) или отец (отчим), усыновитель (удочеритель), опекун (попечитель), воспитывающие одновременно детей в возрасте до трех лет и от трех до восемнадцати лет. Опекун (попечитель) имеет право на пособие, если опека (попечительство) установлена над ребенком (детьми) в возрасте до трех лет и ребенком (детьми) в возрасте от трех до восемнадцати лет, при условии, если ребенок (дети) в возрасте от трех до

восемнадцать лет не находится (не находятся) на государственном обеспечении. Право на назначение данного пособия не зависит от даты рождения ребенка в возрасте до трех лет (до 1 января 2015 г. или после этой даты), от занятости (незанятости) и доходов родителей, опекуна (попечителя).

Однако лицам, одновременно имеющим право на пособие, предусмотренное Указом, и на пособие на детей старше трех лет из отдельных категорий семей в соответствии со ст. 14 Закона № 7-3, назначается и выплачивается один вид пособия по их выбору. При воспитании двоих и более детей назначается и выплачивается одно пособие на семью. Размер пособия составляет 50% бюджета прожиточного минимума в среднем на душу населения. Таким образом, поскольку размер пособия по ст. 14 Закона № 7-3 является выше, то семьям, воспитывающим ребенка-инвалида старше трех лет, выгоднее выбирать пособие по закону, а не Указу.

Нельзя не отметить, что в законодательстве Республики Беларусь предусмотрена выплата пособия по временной нетрудоспособности по уходу за ребенком-инвалидом в возрасте до восемнадцати лет в случае болезни матери либо другого лица, фактически осуществляющего уход за ребенком и пособия по временной нетрудоспособности по уходу за ребенком-инвалидом в возрасте до восемнадцати лет в случае его санаторно-курортного лечения, медицинской реабилитации, при этом пособие по временной нетрудоспособности по уходу за ребенком-инвалидом в возрасте до восемнадцати лет, в случае болезни матери либо другого лица, фактически осуществляющего уход за ребенком, назначается при оказании медицинской помощи в стационарных условиях ребенку-инвалиду в возрасте до восемнадцати лет, нуждающимся по заключению врача в дополнительном уходе, — на весь период нахождения с ребенком в государственной организации здравоохранения, в течение которого он нуждается в уходе или на весь период, когда указанные лица по заключению врача не могут осуществлять уход за ребенком-инвалидом (ст. 18 Закона № 7-3).

Право на пособие по временной нетрудоспособности по уходу за ребенком-инвалидом в возрасте до восемнадцати лет в случае его санаторно-курортного лечения, медицинской реабилитации имеют мать (мачеха) или отец (отчим), усыновитель (удочеритель), опекун (попечитель) ребенка-инвалида, на которых распространяется государственное социальное страхование, и за них, а также ими самими в предусмотренных законодательством случаях уплачиваются обязательные страховые взносы на социальное страхование, если уход за ребенком-инвалидом в возрасте не осуществляется другим лицом с выплатой государственного пособия.

При этом пособие по временной нетрудоспособности по уходу за ребенком-инвалидом в возрасте до восемнадцати лет в случае его санаторно-курортного лечения, медицинской реабилитации назначается на весь период (с учетом времени на проезд туда и обратно) ухода за ребенком-инвалидом в возрасте до восемнадцати лет в санаторно-курортных организациях Республики Беларусь по перечню, утверждаемому Советом Министров Республики Беларусь, или медицинской реабилитации в центрах медицинской или медико-социальной реабилитации, но не более чем на один срок санаторно-

курортного лечения, медицинской реабилитации в календарном году (ст. 19 Закона № 7-3).

В российском законе такого рода пособий не предусмотрено и данный пробел, на наш взгляд, в целях соблюдения прав и обеспечения достойной социальной защиты семей, воспитывающих ребенка-инвалида, следует ликвидировать путем введения соответствующих видов пособий в Российской Федерации. Изучение норм белорусского законодательства показало, что правам детей-инвалидов и семей, воспитывающих их, в последние несколько лет в государстве уделяется особое внимание, и они становятся предметом нормотворчества.

Таким образом, с учетом приведенного опыта Республики Беларусь систему социальных пособий в России для членов семей, воспитывающих ребенка-инвалида, следует расширить по предложенным направлениям. В свою очередь, представленный материал дает основания предложить такую дефиницию понятия «пособия, выплачиваемого семье, воспитывающего ребенка-инвалида»: это ежемесячные денежные выплаты, назначаемые государством членам семьи ребенка-инвалида, осуществляющим фактический уход за ним с целью оказания дополнительной материальной поддержки в связи с воспитанием такого ребенка.

Библиографический список

1. Сайт Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь. URL: <http://mintrud.gov.by/ru/chislivn>
2. О государственных пособиях семьям, воспитывающим детей: Закон Республики Беларусь от 29 дек. 2012 г. № 7-3 (в ред. Закона Республики Беларусь от 7 мая 2014 г. № 148-3; 1 янв. 2015 г. № 232-3). URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=56798
3. Сайт Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь. URL: <http://mintrud.gov.by/ru/dannye2>
4. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 г. № 278-3 (с изм. и доп. от 12 дек. 2013 г.). URL: <http://www.pravo.by>

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Т.А. Bondarenko
Genesis of the Principle of “Objective Truth” in Civil Proceedings

The article examines the issues associated with unraveling the actual circumstances of the case or “the objective truth” by the court of cassation in civil proceedings. Based on the historical analysis the tasks of justice in court of cassation proceedings are revealed. It is concluded that in the modern realities of Russia the Soviet principle of “objective truth” is preserved, creating a controversy with adversarial form of conducting a proceeding.

Key words and word-combinations: the principle of “objective truth”, the proceedings in the court of cassation, the tasks of justice, the rule of law.

Исследуются вопросы, связанные с установлением судом кассационной инстанции в гражданском процессе действительных обстоятельств по делу или «объективной истины». На основе исторического анализа раскрываются задачи судопроизводства в рамках рассмотрения дела в суде кассационной инстанции. Делается вывод о том, что советский принцип «объективной истины» сохранился в современных российских реалиях, создавая противоречия с состязательной формой ведения процесса.

Ключевые слова и словосочетания: принцип «объективной истины», кассационная инстанция, задачи судопроизводства, законность.

УДК 347.91/.95
ББК 67.410.1

Т.А. Бондаренко

ГЕНЕЗИС ПРИНЦИПА «ОБЪЕКТИВНОЙ ИСТИНЫ» В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

После распада СССР перед молодым государством — Российской Федерацией — предстала новая экономическая, политическая, социальная картина мира, которой необходимо было соответствовать. Изменения требовала и форма осуществления правосудия по гражданским делам, действовавшая на тот момент. Для исправления данной ситуации в 2002 г. принимается новый Гражданско-процессуальный кодекс РФ, закрепляющий основные начала для объективного рассмотрения гражданских дел в судах общей юрисдикции. Немаловажная роль отводилась суду, обеспечивающему на основе состязательности беспристрастное разрешение спора, предоставляя сторонам равные возможности для отстаивания личных интересов и наделяя их правом доказывания обоснованности своих требований и возражений в подтверждение своей позиции.

Однако некоторыми учеными отстаивается точка зрения, о том, что принцип состязательности сохранил в себе признаки

следственности, то есть наделяния суда большими полномочиями для установления фактических обстоятельств по делу. Определение роли суда как участника процесса, достоверность установленных судом обстоятельств по делу и соответствие их действительности остаются актуальными и сегодня. Несмотря на большое количество публикаций, посвященных этой теме, единого видения данной проблемы исследователями не выработано. Наиболее заслуживающими внимания являются следующие вопросы: должен ли суд при рассмотрении гражданского дела устанавливать истину; действует ли принцип объективной истины в настоящее время; что следует понимать под истиной? Для ответа на поставленные вопросы следует проанализировать генезис принципа объективной истины через призму норм, регулирующих порядок рассмотрения дел в кассационной инстанции в гражданском процессе.

Во многих научных исследованиях советского периода отмечалось, что «принцип объективной истины состоит в требовании разрешения гражданских дел, отнесенных законом к компетенции суда в соответствии с действительно существующими фактическими обстоятельствами, и оказания, таким образом, судебной защиты прав граждан, государственных и общественных организаций, государства, а также их интересов, охраняемых законом» [1, с. 13].

Истоки «советского» принципа «объективной истины» следует искать в ГПК РСФСР 1923 г. Согласно ст. 5 суд был обязан всемерно стремиться к уяснению действительных прав и взаимоотношений тяжущихся. Именно поэтому, не ограничиваясь представленными объяснениями и материалами дела, он должен был посредством предложенных сторонам вопросов способствовать выяснению существенных обстоятельств и подтверждению их доказательствами, оказывая обращающимся к суду трудящимся активное содействие к ограждению их прав и законных интересов, дабы юридическая неосведомленность, малограмотность и подобные тому обстоятельства не могли быть использованы им во вред. При этом суд разъяснял обращающимся к нему сторонам их процессуальные права и необходимые формальности, предупреждая о последствиях, связанных с процессуальными действиями или их упущениями.

На основании ст. 118 ГПК РСФСР каждая сторона должна была доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основании своих требований и возражений. Доказательства представлялись сторонами, а также могли быть собираемы по инициативе суда. Если представленных доказательств было недостаточно, суд предлагал сторонам представить дополнительные доказательства. В соответствии со ст. 121 ГПК РСФСР суд мог по собственной инициативе или по просьбе сторон производить необходимые поверочные действия по представленным доказательствам с помощью осмотра на месте, вызова сведущих лиц (экспертов), вызова и допроса свидетелей и проверки письменных документов [2, с. 44–46].

При определении содержания принципа «объективной истины» многими учеными того времени высказывалась точка зрения, согласно которой принцип объективной истины являлся составной частью другого принципа — состязательности. Следует отметить, что принцип состязательности в буржуазных

странах в период с 1920 по 1940 г. означал неотъемлемое право каждого собирать и предоставлять доказательства. При этом суд, в отличие от советской модели судопроизводства, был лишен такой возможности.

Принцип состязательности в законодательстве буржуазных стран того времени дополнялся также самой формой процесса, борьбой сторон перед судом, спором с утверждениями одной стороной и опровержениями этих утверждений другой стороной [3, с. 434–435]. С.Н. Абрамов отмечал: «Принцип состязательности в советском процессе означает сочетание самодеятельности и инициативы сторон с инициативой и активностью суда в выявлении всех обстоятельств дела и в подтверждении их доказательствами, способствующими установлению материальной истины» [4, с. 48].

Однако у данной позиции были и свои противники. Так, С.В. Курyleв подчеркивал, что «...известные явления, при помощи которых суд, основываясь на знании объективных связей явлений, познает неизвестные, и служат средствами установления объективной истинности наличия или отсутствия искомых фактов, то есть доказательствами. Доказательство — известный суду факт, находящийся в определенной связи с неизвестным суду фактом или группой фактов, входящих в предмет доказывания» [5, с. 31–40].

Нормы постановления № 52 Пленума Верховного Суда СССР от 28 октября 1935 г. «О строжайшем соблюдении процессуальных норм в гражданском процессе» в части рассмотрения дела в суде кассационной инстанции подтверждают эту позицию. В п. 3 данного постановления отмечалось, что «кассационная инстанция должна проверить, прежде всего, с достаточной ли полнотой установлены все существенные обстоятельства дела судом первой инстанции и, в случае неполноты обследования фактической стороны, возвратить дело в суд первой инстанции для доследования с точным указанием, что именно необходимо доследовать. Кассационная инстанция также должна проверить, правильно ли сделан судом логический вывод из установленных фактов и правильно ли применен закон. Под видом изменения решения суд высшей инстанции, однако, не вправе выносить новых решений по обстоятельствам, которые не были обсуждены и проверены судом первой инстанции» [6, с. 67–68].

На наш взгляд, до реформы гражданско-процессуального законодательства, произошедшей в 1965 г., все рассмотрение дела в суде кассационной инстанции сводилось к простой формуле: главенствующая роль суда при сборе и оценке фактических обстоятельств по делу позволяет обеспечить законность судебного решения (определения). Законность — это определенный режим общественной жизни, метод государственного руководства, состоящий в организации общественных отношений посредством издания и неуклонного осуществления законов и других правовых актов. Законность можно рассматривать как центральный принцип права, определяющий многие другие его принципы и положения. При этом такая формула затягивала процесс, поскольку стороны могли просто злоупотребить своим правом и придержать доказательства до разрешения дела в суде кассационной инстанции, чтобы тот, рассмотрев их, отправил дело на новое рассмотрение.

Данная тенденция продолжила свое действие и при принятии нового ГПК РСФСР в 1965 г. Важно отметить, что теперь принцип «объективной истины» рассматривался как составная часть принципа обоснованности. Так, в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 13 декабря 1974 г. № 10 «О практике рассмотрения гражданских дел в порядке судебного надзора» отмечалось, что «во всей своей деятельности эти суды должны исходить из того, что надлежащая проверка законности и обоснованности судебных решений является надежной гарантией защиты прав и охраняемых законом интересов граждан и организаций». Этот тезис получил свое развитие в п.п. 2, 8, 9 постановления: «Если в заявлении приводятся убедительные доводы о необоснованности судебного решения или о допущенном судом существенном нарушении норм материального или процессуального права, дело подлежит истребованию для проверки в порядке надзора» (п. 2); «При проверке законности и обоснованности вынесенного по делу решения, определения и постановления необходимо выяснить насколько полно, всесторонне и объективно исследованы действительные обстоятельства дела...» (п. 8); «Суд, рассматривающий дело в порядке надзора <...> не связан доводами протеста и обязан проверить дело в полном объеме» (п. 9) [7, с. 34–37].

В современном российском гражданском процессе в отличие от советской модели судопроизводства стороны сами устанавливают и ведут сбор доказательств. Как справедливо отмечает К.В. Бубон, «характерная черта, отличающая гражданский процесс от уголовного, состоит в том, что стороны гражданской тяжбы принципиально более самостоятельны в сборе и предоставлении суду доказательств, чем стороны уголовного процесса. Это различие носит качественный характер — в гражданском судопроизводстве, как известно, обязанность доказывания обычно лежит на сторонах. Если одна из них не представляет суду доказательства, то суд, в сущности, не обязан даже предполагать их наличие в природе» [8, с. 13].

Тем не менее некоторые ученые предусматривают существование «объективной истины», которая прямо не прописана, но следует из содержания ряда статей ГПК РФ и по своей сути является «формальной». Под формальной истиной следует понимать ту, «которая признается таковой, если она соответствует формальным указаниям закона» [9, с. 264]. Так, согласно ч. 1 п. 2 ст. 390 ГПК РФ при рассмотрении дела в кассационном порядке суд проверяет правильность применения и толкования норм материального права и норм процессуального права судами, рассматривавшими дело в пределах доводов кассационных жалобы, представления.

Вместе с тем, постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 декабря 2012 г. № 29 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» уточняет формулировку закона. В соответствии с п. 25 постановления № 29 в том случае, если обжалуемая часть решения обусловлена другой его частью или иным судебным постановлением, вынесенным по этому же делу, которые не обжалуются заявителем, то эта часть решения или судебное постановление также подлежат проверке судом кассационной инстанции. Однако следует

иметь в виду, что суд не связан доводами, изложенными в кассационных жалобе, представлении, если он придет к выводу, что в интересах законности необходимо выйти за пределы этих доводов.

В итоге на практике складывается такая ситуация, где в одних случаях суд старается при принятии решения по гражданскому делу установить факты на основании документов, различных материалов дела, не обращая внимания, насколько данные факты соответствуют реальным обстоятельствам, а в других — проявить свою инициативу. Как верно отмечает А.П. Яковлева, «внутреннее убеждение судей остается важной составляющей, которой они руководствуются при вынесении приговора или решения суда. Такое положение дел привело к увеличению обращений российских граждан в Европейский суд по правам человека, за защитой своих интересов, нарушенных при рассмотрении дела в кассационном порядке» [10, с. 140—141].

По нашему мнению, законодателю следует установить п. 2 ст. 390 ГПК РФ в следующей редакции: «При рассмотрении дела в кассационном порядке суд проверяет правильность применения и толкования норм материального права и норм процессуального права судами, рассматривавшими дело в пределах доводов кассационных жалобы, представления. Суд кассационной инстанции вправе выйти за пределы доводов кассационных жалобы, представления в ряде случаев.

Во-первых, постановление нижестоящего суда противоречит сложившейся судебной практике по конкретному вопросу. Необходимость утверждения данного положения обусловливается проходящей реформой по объединению Высших судебных инстанций. Более того в соответствии с п. 4 ст. 19 Федерального конституционного закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (в редакции от 5 февраля 2014 г.) «О судебной системе Российской Федерации» Верховный Суд Российской Федерации в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации дает судам разъяснения по вопросам судебной практики. Во-вторых, постановление нижестоящего суда создает неблагоприятные последствия для неопределенного круга лиц. В-третьих, для разрешения другого дела, для которого это судебное постановление имеет преюдициальное значение. В-четвертых, по делам рассматриваемым в порядке особого производства».

Кроме того, способствуя укреплению принципа состязательности в гражданско-процессуальных отношениях, предлагаем принять новый вариант ст. 2 ГПК РФ: «Задачами гражданского судопроизводства являются обеспечение правомерного и своевременного рассмотрения и разрешения гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений». Подобная редакция позволит судьям, а так же кассационной инстанции осознать свою роль при рассмотрении дела.

Библиографический список

1. *Иванов О.В.* Принцип объективной истины в советском гражданском процессе: лекция для студентов вечернего отделения. М., 1964.

2. Боннер А.Т. Проблемы установления истины в гражданском процессе. СПб., 2009.
3. Поволоцкий Л.И., Ельевич М.И. Исторический очерк развития советского гражданского процесса // Ученые записки ЛГУ. Сер. юридических наук. 1949. Вып. 2.
4. Гражданский процесс / под ред. С.Н. Абрамова. М., 1948.
5. Курьлев С.В. Сущность судебных доказательств // Труды Иркутского университета. Сер. юридическая. Иркутск, 1956. Т. 13. Вып. 2.
6. Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по гражданским делам. М., 1996.
7. Сборник постановлений и разъяснений Верховного Суда Союза ССР / под ред. А.Н. Винокурова. М., 1936.
8. Бубон К.В. К вопросу о правовой категории «истина» в гражданском и уголовном процессе и ее месте в ряду правовых ценностей // Адвокат. 2012. № 5.
9. Ференс-Сороцкий А.А. Аксиомы гражданского процесса и некоторые вопросы доказывания // Тенденции развития гражданского процессуального права России: сб. науч. статей. СПб., 2008.
10. Яковлева А.П. Некоторые вопросы взаимодействия принципов объективной истины и состязательности в современном судопроизводстве // Бюллетень Международной ассоциации содействия правосудия. 2015. № 1.

I.A. Tolochkova
Comparative Characteristics
of the Contractual Civil Law
Provisions for Educational Services
and Labor Laws of a Student Contract

The issue of the relation between civil law provisions for the educational services contract and labor laws of a student contract. The author aims at discovering some “border” inter-industry linkages, at the same time, identifying their unconditional differences and autonomous signs.

Key words and word-combinations: educational services, student contract, employee, employer.

Исследуется вопрос о соотношении гражданско-правовых положений договора об оказании образовательных услуг и норм трудового права ученического договора. Ставится цель обнаружить некие «пограничные» межотраслевые связи, а также выявить их безусловные различия и автономные признаки.

Ключевые слова и словосочетания: образовательные услуги, ученический договор, работник, работодатель.

УДК 349.2
ББК 67.405.1

И.А. Толочкова

СРАВНИТЕЛЬНАЯ
ХАРАКТЕРИСТИКА
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ
ПОЛОЖЕНИЙ
ДОГОВОРА ОБ ОКАЗАНИИ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ
И НОРМ ТРУДОВОГО ПРАВА
УЧЕНИЧЕСКОГО ДОГОВОРА

Современные интеграционные процессы в праве свидетельствуют о взаимном влиянии и глубоком взаимодействии норм и положений различных отраслей права. «...Этот интеграционный процесс характеризуется увеличением в административном, трудовом и семейном праве, в праве соци-

ального обеспечения гражданско-правовых, договорных элементов, существенно влияющих на развитие правоотношений в сфере социальной защиты населения как комплексной отрасли законодательства» [1].

Правовед С.В. Поленина отмечает, что перераспределение сферы правового регулирования между отраслями права бесспорно связано с восстановлением и развитием комплексных межотраслевых «пограничных» институтов, образующихся на стыке смежных, однородных отраслей права, а сами «пограничные» институты характеризуются наличием подвижной предметно-регулятивной связи между нормами отраслей права, образующими данный институт [2].

Обратившись к вопросу о соотношении гражданско-правовых положений договора об оказании образовательных услуг и норм трудового права ученического договора, зададимся целью обнаружить некие «пограничные» межотраслевые связи, дифференцировать эти правоотношения, выявив их безусловные различия и автономные признаки.

Трудовой кодекс РФ (ст. 198) содержит следующее определение ученического договора: работодатель — юридическое лицо (организация) имеет право заключать с лицом, ищущим работу, или с работником данной организации ученический договор на получение образования без отрыва или с отрывом от работы. Ученический договор с работником данной организации является дополнительным к трудовому договору [3].

Представленное определение свидетельствует о наличии двух правовых конструкций ученического договора: «В ученическом договоре первого вида одной из сторон выступает лицо, ищущее работу и желающее получить соответствующее образование с целью приобретения определенной квалификации. В этом случае между работодателем и указанным лицом заключается ученический договор, по окончании которого гражданин принимается на работу к работодателю, выступающему стороной ученического договора. В ст. 199 ТК РФ предусмотрено, что в ученическом договоре должна быть установлена обязанность лица, получившего образование, проработать по трудовому договору с данным работодателем в соответствии с полученной квалификацией в течение срока, определенного в ученическом договоре. Сторонами ученического договора второго вида являются субъекты, уже состоящие в трудовых отношениях, и ученический договор на получение образования является дополнительным к трудовому договору» [4, с. 456].

В соответствии с п. 6 ст. 73 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [5] профессиональное обучение проводится в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, в том числе учебных центрах профессиональной квалификации и на производстве, а также в форме самообразования. Учебные центры профессиональной квалификации могут создаваться в различных организационно-правовых формах юридических лиц, предусмотренных гражданским законодательством, или в качестве структурных подразделений юридических лиц. В свою очередь, анализ норм ТК РФ позволяет констатировать, что заключение ученического договора гражданином на получение образования возможно только с юридическим лицом. Следовательно, индивидуальные предприниматели, несмотря на предоставленную им возможность осуществления образовательной деятельности, а также ра-

ботодатели — физические лица, не являющиеся индивидуальными предпринимателями, не вправе заключать ученические договоры. По этому поводу профессор И.О. Снигирева пишет: «...индивидуальный предприниматель без образования юридического лица такие договоры заключать не может и должен либо принимать на работу лиц, уже имеющих необходимую ему профессию и квалификацию, либо направлять их на обучение в профессиональные учебные заведения, заключая с ними соответствующий договор и определяя в нем условия обучения, в частности за счет чьих средств (работодателя или обучающегося лица — полностью или частично) производится обучение» [6, с. 296].

Юридическое лицо (работодатель) с целью заключения ученического договора обязано получить лицензию на осуществление образовательной деятельности, что является единственным требованием ко всем организациям, оказывающим подобного рода услуги. Такое юридическое лицо будет осуществлять образовательную деятельность сообразно требованиям и нормам, установленным в образовательных стандартах. В целом юридические лица не ограничены в уровне образования, которое может быть реализовано ими не только в качестве гражданско-правовой услуги, но и в качестве предмета в ученическом договоре.

При определении отличительных признаков ученического договора в сравнении с гражданско-правовым договором об оказании образовательных услуг следует обратить внимание на то, что согласно ТК РФ правоотношение, возникающее из такого договора, подчинено только нормам трудового права: «В соответствии со ст. 1 ТК отношения по подготовке и дополнительному профессиональному образованию работников непосредственно у данного работодателя отнесены к числу отношений, непосредственно связанных с трудовыми, включены в предмет трудового права и регулируются трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права» [4, с. 456]. Однако это правоотношение может иметь межотраслевой характер регулирования, а также гражданско-правовой, если лицо желает в будущем заключить трудовой договор с работодателем. Именно с этой целью работодатель заключает с ним (или в отношении него) гражданско-правовой договор об оказании образовательных услуг с тем условием, что лицо, получив определенное образование, обязано заключить трудовой договор с соответствующим работодателем на установленный срок.

Следовательно, с таким лицом должны заключаться два договора: ученический договор, который подлежит регулированию нормами трудового права, и обязывает такое лицо в дальнейшем заключить с работодателем трудовой договор, а также гражданско-правовой, непосредственно связанный с оказанием образовательной услуги данному лицу. В юридической литературе высказывается мнение о том, что в случае если ученический договор заключается с лицом, не работающим в организации — участнице договора, для его подготовки по определенной специальности в целях дальнейшей трудовой деятельности на предприятии, то этот договор носит не трудовой, а гражданско-правовой характер [7].

Однако анализ действующего трудового законодательства убеждает в обратном. До изменений, внесенных в трудовое законодательство в 2006 г., ученический договор с лицом, ищущим работу, носил гражданско-правовой характер, а ст. 198 ТК РФ непосредственно устанавливала, что этот «...вид

ученического договора (договор на профессиональное обучение) отнесен к гражданско-правовым договорам и регулируется гражданским законодательством и иными актами, содержащими нормы гражданского права, второй вид ученического договора (договор на переобучение) назван дополнительным к трудовому договору и регулируется нормами трудового законодательства и иными актами, содержащими нормы трудового права» [8, с. 13].

Добавленные в трудовое законодательство изменения окончательно поставили точку в вопросе отнесения ученического договора к той или иной отрасли законодательства и определили отрасль трудового права как единственно значимую. Нельзя отрицать, что такое правоотношение, где лицо еще не является работником, но будет им в дальнейшем, требует регулирования различными отраслями права, поэтому верным представляется утверждение о том, что ученический договор будет подчинен нормам трудового права, а заключаемый наряду с ним договор об оказании образовательных услуг урегулируется нормами гражданского и административного права (в части образовательных программ и требований).

Правоотношение, возникающее между работодателем и будущим работником, структурно представляет собой договор об исполнении третьему лицу, аналогично договору между родителем и исполнителем образовательной услуги, в случае, когда договор заключается в пользу несовершеннолетнего. Работодатель оплачивает образовательную услугу, при этом получает ее другое лицо — будущий работник, не наделенный правом обсуждать условия договора, менять их или иным образом участвовать в его заключении. Главная обязанность будущего работника — освоение образовательной программы. Таким образом, в представленной правовой конструкции, будущий работник не является стороной договора об оказании образовательных услуг, а выступает участником правоотношения по поводу их оказания, наделенным в основном обязанностями.

В отличие от правоотношения с участием несовершеннолетнего в правоотношении с участием работника, на последнего возлагается дополнительная обязанность — заключить в дальнейшем трудовой договор с работодателем. Иначе работник будет обязан возместить израсходованные на его обучение средства. «...Если у ученика были уважительные причины для невыполнения обязательств по договору, ответственность ученика не наступает. Следовательно, если ученик по окончании ученичества по уважительной причине не приступает к работе, то он освобождается от обязанности возратить полученную за время ученичества стипендию, а также возместить все понесенные работодателем расходы в связи с ученичеством» [7, с. 53]. В то же время, в отличие от несовершеннолетнего, желание которого продиктовано волей родителя и как де-юре предполагается — совпадает с волей родителя, работник самостоятельно принимает решение о заключении договора об оказании образовательных услуг. Тем самым он проявляет самостоятельную волю, более того, он является инициатором заключения соглашения с работодателем, что не характерно для отношений между несовершеннолетним и родителем.

Разница между правоотношением и ученическим договором заключается в том, что получателю образовательной услуги (будущему работнику) в соответствии со ст. 204 ТК РФ в период ученичества выплачивается стипендия, размер которой определяется ученическим договором. Такая компенсация зависит от

получаемой будущим работником (как и работником уже состоящим в трудовых правоотношениях с работодателем) квалификации, но не может быть ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда. Кроме того, предписано, что работа, выполняемая учеником на практических занятиях, оплачивается по отдельно принятым расценкам. Подобное условие совершенно исключено в правоотношении между родителем и несовершеннолетним и урегулировано не договором, а законом, что также следует считать его отличительным признаком. И для гражданско-правового договора об оказании образовательных услуг, и для ученического договора характерным является внимание законодателя к их условиям, при этом оба договора могут содержать существенные, обычные и случайные условия. Существенные условия необходимы и достаточны для заключения договора; обычные — предусмотрены действующим законодательством и вступают в силу помимо воли сторон; случайные — изменяют или дополняют обычные условия.

Аналогично гражданско-правовому договору ученический договор должен содержать наименование сторон, наименование профессии (возможно, квалификации или специальности), срок договора, размер оплаты образовательных услуг (в ученическом договоре это условие присутствует, если услуги оказывает третье лицо, а не работодатель). В силу отраслевой специфики ученический договор будет содержать следующие условия: обязанность работодателя обеспечить работнику возможность обучения; обязанность работника пройти обучение (характерно и для гражданско-правового договора с совершеннолетним гражданином, обязанностью которого является освоение программы обучения и соблюдение внутреннего локального законодательства образовательной организации); обязанность ученика проработать в соответствии с полученной им профессией (специальностью или квалификацией) по трудовому договору с работодателем в течение срока, установленного в ученическом договоре; определенный размер оплаты для ученика на период действия ученического договора.

Таким образом, договор об оказании образовательных услуг и ученический договор взаимно дополняют друг друга в случае, если работодатель непосредственно оказывает образовательную услугу работнику, при этом гражданское правоотношение между ними представляет двусторонний договор об оказании образовательных услуг одной стороны другой. Если работник получает образовательную услугу у третьего лица, то гражданское правоотношение, возникшее между ним и работодателем следует рассматривать как договор об исполнении третьему лицу (работнику). Аналогично договору об оказании образовательных услуг в пользу несовершеннолетнего работник не сторона, а участник правоотношения (договора). При этом, однако, на него возможно возложение обязанностей и привлечение его к ответственности, установленной локальными нормативными актами образовательной организации.

Библиографический список

1. Барков А.В. Институт приемной семьи в частном праве России: некоторые тенденции и перспективы развития // Гражданское право. 2010. № 3.
2. Поленина С.В. Взаимодействие системы права и системы законодательства в современной России // Государство и право. 1999. № 9.

3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 8 июня 2015 г.) // СЗ РФ. 2002. № 1. Ч. I. Ст. 3; Российская газета. 2015. № 124.
4. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный) / М.А. Бочарникова, З.Д. Виноградова, А.К. Гаврилина [и др.]; отв. ред. Ю.П. Орловский. 6-е изд., испр., доп. и перераб. М., 2014.
5. Об образовании в Российской Федерации // Федер. закон от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ (в ред. от 29 июня 2015 г.) // СЗ РФ. 2012. № 53. Ст. 7598; 2015. № 1. Ст. 72.
6. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный) / М.О. Буянова, К.Н. Гусов, М.Л. Захаров [и др.]; под ред. К.Н. Гусова. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2008.
7. *Феофилакт А.С.* Ученический договор: особенности содержания и практика разрешения споров // Трудовое право. 2011. № 4. С. 41–54.
8. *Глебов В.Г.* Ученический договор. М., 2006.

**R.I. Zeynalov
Settlement Agreement
as a Phenomenon in the Judicial
Process and the Consequences
for the Parties at Its Conclusion**

The legal regulation of conciliation procedures and its structure is analyzed. The differences in settlement agreements and the judicial review of the legality of a settlement agreement are considered. The settlement agreement and its approval in the arbitration proceedings, and the differences in the effects of the arbitration process according to the conduction or approval of the settlement agreement are investigated.

Key words and word-combinations: settlement agreement, arbitration proceedings, the deal, the consequences.

Анализируется правовое регулирование примирительных процедур и его структура. Рассматриваются различия заключенных мировых соглашений и судебная проверка законности мирового соглашения. Анализируются мировое соглашение и его утверждение в арбитражном судопроизводстве, различия последствий арбитражного процесса в зависимости от заключения или утверждения мирового соглашения.

Ключевые слова и словосочетания: мировое соглашение, арбитражный процесс, сделка, последствия.

УДК 347.91/.95
ББК 67.410.1

Р.И. Зейналов

**МИРОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ
КАК ЯВЛЕНИЕ
В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ:
СТАДИИ И ПОСЛЕДСТВИЯ
ДЛЯ СТОРОН
ПРИ ЕГО ЗАКЛЮЧЕНИИ**

Мировое соглашение как явление в судебном процессе является важным инструментом правовой системы, так как это защита нарушенных прав и законных интересов при наименьших процессуальных тратах. Однако институт мирового соглашения имеет множество нюансов, которые необходимо знать. Так, одним из нюансов являются последствия для сторон при заключении мирового соглашения в процессе и при утверждении уже заключенного примирительного акта. Кроме того, правило, применяемое на практике, в свою очередь являющееся бесспорным, часто не закреплено законодательно. В настоящем исследовании предлагается внести дополнения

в определенные статьи, что позволит избежать вынесения нескольких актов вместо одного и законодательного закрепления некоторых правил. Стороны должны быть подготовлены к процессу, что также повышает уровень состязательности, увеличивает эффективность и ускоряет судебный процесс. Учитывая это, целесообразно соблюдать следующие стадии.

Во-первых, стороны и третьи лица должны иметь документы, подтверждающие и обосновывающие собственную позицию в процессе, должны быть знакомы с доказательствами, то есть обладать необходимой и полной информацией по данному делу. На данной стадии суд уточняет позицию сторон и третьих лиц, оглашает доказательства, информирует о возможности для сторон окончить дело миром или возможности истца отказаться от иска, а ответчика его признать. По окончании этой стадии либо судом выносится определение о прекращении производства по делу, либо назначается судебное заседание с целью рассмотрения дела по существу.

Во-вторых, целью примирительного производства является примирение сторон, так как это защита нарушенных прав и законных интересов при наименьших процессуальных тратах. Однако целью данной стадии является не примирение, а проверка готовности дела, проверка качества предыдущей стадии и, конечно беспрепятственное рассмотрение дела по существу. Этим самым повышается эффективность и уровень состязательности в процессе. Бывает, что стороны узнают о доводах и доказательствах противоположной стороны только на судебном заседании, что противоречит ст. 65 АПК РФ. Согласно данной статье в случаях, если порядок предъявления доказательств нарушен, суд может отнести судебные расходы независимо от исхода дела на лицо, участвующее в деле и допустившее такое нарушение (ч. 2 ст. 111).

В-третьих, очевидно, что исходом каждого дела не может быть мир. Именно по этим делам закон должен предусматривать «изъятие», то есть не проведение стадии примирительного производства, а сразу назначение судебного разбирательства. В-четвертых, необходима проверка полномочий участников. Если лицо представляет интересы одной из сторон, то его полномочия должны быть отражены в доверенности. В-пятых, сразу после окончания подготовки дела к разбирательству следует проводить примирительное производство. Если же примирение не состоялось, то разбирательство в суде назначается через определенный промежуток времени. В-шестых, примирительное производство может закончиться не только утверждением и заключением мирового соглашения, но также признанием иска ответчиком или отказом от иска истцом и принятием этих действий судом.

Согласно ст. 220-221 ГПК РФ после утверждения мирового соглашения стороны не могут обращаться в суд с иском друг к другу по такому же спору (по такому же предмету и основаниям). Достигнутое сторонами мировое соглашение утверждается судом, о чем выносится определение, которое прекращает производство по делу (п. 5 ст. 141 АПК РФ, а также ч. 3 ст. 173 ГПК РФ). Так, следует понимать, что мировое соглашение — это прекращение судебного спора на основании соглашения сторон. Однако при заключении такого соглашения стороны, между которыми идут тяжбы, могут указать, на кого возлагаются

расходы (оплата адвоката, госпошлины и т.д.). К соглашению можно прийти на любых стадиях процесса. Мирное соглашение не стоит путать с досудебным урегулированием спора. При утверждении судом мирного соглашения суд выносит определение о прекращении производства по делу. Важным моментом является то, что после утверждения мирного соглашения оно имеет силу решения суда. Следует отметить, что мирное соглашение — это обычное соглашение для прекращения процессуального спора и установления новых прав и обязанностей для сторон, а также последствий такого соглашения, которые могут различаться в зависимости от заключения мирного соглашения в процессе, или утверждение уже заключенного сторонами акта.

Разберем эти отличия на примере арбитражного процесса. В первом случае можно говорить о представлении мирного соглашения на утверждение арбитражного суда, и обязанность суда рассмотреть данное соглашение. В случае же если мирное соглашение уже утверждено арбитражным судом, можно утверждать, что последствие есть прекращение судопроизводства по делу, а также неприменение вынесенных ранее судебных постановлений. Об этом при утверждении мирного соглашения суды апелляционной и кассационной инстанции делают соответствующую ссылку. Данное правило бесспорно, однако законом не подкреплено. Таким образом, п. 7 ст. 141 АПК РФ включает в себя только положение об исполнительном производстве: «В определении об утверждении мирного соглашения, заключенного в процессе исполнения судебного акта арбитражного суда, должно быть также указано, что этот судебный акт не подлежит исполнению». Можно считать правильным расширение п. 7 ст. 141 АПК РФ. Требуется указать, что в определении об утверждении данного мирного соглашения все прежде принятые акты суда должны быть отменены.

Последствием утверждения судебным органом мирного соглашения является прекращение судопроизводства по делу. Однако, как верно заметил С.Л. Дегтярев, «закон не устанавливает возможности включать в определение об утверждении мирного соглашения положения о прекращении этим определением производства по делу. Нет этого положения и среди обязательных сведений, включаемых в определение об утверждении мирного соглашения. Следовательно, в соответствии с ч. 2 ст. 150 АПК РФ вынесенное определение об утверждении мирного соглашения должно являться основанием для вынесения отдельного определения о прекращении производства по делу» [1, с. 25]. Обоснованность такого дополнительного определения возможна, если оно будет выноситься после выполнения всех условий мирного соглашения. Иначе нет потребности вынесения еще и дополнительного акта, раз можно все указать в одном. В этом случае необходимо п. 7 ст. 141 АПК РФ дополнить подп. 5 следующего содержания: «5) прекращение производства по делу».

Последствием утверждения мирного соглашения в соответствии с ч. 2 ст. 150 АПК РФ является прекращение судопроизводства по делу. Арбитражный суд при возникновении основания для прекращения судопроизводства по делу выносит соответствующее определение, а сущность дела в итоге фактически не рассматривается. Однако суд обязан проверить за-

конность заключаемого мирового соглашения, а значит, необходимо провести исследование обстоятельств дела и понять суть правового спора, так как без представления о характере взаимоотношений сторон суд не может сделать правильные выводы. Выходит, суд должен, если стороны предоставили на утверждение уже заключенное мировое соглашение, сущность дела фактически не рассматривать, а проверить его законность. Д.В. Князев и Н.В. Сердюкова в связи с этим указывают: «Заключая соглашение, стороны самостоятельно разрешают спор, и от судьбы требуется лишь проверить законность данного мирового соглашения. Суд как бы снимает с себя ответственность за необоснованность судебного акта. Достаточно проверить соответствие мирового соглашения закону, не вдаваясь в исследование доказательств» [2]. Сходной позиции придерживается Н.М. Серегина, которая указывает: «При утверждении мирового соглашения суд всесторонне и полно обстоятельства дела не исследует. Собственно говоря, то, что выступает содержанием мирового соглашения, с позиции гражданского процесса является определенной правовой фикцией. Но для утверждения мирового соглашения суду вовсе не обязательно констатировать существование действительного материального правоотношения, достаточно констатации законности условий такого соглашения» [3, с. 7].

Таким образом, когда суд утверждает мировое соглашение, суд буквально не работает над самими материалами дела, а просто по умолчанию доверяет сторонам, которые, в свою очередь, самопроизвольно решают свои вопросы до процессуального отношения. Суд же в этом случае проверяет, не противоречат ли условия мирового соглашения закону и не нарушают ли они права других лиц. Получается, что в отказе суда от глубокого и полного изучения самих материалов дела есть смысл, потому что до заключения мира отношения сторон были «туманными», «смутными», спорными и неопределенными. Именно поэтому требовалось вмешательство суда. Однако, ликвидировав всю неопределенность и спорность отношений сторон путем взаимных уступок и заключения мирового соглашения, стороны согласны на то, чтобы суд не вмешивался. Тем более вмешательство становится нецелесообразным, что спора, как такого, больше нет.

Вместе с тем исследовать необходимые обстоятельства дела суд не только вправе, но и обязан. По замечанию А.Г. Плешанова, «дискуссионным в науке является вопрос о том, по каким направлениям должна осуществляться судебная проверка законности мировых соглашений. Закон не содержит каких-либо указаний по данному вопросу» [4, с. 215].

Очевидно, что следующие элементы мирового соглашения подлежат проверке: проявили ли стремление тяжущиеся стороны к утверждению мирового соглашения? Важно к тому же, проявили ли стороны желание к утверждению мирового соглашения в реальной процессуальной форме, то есть обращались ли стороны к суду с такой просьбой? Уполномочены ли лица, участвующие в процессе, заключать мировые соглашения от имени истца или ответчика? Все ли стороны подписали соглашение и кому именно принадлежат подписи (в случае заключения мирового соглашения вне судебного процесса)? Осознают ли стороны последствия утверждения мирового соглашения, прекращения

судопроизводства по делу и добровольно ли они его заключают? В. Жуйков обоснованно предлагал, чтобы «в протоколе судебного заседания был отражен вопрос: “А добровольно ли вы признаете иск или отказываетесь от иска, заключаете мировое соглашение?”», чтобы потом пресечь какие-либо дополнительные доводы о том, что сторону принудили к данному действию» [5, с. 1000].

Говоря о необоснованности судебного акта об утверждении мирового соглашения, уместно привести высказывание В.С. Анохина: «Мировое соглашение в арбитражном процессе характеризуется добровольным волеизъявлением сторон в споре, установлением определенности в отношениях не по закону и в соответствии с обоснованностью разногласий, а на основе взаимных уступок: истец отказывается от части своих требований, а ответчик принимает на себя обязанность по добровольному исполнению обязательства» [6, с. 57].

Следовательно, мнение о необоснованности и неправомерности судебного акта об утверждении мирового соглашения между сторонами едва ли корректно, потому что АПК РФ не считает «обоснованность» условием для утверждения мирового соглашения. Кроме того, не стоит забывать, что судебное определение об утверждении мирового соглашения между сторонами обоснованно, так как базируется на фактическом заключении мирового соглашения сторонами, то есть обращении ими к суду с требованием о его утверждении и проверке законности утвержденного мирового соглашения. Все изложенное в настоящей статье по поводу мирового соглашения в арбитражном судопроизводстве, справедливо и для гражданского процесса. В ГПК РФ также представляется целесообразным внести соответствующие изменения.

Библиографический список

1. *Дегтярев С.Л.* Реализация судебной власти в гражданском судопроизводстве: теоретико-прикладные проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008.
2. *Князев Д.В., Сердюкова Н.В.* Мировое соглашение в практике арбитражных судов // Арбитражная практика. 2003. № 4. С. 47–53.
3. *Серегина Н.М.* Исправление недостатков в определении об утверждении мирового соглашения и прекращении производства по делу // Юрист. 2000. № 9. С. 7–12.
4. *Плешанов А.Г.* Диспозитивное начало в сфере гражданской юрисдикции: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001.
5. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В.М. Жуйкова. М., 2006.
6. *Анохина В.С.* О повышении роли арбитражных судов в сферах правопорядка и экономики // Мировое соглашение в арбитражном процессе. М., 2000. С. 57–62.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

V.I. Golovchenko
**Party Ideology and Social Risks:
the Issue of Correlation
and Mutual Influence**

The article investigates the problem of interdependence of the party ideology and social risks. The author focuses on the problem of escalating political risks in periods of global societal transformations.

Key words and word-combinations: party ideology, social risks, correlation.

Исследуются проблемы взаимобусловленности партийной идеологии и социальных рисков. Акцентируется внимание на проблеме эскалации политических рисков в периоды глобальных социетальных трансформаций.

Ключевые слова и словосочетания: партийная идеология, социальные риски, взаимовлияние.

УДК 321
ББК 66.03

В.И. Головченко

ПАРТИЙНАЯ ИДЕОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ: К ПРОБЛЕМЕ КОРРЕЛЯЦИИ И ВЗАИМОВЛИЯНИЯ

На всем протяжении развития человеческого общества существовали социальные риски, однако в периоды глобальных социетальных трансформаций, как правило, происходит дифференциация риска и усиление степени его опасности. Ученые выявили определенную тенденцию формирования рисков в истории человечества, которая заключается в том, что по мере развития общества увеличивалось число видов и типов рисков, а также количество подвергающихся им людей. Социальный риск, по мнению Н. Лумана, следует рассматривать как «порог бедствия» [1, с. 20–21].

Основной тенденцией процесса трансформации современного российского общества является дифференциация социальных рисков, изменение их характера с коллективного на индивидуальный, охват различных слоев населения. Э. Гидденс отмечает, что риски порождаются институтами общества рефлексивного модерна: «...мы живем в мире, где опасности, созданные нашими

же руками, не менее, а то и более серьезны, чем те, которые приходят к нам извне» [2, с. 50]. Между тем социальный риск имеет и положительные тенденции, так как способствует прогрессивному развитию общества, повышению адаптационного потенциала социетальных институтов; препятствует стагнации общества и является индикатором общественных настроений. По утверждению Э. Гидденса, «риск представляет собой оборотную сторону современности (modernity), и он никуда не денется, пока существует современность с ее стремительными социальными и технологическими переменами, вызывающими совершенно непредвиденные последствия» [2, с. 50].

Процессы политической трансформации постсоветской эпохи положили начало формированию деструктивных тенденций, обостривших ситуацию в стране. Торможение экономического роста, падение качества государственного управления, рост коррупции, слабость судебной власти — все эти объективные факторы указывают на наличие сопутствующей им рискогенной социальной ситуации. При этом активизирующиеся общественные силы все более отчетливо формулируют запросы на преодоление этих негативных факторов. В то же время, по мнению, Б.И. Макаренко, «последние исследования показывают: оптимизма по поводу того, что эта стабильность, точнее — инерция прошлой модели развития — позволит решить насущные проблемы, повысить качество жизни, не испытывают даже лояльные сторонники власти» [3, с. 33].

Решающими в таких ситуациях становятся «субъективные», «актор-ориентированные» факторы, связанные не с объективными условиями, а с действиями политических субъектов, таких как, например, политические партии, которые, в свою очередь, выражают «политическую волю» социума. В данном случае реакция политической элиты общества, осознающей необходимость реформ в исключении или демпфировании социальных рисков. Однако политические партии, и в частности так называемая «правящая партия», запаздывают в формулировании идеологии, политической стратегии, а также в реализации мер, ведущих к преодолению социальных рисков, хотя в последнее время появились осознание этой проблемы и попытки реагирования на нее.

Современный взгляд на роль партийной идеологии в системе общественного и политического сознания, а также детальный анализ этого понятия дает Н. Михальченко: «Социальные группы, слои нуждаются в осознании своего места в обществе, ищут средство выражения и защиты своих интересов, преследуют свои цели. Идеологии выступают не только их духовной опорой, но и средством, атрибутом бытия» [4, с. 232].

Одним из непосредственных проявлений социального риска является социальная напряженность. «Напряжение, — пишет Т. Парсонс, — есть тенденция к нарушению равновесия в балансе обмена между двумя и более компонентами системы» [5, с. 16]. Современное общество рассматривается как «общество риска». При этом его становление связано не только с модернизацией, но и с глобализацией, которая, с позиции Э. Гидденса, «порож-

дает общество риска как состояние всеобщей озабоченности, неуверенности и страха» [2, с. 50]. В таком обществе неизбежно происходит расширение политической сферы, или субполитизация. В свою очередь процесс субполитизации, по мысли У. Бека, порождает другие риски, состоящие в проблемах принятия политических решений, формирования партийной идеологии [6, с. 44]. Вывод о снижении влияния идеологических установок на деятельность партии ни в коей степени не влияет на оценку общей роли идеологии в жизни общества. Наоборот, по мере того, как в обществе возрастает коллективный характер действий, усиливается и роль идеологии, а значит, «всегда есть потребность идеологической (во многом ценностной) интерпретации социальной реальности» [3, с. 78].

Партийная идеология, по мнению ученых, содержит «в себе активное преобразующее и побуждающее начало, стремясь к трансформации действительности в соответствии с собственным проектом» [7, с. 232]. Однако вместо того, чтобы давать реальную картину возможного развития общества, идеология становится средством преобразования, трансформации, упорядочивания взглядов членов партии и поддерживающих ее социальных субъектов. Партийная идеология в духе индоктринации «использует данные познания и опирается на них, но лишь как на средство. Она отбирает в них то, что отвечает ее цели, и подвергает такой обработке, какая требуется для более эффективного воздействия на умы и чувства людей в желаемом духе» [3, с. 80].

Вместе с тем постсекулярные тенденции в современном российском обществе создают серьезные политические и социальные риски. Первый из них, полагает С.Н. Лаврентьев, — это риск усиления гражданского размежевания между различными конфессиональными группами [8, с. 16]. Вторым является ослабление института гражданской политической социализации и замена его институтом религиозно-политической социализации: «В этом случае политическая лояльность граждан будет направлена на конфессиональные, а не политические институты» [8, с. 16]. Третий риск состоит в угрозе дестабилизации политической обстановки в результате усиления религиозного фундаментализма. В последнее время все более настойчиво звучат предложения по возрождению министерства по вопросам национальной политики и межконфессиональным отношениям. «Нам необходимо найти собственную модель постсекуляризма, — приходит к выводу С.Н. Лаврентьев. — Его формула — взаимодействие светского государства с религиозными организациями как элементами гражданского общества, влияние конфессиональных организаций на власть не непосредственно, а через институты гражданского общества, например общественное мнение. Только такой механизм способен обеспечить межнациональный мир и стабильность политической системы в России» [8, с. 17].

Еще одна группа социальных рисков связана с внутренними и внешними факторами, формирующими социальную напряженность в современном Российском государстве, которые обусловлены биологическими и социальными потребностями людей. К внутренним факторам относятся прежде всего

восприятие человеком своей социальной среды и чувства, которые возникают под ее влиянием, такие как эмоциональное настроение, ощущение себя счастливым или несчастливым человеком; уровень тревожности; состояние здоровья; отношения с близкими людьми; морально-психологический климат и иные. Вместе с тем постоянно растущие потребности людей под воздействием прогресса в науке, технике и технологиях, развития производства могут стимулировать возникновение новых факторов. Среди внешних факторов можно выделить общегосударственные (недоверие к политическим лидерам; сложная экономическая ситуация в России; проблемы в области межнациональных отношений; нарушения социальной справедливости); региональные (неэффективная работа местных органов власти; высокий уровень безработицы среди населения; этнические и конфессиональные противоречия; особенности культуры в разных регионах; ухудшение экологической обстановки; острая жилищная проблема и демографическая проблема в регионах и др.).

Исследования качества жизни в различных государствах были начаты в 2009 г. издательской группой International Living. По результатам исследований этой неправительственной организации на основании показателей государства в девяти категориях: стоимость жизни, культура и досуг, экономика, окружающая среда, свобода, здоровье, инфраструктура, безопасность и риск, климат, определяется индекс качества жизни (Quality of Life Index). Индекс качества жизни оценивается по шкале от 0 (наихудшее качество жизни) до 100 (наилучшее качество жизни). В опубликованном в январе 2011 г. отчете приведены данные по этому индексу для 192 государств и территорий. По этим данным, для постсоветской России индекс качества жизни составил 54, и она заняла 115 место из 192 в одном ряду с Гайаной, Замбией, Кувейтом, Кыргызстаном, Мальдивскими островами, Микронезией, Перу и Филиппинами [9, с. 101].

Как косвенная оценка качества жизни может рассматриваться индекс благосостояния. По данным исследовательского института The Legatum Institute, для постсоветской России индекс благосостояния составил 63,875, и она заняла 59-е место из 110 между Румынией и Монголией в группе государств со средним уровнем благосостояния. При этом результаты постсоветской России хуже среднего значения 55 по четырем индикаторам: государственное управление (96), личная свобода (87), безопасность (82) и экономика (72) [9, с. 102].

По данным 2011 г., уровень удовлетворенности жизнью в постсоветской России оценивается в 5,3 балла при среднем для государств ОСЭР 6,7 балла, и она занимает 34-му месту из 36. Достаточно похожую картину удовлетворенности жизнью российских граждан дает российская негосударственная исследовательская организация Левада-Центр. По данным социологического опроса, проведенного этой организацией в декабре 2011 г., 37% российских граждан вполне и по большей части устраивает та жизнь, которую они ведут сейчас, 41% — отчасти устраивает, отчасти нет, а 22% — по большей части и совершенно не устраивает [9, с. 103]. В программе партии «Еди-

ная Россия» в связи с проблемой коррекции социальных рисков заявлено, что «Мы не можем мириться... с опасным уровнем социального неравенства. <...> Должны расти не просто доходы, а качество жизни и благополучие российских семей — в этом главный смысл всей нашей работы» [10].

Важнейшие факторы, также оказывающие влияние на качество жизни людей, — личная свобода и добросовестная и транспарентная социальная конкуренция в правовом поле, которая обеспечивается такой свободой. Как обозначено в программных документах «Единой России», сторонники этой партии не могут мириться с тем, что «у людей возникает ощущение несправедливости при обращении в госучреждения, в суды или в правоохранительные органы» [10]. В идеологиях как леволиберальных, так и правых партий («Яблоко», «Справедливая Россия») подчеркивается, что наличие в государстве экономической, политической, информационной свободы и порождаемой ею конкуренции является необходимым условием для подавления коррупции.

Подводя итог, отметим следующее: на политической арене России представлен весьма широкий спектр различных течений и идеологий; в связи с постоянным ростом числа партий конкуренция между ними растет, вызывая появление спойлеров, в том числе и в идейной сфере. Нестабильность партийной системы пока не позволяет сделать выводы о доминировании какой-либо идеологии. Глубокая и многополярная идеологическая стратификация в условиях политической стабильности активизирует гражданское общество и правовые институты. Думается, что идеологическое многообразие, формирование механизма конкуренции и соперничества между партиями позволит выдвигать новые альтернативные варианты коррекции социальных рисков, а именно минимизировать и снизить уровень их проявления.

Библиографический список

1. Луман Н. Понятие риска // Thesis. 1994. Вып. 5.
2. Гидденс Э. Ускользящий мир: Как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004.
3. Макаренко Б.И. Контуры обретения будущего императивы развития // Полис. 2013. № 1.
4. Михальченко Н.И. Украинское общество: трансформация, модернизация или лимитроф Европы? Киев, 2001.
5. Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997.
6. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. М., 2000.
7. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. М., 2008.
8. Лаврентьев С.Н. Политические партии и постсекулярный синдром в современной России // Власть. 2013. № 12.
9. Нисневич Ю.А. Постсоветская Россия: двадцать лет спустя // Полис. 2013. № 1.
10. Программное обращение партии «Единая Россия» [Электронный ресурс]. URL: <http://er.ru/program/>

L.Ya. Sakseltseva, Yu.I. Tarsky
Life Quality of the Youth:
Sociological Dimension

Methodological and sociological aspects of youth living standards issues are studied. The interrelation and interinfluence of social dimensions of youth life quality and the quality of youth potential are revealed. Basing on the secondary data of opinion polls the authors identify a number of trends of assessing youth living standards.

Key words and word-combinations: youth living standards, youth potential, youth potential quality.

Рассматриваются методологические и социологические аспекты проблематики качества жизни молодежи. Выявляются взаимосвязь и взаимовлияние социальных параметров качества жизни молодежи и молодежного потенциала. На основе вторичных данных социологических опросов авторами определяется ряд тенденций в оценке качества молодежной жизни.

Ключевые слова и словосочетания: качество жизни молодежи, молодежный потенциал, качество молодежного потенциала.

УДК 316.34/.35
ББК 60.54

Л.Я. Саксельцева, Ю.И. Тарский

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ МОЛОДЕЖИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

В последнее время в социологии активно разрабатывается проблематика исследования качества жизни. Это касается как методологических оснований самого понятия «качество жизни», так и его показателей. Кроме того, проводятся исследования качества жизни различных социальных групп населения, дающих возможность оценить результативность проводимой социальной политики и уровень социального самочувствия населения, выявить новые тенденции и проблемные зоны [1]. Вследствие этого отмечается актуализация потребности социологов в определении параметров качества жизни молодого поколения с целью конкретизации вектора развития социального сервиса для молодежной политики, поскольку молодежь существенно отличается от остальных групп населения ускоренным процессом адаптации, большей географической и социальной мобильностью, обладанием инновационным потенциалом, большим ростом материальных потребностей, связанным с необходимостью формирования собственного жизненного пространства.

По мнению большинства авторов, «качество жизни молодежи» — это интегральное понятие, характеризующее различные стороны жизнедеятельности молодежи, определяющее степень развития и полноту удовлетворения всего комплекса потребностей и интересов молодых людей, проявляющихся как в различных видах деятельности, так и в самом мироощущении. Его содержа-

ние неотрывно от целей, которые молодые люди ставят перед собой, связано с эффективностью жизни в широком смысле слова, а не только с удовлетворенностью своей личной жизнью, положением в стране и мире, отражающимся на восприятии реальности молодыми людьми.

В этом смысле качество жизни определяет и особенность потенциала молодежи, который рассматривается с точки зрения совокупности биологических, социальных и духовно-нравственных качеств молодого поколения, определяющих возможности социализации, образовательной и профессиональной подготовки всех возрастных групп молодежи как субъекта экономической, политической, социальной и культурной деятельности; характеризует уровень развития молодых людей, раскрывающий потенциальные возможности их участия в производстве, социокультурной и общественной жизни. Таким образом, оценка качества жизни представляется с точки зрения формирования молодежного потенциала (здоровье, образование, квалификация, социальный статус и т.д.) и с точки зрения его использования в различных областях деятельности.

В этом контексте молодежный потенциал определяется как совокупность основополагающих *прав, способностей, возможностей* молодого поколения, уровень развития и реализации которых повышает (или снижает) продуктивность жизнедеятельности социума. Согласно Всеобщей декларации прав человека, к неотъемлемым *фундаментальным правам* человека относятся: право на человеческое достоинство, на свободное развитие личности, на самоопределение, личную и солидарную ответственность граждан за свое материальное благополучие.

Качество жизни молодежи рассматривается как система показателей, характеризующих степень реализации ее жизненных планов и стратегий, удовлетворения их жизненных потребностей. Оно отражает, во-первых, состояние и динамику макросоциальных процессов, а во-вторых, типологические, возрастные и социально-психологические особенности молодежи, среди которых — поиск смысла и ценности жизни, самореализации и связанные с ними проблемы социализации, поэтому в ходе анализа качества жизни молодежи социологи определяют как объективный уровень ее оценки, так и субъективный — степень удовлетворенности / неудовлетворенности различными ее составляющими. Субъективные оценки представлены рефлексией того, какие жизненные обстоятельства и условия важны для субъективного благополучия молодых людей.

В структуре качества жизни молодежи выделяют следующие составляющие:

- состояние субъекта жизнедеятельности (демографические параметры и психофизиологические характеристики групп молодежи);
- образ жизни молодежи как форма проявления ее активности в определенных условиях (стилевые параметры поведения и опосредующего его сознания);
- условия жизнедеятельности (уровень жизни).

По мнению экспертов, необходимо активно формировать определенные свойства молодого поколения, которыми должно обладать работающее население через 10–15 лет, так как различные параметры качества современной молодежи определяют контуры будущего человеческого потенциала, его соматические, психологические и репродуктивные характеристики, уровень образования, культуры, профессиональной подготовки и гражданской зрелости.

В России долгое время молодое поколение в теоретических исследованиях

и на практике традиционно рассматривалось лишь как объект воспитания и образования. При этом не учитывалось, что молодежь — это субъект собственного саморазвития, общественного воспроизводства, поскольку количественные и качественные характеристики данной социально-демографической группы определяют во многом либо прогрессивное развитие, либо деградацию социума [2]. Отсутствовал системный подход к оценке потенциала молодежи и его роли в социально-экономическом развитии регионов. Исследователи забывали и об обратной связи: общество в лице государства устанавливает и определяет через молодежную политику социальный статус, место и роль подрастающего поколения в изменяющемся мире, а вместе с ним и будущее качество человеческого потенциала (включая трудовой).

В последние годы начал расширяться круг исследовательских разработок, посвященных влиянию молодежи на социально-экономические преобразования регионов посредством улучшения качества молодежного потенциала как основы будущих трудовых ресурсов территорий, соответствующих стратегическим ориентирам развития территорий [3].

Понятно, что молодежь в своем социальном составе далеко не однородна, различия обусловлены возрастом, местом проживания, характером занятости, образом и уровнем жизни (городская, сельская, провинциальная, столичная). Каждая из этих групп обладает определенными параметрами качества жизни. В частности, абсолютное большинство молодых людей в возрасте от 14 до 22 лет являются учащимися. Они формируют категорию «учащаяся молодежь». Несомненно, что эта категория менее самостоятельна в возможности регулирования условий качества жизни по сравнению с работающими молодыми людьми, более зависима от семьи и, соответственно, требует особого внимания и поддержки со стороны общественных и государственных институтов.

По мнению социологов, за последние пять лет доля малоимущих среди общего количества учащейся молодежи фактически не изменилась (от 16,2 до 18,1%). Это означает, что практически каждый четвертый человек, относящийся к «учащейся молодежи», не имеет возможности получить необходимое количество денежных средств на собственное развитие, на поддержание здоровья.

Характеристики, определяющие качество жизни категории «работающая молодежь» (старше 22 лет), во многом схожи с характеристиками группы «учащаяся молодежь», но со сменой социального статуса «учащийся» на «работающий» появляется ряд новых категорий, при этом не всегда переход между этими социальными статусами, как показывают исследования, происходит легко и безболезненно. Современные реалии таковы, что потребности рынка труда не соответствуют объемам и направлениям выпуска квалифицированных специалистов. Это приводит к невостребованности категории «образованные безработные», что особенно касается соискателей без трудового стажа. Так, в марте 2013 г. количество безработных без опыта работы достигло 1,4 млн человек, что составило почти треть (28,8%) всех зарегистрированных лиц. Из них 14,4% — молодежь в возрасте до 20 лет; 49,8% — от 20 до 24; 16,2% — от 25 до 29 лет [4].

Успешное прохождение собеседования и вступительных испытаний с дальнейшим устройством на работу, в свою очередь, влечет создание таких новых проблемных ситуаций, как низкий уровень оплаты труда молодых специали-

тов, стрессовый период адаптации к рабочему месту и новому коллективу, отсутствие возможности саморазвития и карьерного роста.

Особый интерес для социологов представляет *городская молодежь*, прежде всего живущая в крупных городах и столицах, — наиболее образованная, обеспеченная, вписанная в сложившуюся институциональную систему, адаптировавшаяся и адаптирующаяся к ней, как кажется, без явных проблем и конфликтов ценностного, морального порядка.

подавляющее большинство городской молодежи в целом удовлетворено своей жизнью. Правда, по мере социализации во «взрослую жизнь» оптимизм становится более сдержанным, особенно в столице, где острее конфликты, конкуренция, более интенсивны социальные и культурные напряжения, и, напротив, в периферийных городах и сельской местности, где самый бедный спектр социальных и культурных возможностей, он сохраняется.

Крайне негативная оценка своей жизненной ситуации, которую сегодня дают около одной пятой всего населения России, практически отсутствует среди молодежи (1%). Вероятно, это связано с возрастом и присущим ему оптимизмом, особым психологическим восприятием жизни, верой в свои силы, поддержку родителей, государства и т.д.

Программные улучшения качества жизни молодежи рассматриваются как социальный проект, направленный на увеличение возможностей молодых людей решать свои проблемы, добиваться личного успеха и индивидуального счастья. В этом смысле можно утверждать, что качество жизни молодежи имеет и социально-психологическое измерение, которое заключается в способности ощущать себя счастливым. Счастье, или субъективное благополучие, оценивается с точки зрения удовлетворенности жизнью, самореализации, наличия позитивных ощущений и чувств, а также отсутствия негативных переживаний и эмоций. Такие оценки, хотя и субъективны, являются полезным дополнением к объективным данным для сравнения качества жизни молодежи в российских регионах.

И методологически, и для практических целей качество жизни молодежи оценивают не только в целом, но и по каждой из ее основных сфер. К таким сферам относятся семья, здоровье, право, материальное и духовное благосостояние, досуг, работа (учеба), безопасность жизнедеятельности. Особую сферу жизни молодых людей образует забота о будущем. Каждая из этих сфер имеет свои специфические составные элементы, требующие качественной оценки. Если свести их в единую систему, то получится весьма сложная и обширная структура. Текущее состояние оценок респондентов каждой из этих сфер позволяет определить, насколько комфортна социальная среда для каждой из групп молодежи, а динамика позволяет выявить изменения качества жизненного пространства.

Социологами систематически проводятся опросы молодежи, как в локальном, так и в общероссийском масштабе. В частности, общероссийский опрос «Левада-центр», проведенный в 2011 г., был посвящен анализу молодежной среды современной России. Сопоставляя результаты этого специального опроса с более ранними (1998, 2006 гг.), авторы выявляют и комментируют совокупность общественно-политических, культурологических, морально-психологических и иных факторов, формирующих облик, ценностные координаты и модели поведения различных категорий российской молодежи.

Если суммировать полученные результаты, то можно выявить ряд тенденций в оценке качества жизни молодежи:

— наличие дефицита ресурсов или трудности самообеспечения; сохранение некоторого приемлемого уровня жизни;

— несоответствие материальных запросов имеющимся доходам, разрыв между желаемым и реальным. На недостаток денег жалуется подавляющее большинство опрошенных молодых людей, причем различия в возрастных или образовательных группах, местах проживания незначительны и едва выйдут за рамки статистически допустимых колебаний, а это означает, что речь идет не столько о физическом выживании, сколько о релятивной депривации. Различия между возрастными подгруппами молодежи обнаруживаются при выяснении того, как распределяется материальная обеспеченность: меньше всего она беспокоит самых молодых и больше всего ее воспринимают те, кто выходит в самостоятельную жизнь и начинает обзаводиться семьей;

— наличие перспектив потери работы или ее отсутствие, дефицит хороших рабочих мест для трудоустройства молодых людей с высшим образованием, а также жителей провинциальных городов, где рынок труда ограничен;

— отсутствие или слабая перспектива приобретения жилья. В возрасте до двадцати лет это беспокоит лишь треть молодых людей, затем становится острой проблемой для большинства, в меньшей степени для москвичей, в большей — для жителей периферийных городов;

— претензии молодежи на высокий доход уже на старте во взрослую жизнь слабо связаны с процессом обучения, специализации, накоплением «квалификационного ресурса», необходимого для успешной конкуренции на рынке труда;

— для большинства молодых людей важно попасть в те сложившиеся экономические ниши, где старт, даже с самых низких должностных позиций, сразу дает большой доход, чем это предполагает квалификация;

— в сфере образования девальвируется ценностный смысл индивидуального достижения, личных усилий, который мог бы стать главным «карьерным» ресурсом при выходе на рынок. Отсутствие в сознании большей части молодежи ценности индивидуального усилия при получении образования, конвертируемого в успех и достижение, свидетельствует о пассивно-адаптивной стратегии поведения молодых людей, характерной для большинства населения [5; 6];

— понятие «успех» имеет в молодежной среде «знаковый», не достижительский, а идентификационный смысл. Молодые люди хотя и декларируют для достижения успеха значение образования и упорной работы, при этом столь же высоко оценивают наличие связей и знакомств. Такое противоречивое представление о социальном успехе вселяет в молодого человека неуверенность и тревогу по поводу своих возможностей и перспектив будущего, и на их основе чувство несправедливости в жизни. Все это служит лишь маркером адаптированности к существующим реалиям и не предполагает выстраивание своего будущего как сложной системы социального взаимодействия;

— значительная часть студентов (около 40–45%) уже в вузе знают, что они будут работать по другой специальности и в другой сфере, что обозначает снижение уровня запросов и требований как к преподаванию, так и к собственной учебе;

— отсутствие четкого представления о «большом» будущем, планирование его на год-два;

— восприятие своего поколения молодыми людьми лишено какой-либо приподнятости и склонности к романтической идеализации; оно противоречно, раздваивается, будучи основанным прежде всего на ценностных ориентациях старшего поколения.

В целом, как считают социологи, молодежь беспокоят те же проблемы, что и все население, при этом удовлетворенность молодежи разными сторонами своей жизни весьма высока, а в сравнении с другими возрастными группами она наивысшая. Подавляющее большинство молодых людей в общем удовлетворено своей жизнью, при этом разброс мнений у респондентов из разных возрастных и образовательных групп невелик и едва выходит за пределы статистически допустимых колебаний, что указывает на действие самых общих коллективных представлений, практически не дифференцирующих молодежь из разных мест.

Круг личностного общения и отношения в семье также оцениваются молодыми людьми позитивно. Отношения между поколениями (связи с родителями) молодыми людьми воспринимаются как хорошие, соответствующие тому, как они представляют себе «норму» этих отношений (хотя такого рода оценки со стороны родителей сильно отличаются от мнений молодежи в худшую сторону). Другое дело — характер материальных условий жизни и потребительских запросов (это основной критерий ценностных определений реальности, формируемый социальным контекстом, касается стандартов потребительского поведения как демонстрации образа жизни, достигнутого статуса и т.п.). Преобладание негативных оценок материального положения, возможностей заработка и еще более жилищных условий (покупка собственного жилья практически невозможна даже для городской молодежи, которую можно условно, по уровню дохода, причислить к среднему классу) лучше всего говорит о том, что для молодых людей действительно важно и ценно.

Общественные и политические проблемы беспокоят очень немногих (4–7%), причем нельзя утверждать, что здесь выделяются люди более зрелые (по возрасту или образованию) или респонденты с более широким кругом информированности. О своей «неуверенности в завтрашнем дне» заявили 22% опрошенных, «ощущение пустоты», «отсутствие идеалов» испытывают 15%. Таким образом, качество жизни молодежи определяет и формирует качество молодежного потенциала, который зависит от уровня жизни, территории, состояния социальной и природной среды, рынка труда, образа жизни, государственной молодежной политики.

Как видим, качество жизни молодежи характеризуется весьма противоречиво. С одной стороны, государство пытается обеспечить социальную поддержку молодежи посредством реализации молодежной политики, социальных программ в сфере занятости, жилья, здорового образа жизни и т.д.; привлекает молодежь к активному участию в политической жизни. С другой стороны, как отмечают социологи, наблюдается пассивно-адаптивная стратегия поведения многих молодых людей в сфере образования, на рынке труда, в политической жизни; проявляется социальный и политический инфантилизм.

Кроме того, неоднородность молодежи как социальной группы порождает

комплекс взаимосвязанных проблем, для решения которых нужно осуществить повышение затрат на образование и здравоохранение, формирование и распространение стандартов здорового образа жизни и активной гражданской позиции среди молодых людей, что позволит изменить тренд нарастания негативных реалий в качестве жизни молодого поколения.

Библиографический список

1. Саксельцева Л.Я. Качество жизни пожилого человека // Человек, история, культура: Исторический и философский альманах. Саратов, 2014. № 12. С. 78–85.
2. Негматов Л.Н., Тарский Ю.И. Молодежь как субъект политических отношений // Актуальные проблемы воспитания детей и молодежи в современной России. Саратов, 2013. С. 87–91.
3. Саксельцева Л.Я. О ценностных основаниях системы воспитания молодежи // Актуальные проблемы воспитания детей и молодежи в современной России. Саратов, 2013. С. 10–14.
4. Российский статистический ежегодник. М., 2014.
5. Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Молодежь России: приложение к журналу «Общая тетрадь» / Московская школа политических исследований. М., 2011.
6. Романцов М.Г., Коваленко С.Н. Качество жизни современных студентов. URL: <http://sovmu.spbu.ru/main/conf/man-nat-soc/2002/5-8.htm>

S.V. Khvostantsev
The Modern Methodological Bases
of Sociological Studies of the Family

The social construction of reality is revealed as a methodological doctrine to research family relations. The main stages of this methodological approach are specified. It is proved that the needs and interests of the family are not only an important goal of construction, but they also manifest in the turnover of family human capital.

Key words and word-combinations: family, social construction, methodology, human potential.

Раскрыто социальное конструирование реальности как методологическая доктрина исследования семейных отношений. Уточнены основные этапы данного методологического подхода. Доказывается, что потребности и интересы семьи не только представляют собой важнейшие цели конструирования, но и проявляются в обороте семейного человеческого капитала.

Ключевые слова и словосочетания: семья, социальное конструирование, методология, человеческий потенциал.

УДК 316.356.2
ББК 60.561.5

С.В. Хвостанцев

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМЬИ

Современное развитие института семьи, трансформация традиционных патриархальных принципов ее функционирования, а также формирование новых моделей семейного взаимодействия приводят к необходимости исследования семьи на основе методологических принципов социального проектного конструирования реальности. Именно поэтому в современных условиях актуализируется разработка методологических принципов проектного конструирования реальности семьи, позволяющего раскрыть

семейные отношения как саморазвивающуюся микросоциальную систему, функционирующую при динамичных социально-экономических и социально-культурных общественных переменных. Уточнение новых методологических принципов анализа конструирования семейной реальности позволит решить как минимум две задачи. Первая — проанализировать семейные отношения с позиций принципов саморазвития, выявить внешние механизмы оптимизации развития семьи в условиях современного этапа развития российского общества. Вторая — раскрыть систему мотивации формирования трудового потенциала семьи.

Анализ конструирования семейной реальности в методологическом контексте предполагает рассмотрение проблем семьи с точки зрения внешнего формирования практик, разработки и реализации социальных проектов, планов и социальной политики в целом, направленной на регулирование и развитие семейных отношений в трансформируемом обществе. В рамках концепции социального конструирования повседневной жизни семья — это качественно саморазвивающаяся минисистема, представляющая собой социальную реальность, которая, с одной стороны, может интерпретироваться и оцениваться людьми, с другой — имеет для человека субъективную ценность и значимость в форме качественно цельного конструкта [1, с. 323]. Согласно концепции П. Бергера, Т. Лукмана, вся повседневная жизнь людей состоит из ряда социальных форм (в том числе и семейных). Исследование данных социальных форм взаимодействия должно осуществляться в контексте формирования потенциала, позволяющего оптимизировать взаимосвязи индивидов и их малых семейных социальных групп с обществом. В данном контексте общество является результатом процесса постоянных изменений и конструирования явного (формального) и неявного (неформального) комплекса семейных значений и символов (т.е. проявление научного, а также общепонимаемого знания, отражающего динамику всяких отношений в обществе). Последние представляют собой качественное проявление двойственных процессов. Первый — самосовершенствование семейных отношений. Второй — саморазвитие человеческого трудового потенциала, определяющего возможности всякой трудовой деятельности членов семьи.

По сути и семья, и семейные отношения, представляют собой часть повседневного мира как мужчин, так и женщин. Личность в различных социальных системах общества проявляется преимущественно в виде социальных статусов и социальных (в том числе и профессиональных) ролей. Человек вступает во внутрисемейные и внешние отношения, является элементом различных социальных, а также социально-экономических систем общества. Профессиональная деятельность индивидов при этом зависит, во-первых, от интегрированности и адаптированности трудовых ролей с другими ролями на основании универсалистических принципов организации; во-вторых, от определения специфики проявления данных общественных ролей, а также уровня развития трудового потенциала акторов (с учетом качеств или результативности, характеризующих исполнителей данных ролей). «Следует напомнить, что вопрос о том, какая роль связана с тем или иным аспектом, чаще всего зависит от ценностных эталонов, институционализованных в данной социальной системе» [2, с. 531].

В работах современных социологов представляются различные практики

оценки социальных отношений через систему анализа внешних механизмов социального конструирования семьи. Социальная политика, как комплекс интегрированных социальных проектов, рассматривается в качестве механизма конструирования определенной социально необходимой семьи, формирования стиля существования и развития людей вне трудовой деятельности [3]. В данном контексте социальные конструирующие инструменты рассматриваются как факторы целесообразного воздействия государственной власти на семью, регулирование семейных отношений и формирование практик целевого развития способностей ее членов [4].

В рамках данного подхода социальное конструирование через механизмы социальной политики не сводится лишь к реализации отдельных узких функций государства, направленных на развитие семьи как социальной группы общества [5]. Функция социальной политики как формы социального конструирования «видится в регулировании государством комплекса универсальных социальных отношений, складывающихся в обществе, и в обеспечении условий для полноценного развития всех социальных групп и граждан общества» [6, с. 8].

Исходя из изложенного, можно констатировать, что социальное конструирование семьи осуществляется в рамках реализации ряда формальных (социальных планов, проектов, программ, политики) и неформальных (социальной самоорганизации, социального взаимодействия) форм. При этом социальное конструирование семьи в широком смысле необходимо рассматривать как целенаправленную партнерскую деятельность общества (государства, общественных организаций, СМИ), осуществляющую воздействие на процессы функционирования семьи в интересах общества с целью создания оптимальных условий развития семейных отношений, а также совершенствования человеческого потенциала общества, условий быта и труда, здоровья, а также семейного досуга индивидов [7]. Социальное конструирование семьи призвано не только устанавливать, формировать и контролировать значения и символы, нормы и принципы взаимодействия семьи с внешней социальной средой, но и определять условия удовлетворения потребностей и развития способностей ее членов. Данное конструирование реализуется при широком организационном, правовом, а также экономическом участии государства, гражданского общества, предпринимателей, иных социальных институтов [8].

Представленное теоретическое предположение подтверждается и на уровне международной практики. Так, в рамках Программы развития ООН в качестве основного инструмента оценки конструирования социальной реальности в целом и регулирующего конструирования семейных отношений в частности принято рассматривать приоритеты социальной, социально-экономической, демографической политики. В соответствии с таким подходом осуществляется также анализ результатов социальной политики через индекс развития потенциала (на разных уровнях проявления данного показателя). Согласно Программе развития ООН высшей целью всякого социального конструирования, независимо от применения социальных, социально-экономических, демографических, политических инструментов, является расширение возможностей и способностей каждого индивида, предоставление права реализовать (социально накопи-

вать) способности, мотивы и желания, вести насыщенную, здоровую, творческую, полноценную жизнедеятельность [9].

В рамках данной концепции личности, семья индивидов представляют собой важнейшую ценность социума, а значит, и цель всякого социального и социально-экономического конструирования. Семья как первичное социальное звено, объединяющее личности, является главной целью и средством социального конструирования, важнейшим потребителем результатов общественного функционирования, фактором текущих и перспективных достижений. В Программе ООН подчеркивается, что в современных условиях растет значение государственного проектирования развития семьи — фактор обеспечения динамичного социального развития общества в целом. В данной Программе ООН впервые доказано, что повышение эффективности социального конструирования развития семьи связано с партнерским сотрудничеством государственных структур с гражданским обществом, а также с социальным взаимодействием различных государств между собой. Впервые предложены индикаторы оценки социальной политики как механизма конструирования человеческого развития на уровне общества, региона, отдельной социальной подсистемы, обоснована роль международного сообщества в оценке и содействии эффективному социальному конструированию микросоциальных систем. Результаты данного конструирования также включают в себя достижение цели осуществления права на эффективное функционирование семьи, устранение препятствий в процессе свободного творческого наращивания трудового потенциала. «Для обеспечения стабильного прогресса в деле осуществления права на развитие необходимы эффективные программы развития на национальном уровне, а также справедливые экономические отношения и благоприятное экономическое окружение на международном уровне» [10, с. 8].

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что механизмы государственного социального конструирования в современных условиях призваны не только формировать определенные значения и символы, создавать комфортные условия функционирования семьи, но и обеспечивать рост потенциальных трудовых способностей членов семьи, определять вектор роста потребительских практик индивидов, выравнивать жизненные шансы членов различных семей, усиливать социально-экономические позиции незащищенных семейных групп. Последнее направление в целом имеет прогрессивное значение не только в рамках функционирования отдельных семейных групп, но и в процессе реализации интеграции отдельных общественных систем, стимулирования функциональной адаптации семейных групп. Государственное социальное конструирование значений и символов семьи осуществляется с помощью нескольких взаимосвязанных и взаимозависимых направлений программной деятельности государственной власти.

В самом общем виде механизм социального конструирования семьи можно условно представить в виде нескольких направлений государственной деятельности: 1) законодательное регулирование семейных отношений, формирование определенных социально значимых семейных значений и символов; 2) прямое или косвенное регулирование семейных доходов (обеспечение условий воспро-

изводства трудового потенциала субъектов семьи); 3) создание условий достижения потребительской сбалансированности по различным секторам семейного потребления; 4) поддержка социально значимого улучшения жилищных условий семейного воспроизводства; 5) формирование внешней и внутренней инфраструктуры образовательного и воспитательного развития семьи; 6) совершенствование внешней и внутренней инфраструктуры поддержки здоровья членов семьи; 7) регулирование рынка труда, создание оптимальных условий накопления потенциальных профессиональных способностей членов семьи.

Несложно заметить, что государственный механизм социального конструирования семьи ориентирован прежде всего на регулирование внешней социальной среды семьи, он призван обеспечить необходимые условия количественного и качественного воспроизводства семьи как микросоциальной системы. Государственный механизм социального конструирования семьи предполагает решение важнейших задач: формирование определенных социально значимых семейных значений и символов; развитие физического и интеллектуального трудового потенциала членов семьи; создание оптимальных условий хозяйственного накопления способностей членов семьи; совершенствование структуры здравоохранения, образования, занятости отдельных регионов и общества в целом.

На основе перечисленного можно сформулировать гипотезу о том, что в современных условиях социальное конструирование семьи нацелено на социокультурное развитие семьи, оно определяет оптимизацию системы воспроизводства трудового потенциала каждой отдельной семьи и общества в целом, обеспечивает условия ускорения как количественных, так и качественных показателей развития. Семейные отношения являются отражением социального процесса институционализации, а также результатов реализации социальной политики. Характеристика данных отношений может рассматриваться как косвенная оценка семьи, а также практик ее развития. Данные аспекты могут рассматриваться на уровне общества, региона, отдельной организации, государства [11]. В конечном итоге в результате реализации технологий социального конструирования (социального планирования, проектирования, программирования, реализации общей семейной политики государства) в семье и в социуме в целом должны проявляться торжество личностных интересов, приоритет свобод, прав и потребностей личности. При этом общественные, коллективные, государственные интересы должны быть подчинены интересам личности и семьи. «Развитие человеческого потенциала невозможно вне демократической, ориентированной на приоритет человеческих ценностей системы. Рассматриваемое в контексте идеологии развития человеческого потенциала народонаселение, количественный и качественный потенциал его воспроизводства (демографический потенциал) являются условием, основой и целью развития общества и государства» [12, с. 17].

Таким образом, социальное конструирование реальности — это методологическая основа анализа семейных отношений в контексте рассмотрения изменений в рамках внешней социальной среды семьи. Важнейшие направления метода социального конструирования реальности связаны с исследованием процессов разработки и реализации формальных конструирующих технологий социальных проектов, планов, программ и социальной политики в целом, на-

правленных на формирование определенных семейных символов, значений, регулирование и развитие семейных отношений в обществе, а также с трансформацией процессов разработки и реализации неформальных конструирующих технологий, связанных с деятельностью гражданского общества.

Социальное конструирование социальной реальности должно основываться на принципах, изложенных в Международной концепции человеческого развития. Оценка семьи через систему анализа социального конструирования реальности включает три позиции. Во-первых, исследование целей семейного конструирования должно быть нацелено на обеспечение оптимальных социально-экономических возможностей удовлетворения физических и социальных потребностей личностей семьи. Во-вторых, исследование специфики технологических задач конструирования должно определять особенности достижения эффективного образовательного роста человеческого капитала членов семьи. В-третьих, требуется анализ оптимизации возможностей трудовой реализации потенциала трудоспособных членов семьи. В целом социальное конструирование семьи направлено на обеспечение оптимальной занятости, социального накопления человеческого капитала членов семьи.

Инструменты социального конструирования (планы, программы, проекты, инвестиционные ресурсы) выступают сегодня механизмом установления правил институционального развития семьи, что в конечном итоге обеспечивает социальную мобильность ее членов, создает условия формирования человеческого потенциала общества. В рамках социального конструирования семьи общество стремится создать оптимальные условия формирования системы потребительских практик семьи, обеспечить рост благосостояния, индивидуального и коллективного развития всех членов семьи. По сути, рассмотрение социального конструирования реальности семьи позволяет выявить фоновые проявления общих тенденций развития семьи, вектор направленности трансформации социальных потребностей, а также возможности обеспечения развития физических и интеллектуальных способностей ее членов. В конечном итоге потребности и интересы семьи как социальной группы представляют собой не только важнейшие цели конструирования, но и проявляются в обороте семейного человеческого капитала, сгруппированы в системах стилей потребления и зависят от условий и возможностей развития членов семьи. Поэтому вложения в семью посредством социального политического конструирования, с одной стороны, определяют вектор роста потребительских социальных практик личностей, а с другой — обеспечивают условия и возможности реализации физического и духовного человеческого потенциала индивидов. Конструирование призвано выравнивать жизненные шансы отдельных семей, усиливая возможности и социально-экономические позиции незащищенных семей как социальных групп. В результате социального конструирования в целом повышается уровень социальной интеграции общества, формируются эффективные факторы стимулирования социального развития семей с разным уровнем дохода.

Таким образом, в условиях повышения динамичности внешней социальной среды семьи возрастает актуальность теоретико-методологического метода анализа семейных отношений на основе социального конструирования

реальности. В рамках данного подхода семья рассматривается как результат социального конструирования с помощью формальных (планов, проектов, программ, конструктов) и неформальных (регулирования самоорганизации, взаимодействия, взаимозависимостей) инструментов. Социальное конструирование семьи осуществляется в результате целенаправленной партнерской деятельности общества (государства, общественных организаций, СМИ), направленных на оптимизацию функционирования семьи в интересах общества с целью обеспечения условий проактивного развития деятельного человеческого потенциала общества.

При применении данного подхода основные проблемы развития семейных отношений достаточно четко проявляются как на уровне отдельной семьи, так и на других уровнях конструирования (общества, региона, организации, государства). На уровне различных современных социологических исследований накоплен опыт оценки и анализа семейных отношений в рамках теоретико-методологического конструирования социальной реальности. Поиск проблем и путей их разрешения представлен различными современными социологами. Данный опыт можно адаптировать к отраслевым условиям различных организаций, в том числе семейных социальных систем военнослужащих.

В качестве недостатка данного подхода необходимо отметить ориентированность данного метода на исследование фоновых аспектов функционирования семьи, уточнение эффективности внешних и внутренних социальных инструментов конструирования значений и символов, обновление семейных отношений в целом. Рассмотрение же внутрисемейных проблем развития семьи с помощью данного метода крайне осложнено. На внешнем социальном уровне (общество, регион, организация, государство) внутрисемейные проблемы в меньшей степени проявляются. Поэтому внутрисемейные проблемы при исследовании внешних конструктов, как правило, рассматриваются как незначительные (менее значимые и менее острые по отношению к внешним семейным проблемам).

Сложность усиливается еще и тем, что в известных теориях не встречается попыток исследования внутрисемейных проблем через призму анализа внешних механизмов конструирования семейных отношений. На практике проявляются факты несоответствия аспектов внешнего социального конструирования семейных отношений, направленного на динамичное развитие человеческого капитала, и процесса обострения социально-экономических противоречий функционирования семьи. Однако в целом всегда можно выявить факторы торможения, наметить пути обновления внешнего механизма конструирования социальных семейных отношений и процесса разрешения проблем внутрисемейного функционирования.

Библиографический список

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М., 1995.
2. Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2002.
3. Castells M. Urban Sociology and Urban Politics: From a critique to new trends of research // Comp. Social Res. 1975. Vol. 3, № 1.

4. Баландина Т.М. Социальный механизм управления развитием организационной культуры // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2012. № 2.
5. Быченко Ю.Г., Баландина Т.М. Трансформации управленческих процессов в условиях становления обучающейся хозяйственной организации // Известия Саратовского университета. Сер.: Социология. Политология. 2010. Т. 10, вып. 3.
6. Константинова Л.В. Модель социального государства // Человеческие ресурсы. 1998. № 3.
7. Социальные ресурсы и социальная политика. М., 1990.
8. Добрынин А.И., Дятлов С.А., Цыренова Е.Д. Методы воздействия государства на процесс формирования человеческого капитала // Добрынин А.И., Дятлов С.А., Цыренова Е.Д. Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования. СПб., 1999.
9. Быченко Ю.Г. Регулирование процессов развития человеческого потенциала в условиях перехода России на инновационный путь развития // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2009. № 4 (28).
10. Венская декларация и Программа действий: принята на Всемирной конференции по правам человека 25 июня 1993 г. в Вене. М., 1994.
11. Архангельский В.Н. К вопросу о семейной политике и социальной поддержке семей Российской Федерации // Семья в России. 1994. № 1.
12. Ловцова Н.И. Трансформация семейной политики в современной России. Саратов, 2005.

М.А. Truhacheva
Legal Regulation of Mass Media
in Socialization of Children:
Theory and Everyday Practice

The author focuses on the problem of regulation of information security in relation to children. The analysis of the legislation in the field of the state information policy and empirical findings about individual practices of parents for the protection of children from information harmful to their health and development is drawn.

Key words and word-combinations: information, government regulation, law.

Фокусируется внимание на проблеме регулирования информационной безопасности в отношении детей. Анализируется как законодательство в поле государственной информационной политики, так и полученные эмпирическим путем данные об индивидуальных практиках родителей по защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию.

Ключевые слова и словосочетания: информация, государственное регулирование, закон, социализация детей.

УДК 004:002
ББК 73

М.А. Трухачева

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
СРЕДСТВ МАССОВОЙ
ИНФОРМАЦИИ
В ПРОЦЕССЕ
СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ:
ТЕОРИЯ И ПОВСЕДНЕВНАЯ
ПРАКТИКА**

В условиях информационного общества особенно остро стоит проблема информационной безопасности детей и подростков, иными словами обеспечение защиты со стороны государства и общества от тех видов информации, которые представляют опасность для жизни и здоровья детей, либо могут причинить вред их нормальному

нравственному, духовному, психическому и физическому развитию. Если говорить о страновом и историческом опыте регулирования информационных потоков, поступающих через средства массовой информации, то можно выделить некоторые особенности. Опыт регулирования информационных потоков через СМИ в России существует много лет. При этом главным фактором на запрет распространения информации становились идеологические факторы.

Опыт зарубежных стран демонстрирует всю сложность процесса законодательного регулирования информационных потоков. Например, в Германии с 1954 г. осуществляет деятельность Федеральное ведомство по проверке материалов, «вредных» для молодежи. В Великобритании с 1937 г. действует «Закон о кинематографии»; с 1978 г. — «Закон о защите детей, устанавливающий противозаконность демонстрации непристойных изображений с участием детей» и т.д. В США и Канаде с 2000 г. запрещено продавать телевизоры, не имеющие специального кодирующего устройства, позволяющего родителям программировать телевизор на прием передач с учетом их возрастной классификации [1].

Сегодня дети живут в информационно насыщенном и компьютеризированном обществе. С переходом индивида из одной возрастной группы в другую увеличивается количество времени, проводимого перед экраном телевизора или в Интернет. Чем старше становится член современного общества, тем больше различных средств связи он использует. Таким образом, процесс социализации ребенка проходит под влиянием современных телекоммуникационных средств.

В отечественной психологии и педагогике понятие социализации рассматривается рядом ученых как процесс, включающий в себя адаптацию и приспособление человека к окружающей действительности; интериоризацию ценностей и норм, освоение элементов культуры; трансляцию собственных ценностей в процессе деятельности в социальной среде [2]. Данное утверждение можно считать наиболее полным, так как оно включает описание взаимодействия индивида не только на микроуровне — семье, но и с окружающей действительностью — обществом. Процесс воспитания и становления личности осуществлялся в узких рамках социальных институтов — семьи, образовательных учреждений и ближайшего окружения.

Средства массовой информации являются одним из важнейших элементов социальной структуры гражданского общества. Они реализуют просветительскую, образовательную и воспитательную функции, перерастающие в функцию социализации личности [3]. СМИ становятся по своей сути опосредованным инструментом воспитания ребенка. Прививание стереотипов гендерного поведения, влияние на становление психики и акцентирование внимания на жизненных принципах героев делает актуальным законодательный контроль над работой СМИ. Ребенок с точки зрения становления личности не способен отделить правду от вымысла, и, соответственно, все, что он видит на экране телевизора или мониторе компьютера, воспринимается им как абсолютная истина. Законодательство Российской Федерации регулирует работу СМИ, и появление той или иной информации должно соответствовать букве закона.

В 2012 г. вступил в силу Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [4]. Данный Закон прежде всего направлен на решение проблем в информационной сфере. В свою очередь, решение этих проблем позволит создать безопасное информационно-развитое общество. В указанном Законе установлены правила медиабезопасности детей от информации, полученной с помощью средств массовой информации, печатной, аудио- и визуальной продукции на любых носителях. В статьях Закона предусматривается возрастная классификация информации, экспертизу информации. Приведены сведения аккредитованных экспертов и экспертных организаций, требования к созданию, обороту и распространению информационной продукции, а также места распространения информационной продукции. На основании описанных данных новый законодательный акт включает требования к программным и техническим средствам распространения и трансляции информации.

Двумя основными средствами массовой информации, с которыми дети чаще всего контактируют, являются телевидение и Интернет. Именно с их помощью они получают большее количество информации по сравнению с радио- и печатной продукцией. В каждой возрастной группе у аудитории существуют свои предпочтения типов программ и способа изложения информации в них. Изменения предпочтений меняются в процессе жизни и соответствуют как возрасту, так и психологическому состоянию индивида.

В материалах исследований, подготовленных для заседания экспертной комиссии Комитета по делам семьи, женщин и молодежи Государственной Думы, медиапедагог А.В. Шариков пишет: «Существенные изменения в телевизионных ориентациях происходят примерно каждые три года. Детско-юношеская аудитория нуждается в том, чтобы для каждой выделенной возрастной группы аудитории создавали хотя бы одну целевую передачу [5, с. 67]. Автор выделяет несколько групп аудиторий с возрастным шагом в 2–3 года. Такое деление дает возможность подготовить и транслировать по телевидению передачи узконаправленные на конкретную возрастную группу.

В исследуемом законодательном акте есть возрастная градация информации — пять возрастных категорий информационной продукции. Введение возрастных категорий не является российским изобретением. Во многих странах возрастная градация в отношении производимой информации существует давно. Например, во Франции существуют четыре возрастных категории, а в США таких категорий пять, как и в России.

Рассматривая исторический опыт защиты детей от информации, неподходящей для их возрастной категории, то стоит упомянуть систему градации информации в советский период страны. В СССР существовала трехуровневая система возрастных ограничений, присуждаемая всем фильмам: для любой зрительской аудитории; для любой зрительской аудитории (кроме специальных детских сеансов); для лиц старше 16 лет [6].

Стоит также рассмотреть работу Интернета. Его смысловым ядром является совокупность общественных отношений по поводу обмена данными. При этом можно утверждать, что передача информации от пользователя к

пользователю трудно поддается правовому регулированию, так как является межличностной коммуникацией и не доступна для отслеживания. Совсем иначе обстоит дело с тем, из каких источников транслироваться информация, которой будут обмениваться пользователи.

Зависимость индивида от доступности информации, на первый взгляд, кажется незначительной. При этом распространенность современных технических средств связи достаточно большая. По данным Internet World Stats, Россия занимает шестое место в списке по числу пользователей Глобальной сети, что составляет 46,7% от общего числа жителей страны [7], то есть каждый второй житель России имеет доступ в Интернет. Нормативно-правовая база безопасности Всемирной сети сегодня не апробирована ни временными рамками, ни общественными нормами.

Для более подробного понимания среды доступа ребенка к телекоммуникационным средствам трансляции и передачи информации (телевидение и Интернет) стоит обратиться к результатам проведенного с родителями интервью по вопросам защиты детей от информации, причиняющей вред здоровью и развитию детей. В качестве инструментария исследования использовано структурированное интервью, что позволило получить конкретные и развернутые ответы. Применялся целевой тип выборки. В процессе исследования опрошены 30 женщин, интервью проводилось с помощью компьютерных средств связи — программа Skype и Web-камеры. География исследования охватывала три города России (Москва, Санкт-Петербург, Саратов). Возрастной критерий респондентов — от 21 до 31 года; достаток домохозяйств — средний и выше среднего; уровень образования — высшее профессиональное. Возрастная категория детей респондентов на момент проведения интервью — 2,5—8 лет. После обработки информации, собранной в ходе интервью, получены следующие данные.

На вопрос об осведомленности родителей о действии Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» большинство (20 из 30 респондентов) ответили «да». Тем не менее высока доля тех, кто не знает о принятом Законе. Это может говорить о недостаточной информированности респондентов о введении в силу данного законодательного акта. Для государственной информационной поддержки общества характерна та же проблема недостатка в информации.

О маркировке возрастной категории респонденты были оведомлены лучше, так как видят данные знаки на экранах телевизоров и мониторах компьютеров. При этом из 30 опрошенных женщин только две не знали, что данный знак является частью правового регулирования работы средств массовой информации.

На вопрос, считают ли респонденты своевременным вступление в силу данного Закона, из 20 человек, знавших о его введении, 19 посчитали, что он должен был появиться на несколько лет раньше. «Большое количество информации по телевизору и в Интернете уже давно волнует, как я думаю, многих родителей. На мой взгляд, такой закон должен был появиться еще в начале двухтысячных, когда на экраны хлынуло огромное количество мультфильмов и

детских телешоу», — именно так свое мнение охарактеризовала одна из респонденток (жен., 30 л.).

Важная часть исследования — выявление факторов, на основе которых респонденты выбирают материалы, предназначенные для детского просмотра. Одним из ответов на вопрос: «Какую продукцию смотрит Ваш ребенок?» — был «мультфильм». Так, данный вариант ответа выбрали 29 из 30 опрошенных. При этом большинство респондентов (25 чел.) отметили, что просматривают мультипликационную продукцию перед показом ее ребенку. Исключение составляет советская мультипликация, которой доверяют все опрошенные. Просмотр мультфильмов одним из родителей вызван тем фактом, что появляется большое количество новой продукции, содержащей сцены насилия, возможность причинить вред здоровью и неподобающее поведение героев мультфильма. Под таким поведением опрашиваемые понимали присущую героям иерархию ценностей. Другими словами, респондентов не устраивало поведение героев, для которых на первый план выходили такие чувства, как зависть, злость, месть, опасное поведение и лидерство любыми доступными способами. Одна респондентка на вопрос: «Почему советской мультипликации доверяют полностью?» — ответила: «На советских мультиках выросло уже не одно поколение, поэтому и есть доверие. В них показывают добро, дружбу и взаимопомощь. А иностранные мультики ничего хорошего не расскажут. Там или дерутся или такие трюки исполняют, что становится страшно, ведь ребенок может это попробовать повторить». Таким образом, участников опроса беспокоило состояние современной иностранной мультипликационной продукции и доступность данной продукции на детских каналах.

Опрошенные отметили, что даже если телевизионный канал предназначен для детского просмотра, то и там существуют определенные риски нанесения «психологической травмы» ребенку. Прежде всего эти риски отражены в объеме рекламы. Дети активно отзываются на призыв с телеэкрана о покупке рекламируемого товара. Повышение активности просьб о покупке рекламируемого товара от своих детей указали 25 респондентов из 30. Данная часть опрошенных высказала опасение о том, что яркая и веселая реклама привлекала ребенка больше, чем передача или мультфильм, например, суждение мамы 3-летней дочери: «Когда дочка смотрит рекламу на телеканале Disney, меня это немного беспокоит. Потому что после рекламы я от ребенка только и слышу — купи, купи, купи. Реклама яркая и веселая, ребенок смотрит ее не отрываясь» (жен., 31 г.).

Ситуация с информацией, поступающей из Интернета, не менее проблемная. Большинство родителей, а именно 28 человек, доверяют Всемирной сети меньше, чем телевидению. По мнению респондентов, Интернет является менее контролируемым медиaprостранством по сравнению с телевидением. Опасения респондентов основаны на том, что на телеканалах родитель либо сам ребенок может увидеть знак возрастного цензора, который, хотя и не является абсолютным показателем информационной безопасности для ребенка, служит неким маячком для родителей. В Глобальной сети данный знак о возрастных группах есть не всегда и не везде, поэтому родители, не зная

содержания материала, больше опасаются за психику ребенка. Треть всех респондентов с детьми в возрасте от 3 до 6 лет на вопрос: «Имеет ли Ваш ребенок доступ в сеть Интернет?» — ответили: «Нет». Данные респонденты считают, что пока у ребенка нет необходимости доступа в Интернет. Она возникнет с началом школьного обучения, и только тогда ребенок получит доступ к данному роду информации.

У 20 респондентов доступ ребенка к компьютеру и Глобальной сети возможен только в присутствии родителей. Сайты, посещение которых ребенку разрешено, просматриваются находящимся рядом взрослым в обязательном порядке. Игры на компьютере также строго ограничены. Все респонденты, чьи дети имеют доступ в сеть Интернет, обеспокоены количеством рекламы в компьютерных играх. Одна из респонденток высказала следующие опасения: «Рекламы в играх не меньше, чем в телевизоре. В большинстве случаев рекламу отключить или скрыть нельзя, поэтому ребенок видит ее постоянно».

Подводя итог, отметим, что материалы, передающиеся с помощью СМИ, регулируются на микроуровне личными предпочтениями родителей. На уровне индивидуальных практик в семье происходит процесс отбора информации, поступающей к детям, но занятость родителей, отсутствие возможности постоянного контроля «информационного поля» ребенка снижает эффективность информационной безопасности детей. Следовательно, необходима грамотная и комплексная государственная политика, которая, не тяготея к формату тотальной цензуры, будет способна к защите детей от вредной информации. Вступление в силу Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» позволит в будущем сформировать эффективно контролируемую телекоммуникационную среду, что, в свою очередь, приведет к улучшению качества информации и создаст более безопасное пространство для ребенка.

Библиографический список

1. Крутов А.Н. Зарубежный опыт правовой защиты детей от вредного воздействия СМИ. URL: <http://www.kroutov.ru/content/rgs/rgs7.shtml>
2. Милехин А.В. Феномен «социализации» в представлении субъектов образовательного процесса // Психологическая наука и образование. 2012. № 2. С. 59–70.
3. Третьякова О.В. Средства массовой информации как элемент структуры гражданского общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 5 (11): в 4-х ч.
4. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: Федер. закон РФ от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ (в ред. от 14 окт. 2014 г. № 307-ФЗ). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Шариков А.В., Чудинова В.П. Детское телевидение: Взгляд социолога // Дети и культура / отв. ред. Б.Ю. Сорочкин. М., 2007.
6. Об утверждении Руководства по возрастной классификации аудиовизуальных произведений, Положения и состава Межведомственной конфликтной комиссии по возрастной классификации аудиовизуальных произведений: приказ Минкультуры РФ от 5 марта 2001 г. № 192 (в ред. от 5 марта 2003 г.). URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=312250>
7. Top 20 countries with the highest number of internet users. URL: <http://www.internetworldstats.com/top20.htm>

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

W.A. Ter-Akopyan
On the Way to the Historic
Self-Determination:
Priorities and Challenges

Various patterns of state development are analyzed. The modern condition of the Russian political structure and its further transformation in the multipolar world are considered. The political analysis of the Russian Federation government pattern is drawn.

Keywords and word-combinations: the state, ethnicity, historic self-determination, society, community.

Анализируются различные модели становления государств. Рассматривается современное состояние российского политического устройства, ее дальнейшая трансформация в условиях многополярного мира. Проводится политический анализ модели государственного устройства Российской Федерации.

Ключевые слова и словосочетания: государство, этнос, историческое самоопределение, общество, общность.

УДК 321
ББК 66.03

В.А. Тер-Акопян

НА ПУТИ К ИСТОРИЧЕСКОМУ САМООПРЕДЕЛЕНИЮ: ПРИОРИТЕТЫ И ЗАДАЧИ

В общеобразовательном контексте выделяют три признака, по которым следует судить о наличии государства. К ним относятся территория, население и наличие власти [1]. В целом порядок становления государства можно представить в возрастающей последовательности: человек → семья → род → племя (единение родов) → народ (единение племен) и их проживание на определенной территории → формирование механизма принуждения → государство. Однако указанные признаки государства не позволяют судить о моменте возникновения государства как таковом и, скорее всего, являются условными, чем конкретными. Для возникновения государства необходимо «заявить» о себе.

Фридрих Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» связывает возникновение государства у германцев с тем обстоятельством, что им пришлось сформировать органы управления для контроля над завоеванными территориями: «Наступил момент для пре-

вращения власти военачальника в королевскую власть» [2]. Становлением государства является формирование сложного аппарата управления, способного руководить и контролировать обширные территории. Если принять за основу позицию Ф. Энгельса, то зарождение государства связано с появлением частной собственности и накоплением богатств у отдельной части населения. Все это создало необходимость появления учреждения, которое обусловило неизбежность сохранения этих богатств. Таким учреждением и явилось государство. Другим существенным моментом возникновения государства считается процесс накопления богатств у отдельной части племени, рода. Сложно не согласиться с этой позицией, поскольку все современные государства имеют в своей основе частную собственность и преследуют цели по ее охране, через специально сформированные органы принуждения и признания права. Следовательно, момент появления, то есть становления государства, надлежит связывать с выполнением ряда условий, а не с выискиванием обозначенных трех элементов. Данные условия должны быть приняты всем мировым сообществом.

Способность «заявить» о себе обусловлена обстоятельством признания этого вновь сформированного государства. В существующих условиях международных отношений признание государства другими государствами является моментом его возникновения, после чего оно приобретает полноправный статус государства. Признание того или иного государства будет зависеть от тех выгод и преимуществ, которые может предоставить вновь образованное государство. Если его появление неинтересно, то и процесс его признания будет продолжителен и тяжел. В связи с этим возникает вопрос о выживаемости государства, поэтому необходимо исследовать элементы, составляющие модель устройства государства, цель которой — обеспечение «жизнеспособности» общества. Знание этих сторон государства позволит во многом предотвратить негативные последствия для живущих в нем в случае воздействия на них извне.

Исследованием жизнеспособности государства занимались многие ученые России. В частности, в исследовании под руководством С.С. Сулакшина рассматриваются составляющие модели государства, выводятся формулы жизнеспособности государства, что можно назвать «становым хребтом», «несущими колоннами» Российского государства [3]. К ним относятся территориальная целостность, народосбережение, эффективное и результативное управление по объявленным целям. Эти «колонны» не могут определяться построением государственного аппарата, поскольку его формирование должно соответствовать им.

Если следовать общенаучной модели понимания структуры государства, то указанные элементы являются «становым хребтом» любого государства, и уничтожение одного из них приводит к его гибели. Однако практика показывает, что отсутствие территории не всегда выступает основным элементом. Отсутствие этого элемента еще не свидетельство того, что государство невозможно возродить. В пользу данной точки зрения говорят события, произошедшие со многими государствами, поработанными более сильным и могущественным государством, например в период расцвета и становления Римской и Эллинской империй. Здесь следует обратить внимание на то, что хотя территории менее слабых государств были захвачены и фактически находились под

полным протекторатом, тем не менее более слабые государства не прекратили свое существование, накапливая силы или ожидая ослабления и падения завоевателя, чтобы заявить о себе вновь. Другой пример представляет еврейский народ, не имевший своей территории и, соответственно, государства. Государство Израиль было признано в качестве члена ООН только 11 мая 1949 г.

Отсутствие территории у этноса не является определяющим фактором в жизнеспособности сформированного им государства, поскольку утрата контроля над территорией не может быть препятствием для существования государства. Соответственно, носителем государства и зерна государственности должен выступать формирующий его этнос, исчезновение которого, безусловно, станет причиной исчезновения государства. История знает факты исчезновения этносов и прекращения существования государств (исчезновение тасманийской расы в результате ее физического уничтожения), а также попытки уничтожения народов с целью приобретения и захвата территории, решения своих внутренних проблем (ситуация в Грузии и Абхазии в 1993 г.). Физическое уничтожение того или иного этноса, естественно, будет являться причиной прекращения существования государства, причем обстоятельство это объективно не требует доказательств. Таким образом, на наш взгляд, этнос — основная «несущая колонна» любого государства. Судьба государства связана с судьбой составляющего его этноса.

Механизм управления, или организация управления этносом, как составной признак, объясняющий существование государства, имеет немаловажное значение в жизнеспособности государства. Эффективное управление этносом, разместившимся на обширной территории, возможно без специально созданного аппарата. Огромное влияние организации механизма управления (принуждения) на судьбу государства, смену его политического строя определял Мартин ван Кревельд в работе «Расцвет и упадок государства» [4]. По его мнению, аппарат государственного принуждения стал причиной прекращения существования монархий и, соответственно, переходом к демократическому обществу. В частности, он указывал, что «...чем более абсолютной становилась власть монарха, тем более он зависел от безличных бюрократических, военных и юридических механизмов, необходимых для передачи его воли всему обществу и проведения ее в жизнь. В конце концов, эти механизмы оказались способными функционировать без монарха, и, более того, им было суждено отнять у него власть». Прорехи в организации механизма управления государством, стоили России поражения в Русско-японской войне 1905 г. и потери части территорий, смены правящего режима в России в 1917 г.

Среди элементов, определяющих эффективность действия механизма управления, выделяют легитимность власти, то есть признание ее народом. Ярким примером поддержки народом управленческого механизма следует признать события, происходящие в Сирии. Понятно, что ситуация в данном государстве не обусловлена внутренними противоречиями, что действующему механизму правления приходится сталкиваться с внешней агрессией, при этом народ одобряет действия и поступки своего руководства. Именно такое обстоятельство является весомым аргументом для сохранения сирийского государства на политической карте мира несмотря на серьезнейшие трагические последствия войны.

Управленческий механизм — это не только наличие специального аппарата, чиновников, но и организация их работы, которая реализуется посредством принятия законов, регламентирующих его деятельность; разработка правил существования этноса. При этом можно наблюдать некоторую автономность управленческого механизма, принимающего законы и, соответственно, исполняющего их и подчиняющегося им. Тем не менее законам уделяется особое внимание в устройстве общества, их нельзя отнести к «становому хребту» государства, поскольку они являются лишь элементом управления, и с учетом стоящих перед управленческим механизмом задач могут видоизменяться, дополняться и отменяться. Применительно к законам невозможно обойти вниманием интересное высказывание афинянина в работе Платона «Диалог»: «Но если хорошо устроенное государство поставит непригодную власть над хорошо установленными законами, то законы эти не принесут никакой пользы и положение создается весьма смешное; более того, это поведет к величайшему ущербу для государства и его гибели» [5].

Таким образом, управленческий механизм с его организацией играет важную роль в существовании государства, влияет на его развитие и возникновение даже в большей степени, нежели наличие территории у государства. Естественно, что разрушение его будет вести к гибели такой страны. Механизм управления следует признать «становым хребтом» государства. Наиболее близким по своему назначению с механизмом управления государства считается установление и организация системы внешней безопасности государства. Сюда относятся вооруженные силы, существующие для отражения внешней агрессии и распределения их на всей территории государства. Формирование указанной системы является признаком стремления этноса оградить себя от негативного воздействия внешних факторов, к которым относятся вооруженные вторжения на занимаемую им территорию. К примеру, наличие вооруженных сил Сирии позволяет этому государству существовать, отражая внешнюю агрессию. Но можно ли рассматривать систему безопасности «становым хребтом» государства? Здесь необходимо вспомнить результаты вооруженных конфликтов государств с целью установления полного прекращения государства после уничтожений их вооруженных сил. Вспомним современную историю Ирака и Ливии, захваченных по надуманным предлогам западными государствами. Система внешней безопасности этих стран была сломлена в связи с техническим вооруженным превосходством вторгшихся. Однако эти государства не исчезли с политической карты мира, а продолжают существовать. Сложно сказать, что механизм управления находится в руках захваченного этноса, но государства все же существуют.

Можно сделать вывод, что в интересах интервентов не было замыслов по уничтожению данных государств в силу стоящих перед ними планов и задач, хотя теоретически такая возможность имеется. Существование государств после их вооруженного завоевания — вопрос захватчикам. Какие цели они ставят? Захват, порабощение неизбежно ведет к гибели государства и исключения его из числа «игроков» на международной арене. Правильная организация вооруженных сил, формирование внешней безопасности — проблема су-

ществования государства. Такой же мысли придерживается и С.С. Сулакшин, указывая, что «политика страны в области обороны и безопасности является одной из важнейших для сохранения ее жизнеспособности» [3]. Среди всех сфер жизнеустройства страны оборонная тема представляется особенной. Она актуализируется в случае осуществления либо прямой агрессии, либо враждебных действий, нацеленных на уничтожение суверенитета страны, то есть лишение ее субъективности. На языке жизнеспособности происходит то, что называется «страна прекращает свое существование». Следовательно, указанный критерий необходимо установить как «становой хребет» государства.

Система высших ценностей государства в значительной мере влияет на вопросы его существования. Каждое государство выработало свою систему ценностей и руководствуется ими в развитии. Подрывное воздействие на потенциалы жизнеспособности страны оказывают также антиценности, являющиеся ложными с факторной точки зрения аксиологическими ориентирами. Их устойчивая повторяемость в периоды государственных катастроф позволяет выработать управленческое понимание сущности антиценностей и действенные алгоритмы реагирования на развитие в обществе антиценностных ориентиров, на попытки их внедрения в массовое сознание и институты страны. Речь фактически идет об отношении к теме государственных ценностей как к проблемам информационной войны и ее методам — информационному оружию. Политика противодействия антиценностям должна войти составной частью в новую доктрину национальной безопасности России.

Информационная война, как новый тип войны, основана на уничтожении организационных принципов общности этноса, то есть ведет к распаду самого этноса, а значит и к уничтожению государства. Этот вопрос непосредственно связан с безопасностью страны, поэтому имеет важнейшее значение. Поддержание сформированной в государстве системы ценностей, которые индивидуализируют его по отношению к другим государствам, является «становым хребтом» государства. Безусловно, необходимо сохранять традиционные ценности и стремиться к закреплению их в конституции страны. Эти меры позволят укрепить жизнеспособность государства. Справедливость данной точки зрения подтверждается рядом обстоятельств (например, некоторые европейские государства, США, то есть страны, где сформирована либеральная миграционная политика, не соответствующая их национальным ценностям). В городах таких государств формируются диаспоры различных национальностей, прибывших в эти страны со своей культурой и системой ценностей. Они не воспринимают местные системы ценностей, сформированные этносом, основавшим то или иное государство. Открытая демонстрация своих ценностей коренному этносу приводит к росту конфликтов и, соответственно, к так называемым национальным движениям. Для либеральной Франции и ряда государств Евросоюза, к примеру, победа на выборах партий национального толка была полной неожиданностью. Развитие национального движения есть естественная реакция этноса с целью защитить заложенные в нем и сформированные ценности. Ярким выражением такого протеста является падение рейтинга президента Франции, который через существующий механизм управления навязал французскому об-

шеству систему ценностей. По результатам опроса, проведенного институтом YouGov, Франсуа Олланд поддерживают лишь 15% граждан страны.

Поскольку система ценностей свойственна определенному этносу, то поддержанием ее и, соответственно, управлением государства должен заниматься выходец из этого этноса, иначе существовала бы потенциальная опасность для государства. Таким образом, другим важным критерием жизнеспособности государства является наличие иерарха во главе государства, прочно связанного со своим народом. Это универсальное определение руководителя государства соответствует любой форме государственного управления. Руководитель должен обладать пониманием своего этноса, любить его. Подобная прочная связь и обеспечивает долгое существование каждого государства и его процветание.

Никколо Макиавелли писал, что если завоеванная страна отличается от унаследованной по языку, обычаям и порядкам, то в этом случае удержать власть поистине трудно, тут требуются и большая удача, и искусство [6]. Итальянский мыслитель поднимал действительно важный вопрос, имеющий значение для самосохранения полигосударств — государств, состоящих из разных народов, формирующихся в основном за счет завоеваний соседних территорий или добровольного присоединения слабых государств к сильному. Руководителям таких государств надлежит учитывать, что изначально возглавляемое ими государство было моногосударством с единым этносом. В дальнейшем к этому этносу присоединились другие этносы, становясь подконтрольными основному. Соответственно, роль основного этноса в государстве не должна умалаться, ибо его уничтожение приводит к распаду полигосударства.

Сохранение этноса — вопрос существования государства. Однако, присоединяя к себе этносы и не уничтожая их, основной этнос, являющийся «становым хребтом» этого сформированного государства, должен принять на себя ответственность по отношению к другому этносу. Если такой ответственности не будет и основной этнос ослабнет, то со временем, по мере роста подчиненного этноса вырастет и историческое недовольство, что приведет к очередным конфликтам, сотрясанию государства и его разрушению. Именно ответственность позволит ассимилировать побежденный этнос с победившим, соответственно, сделает государство крепким. Иногда складывается так, что ассимиляция невозможна (например, кавказские республики в составе России). Причина этого, по всей видимости, кроется в заложенной в этносе природе. Неассимилированный этнос всегда будет искать справедливость, движимый чувством мести в случае его насильственного присоединения. Удерживать его в границах государства на взаимовыгодных условиях, что в природе называется симбиозом, способно лишь осознание невозможности самостоятельного существования вне этого государства.

Сохранение целостности государствообразующего этноса, недопущение разрыва его устойчивых связей, наличие прочного единства этноса с возглавляемым им лицом, неотделимость властных механизмов от этноса и осознание того, что эти механизмы находятся в подчинении данного этноса, а не наоборот, ответственность основного этноса в многонациональном государстве по отношению к другим этносам, присоединенным к нему, есть гарантия долгого существования государства.

Библиографический список

1. *Марченко М.Н.* Теория государства и права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные произведения: в 3 т. М., 1986. Т. 3.
3. *Сулакишин С.С.* Системная методология проектирования государственно-управленческих решений (государственных политик) // Проблемы современного государственного управления в России. М., 2006. Вып. 1.
4. *Кревельд Мартин Ван.* Расцвет и упадок государства. М., 2006.
5. *Платон.* Диалоги. М., 2008. Кн. 1.
6. *Маккиавели Н.* Государь. СПб., 2012.

N.B. Zazaeva
Propaganda as a Phenomenon
of Political Culture
in the Information Society

The article considers the new forms and methods of propaganda in the information society. The author examines cross-cultural differences in the understanding of the concept of tolerance, which determines the attitude and perception of information by various segments of the mass audience and stresses the need for intercultural dialogue to overcome the dangers and threats brought about by the use of mass media for propaganda purposes without regard to the intercultural context.

Key words and word-combinations: propaganda, political satire, political culture, information society, Charlie Hebdo, a March of solidarity.

Рассматриваются новые формы и приемы пропаганды в информационном обществе. Анализируются межкультурные различия в понимании концепта толерантности, определяющего отношение и восприятие информации различными сегментами массовой аудитории. Подчеркивается необходимость межкультурного диалога для преодоления опасностей и угроз, которые несет с собой использование массовой информации в пропагандистских целях без учета межкультурного контекста.

Ключевые слова и словосочетания: пропаганда, политическая сатира, политическая культура, информационное общество, Шарли Эбдо, Марш солидарности.

УДК 316.32

ББК 60.52

Н.Б. Зазаева

ПРОПАГАНДА
КАК ЯВЛЕНИЕ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
В ИНФОРМАЦИОННОМ
ОБЩЕСТВЕ

В современном информационном обществе на фоне возрастающей роли информации и виртуализации общественной жизни изменяется значение и роль пропаганды как явления политической культуры. Во-первых, появляются новые формы пропаганды в виде совместных массовых действий на глобальном уровне, объединенных одной идеей и целью. Во-вторых, изменяются нравственные и правовые требования к содержанию пропагандистского воздействия. Очевидно, что эти процессы тесно связаны между собой и обусловлены основными характеристиками информационного пространства как поликультурного, многоуровневого и надгосударственного.

Массовые акции проходят одновременно в различных государствах, невзирая на их этнокультурные различия, объединенные

одним нравственным порывом и идеей. Следует иметь в виду, что они изначально преднамеренно или стихийно создаются как информационные поводы. Такие акции призваны продемонстрировать идеологическую и нравственную позицию ее участников как позицию большинства, возникшую в реальном пространстве и времени, но затем обязательно перенесенную в информационное пространство. Не случайно они проводятся в различных странах, охватывая мир словно сеть. В общественном сознании складывается твердая уверенность в общемировом характере этих манифестированных взглядов и идеологием, высказанных как бы от лица «мировой общественности»: таким образом сила воздействия на массовую аудиторию многократно возрастает.

Сама по себе технология пропаганды, создающая факт как информационный повод, не является новой, инновационным приемом является глобально-сетевой характер самого создаваемого факта. С одной стороны, всемирный масштаб содержится в самом факте как искусственном, намеренно созданном ивенте, а с другой стороны, он подразумевается в трансляции и восприятии этого события как общемировой новости. Именно эта особенность события становится той основой технологии, которая усиливает пропагандистское воздействие. Безусловно, сконструированный факт, перенесенный в пространство национальных массмедиа, интерпретируется согласно политическим интересам того или иного государства или тех групп, которые имеют в своем распоряжении информационные ресурсы. Ведь теорию «волшебной иглы», подчеркивающую всемогущество СМИ в управлении общественным мнением, никто не отменял. В этом контексте подразумевается опасность манипулирования общественным мнением с помощью конструирования реальности через подобные массовые акции.

Поскольку такой факт, несмотря на свой искусственный характер, транслируется массовой аудитории, неоднородной по своему составу, то он может иметь и позитивное коммуникативное значение. Эти действия становятся отправной точкой для разворачивания «спирали говорения», то есть обсуждения животрепещущих тем и проблем современности. В связи с этим обнаруживается парадоксальный феномен: сконструированный факт, попадающий в новостную повестку официальных СМИ с заданным направлением его интерпретации, не срабатывает как манипулятивное средство воздействия, поскольку пропаганда в глобальном информационном пространстве лишается своей моноличности и всеохватности, а значит, и непреложной авторитетности. В качестве примера может служить Марш солидарности в Париже 11 января 2015 г., состоявшийся как манифестация определенных социокультурных приоритетов, экстраполированных на политические установки. Это название было выбрано намеренно, оно призвано продемонстрировать не только общность взглядов большинства стран мира, но и солидарность власти и гражданского общества в отношении к терроризму и насилию, а через них — и к глубинным основаниям мироустройства на неолиберальных ценностях в рамках постмодернистской культуры.

Данная масштабная акция создавалась как манифестация несомненной, непоколебимой нравственной позиции большинства. Естественно, что она облетела весь мир как главная новость, став на некоторое время главным событием мирового масштаба. Марш солидарности вызвал колоссальный отклик в информационном пространстве, запустил волну обсуждений ценностных ос-

нований современного мироустройства и заставил лидеров мнений задуматься и высказаться по вопросу: возможен ли диалог цивилизаций на тех основах, которые декларируют участники этого события.

Постсобытийная реакция в информационном пространстве показала, что фильтры восприятия информации работают, что поликультурная аудитория, соглашаясь и принимая ценности мира, толерантности, требует уважения и учета межкультурных различий, прежде всего в отношении информации. Показательных, массовых, театрализованных действий против насилия и терроризма мало, тем самым его не искоренить. Необходимо осуществить поиски всеобщего согласия по поводу ограничительной рамки свободы слова и печати, а в более широком контексте — и общекультурных аксиоматических оснований современного информационного общества, тем более, что ценности постмодернистской культуры этим статусом не обладают, несмотря на продемонстрированную приверженность этим ценностям в Марше солидарности. Таким образом, несмотря на постоянное совершенствование технологии пропаганды в воздействии на общественное мнение в целях изменения установок и ценностных ориентаций массовой аудитории, коммуникативный характер информационного пространства ставит предел манипуляционному пропагандистскому воздействию и приводит к обратным эффектам, запуская режим говорения и артикуляции различных точек зрения целевых аудиторий в поликультурном медиапространстве.

Акция Марша солидарности осуществлена как ответ мировой общественности на террористический акт в издательстве сатирического журнала «Шарли эбдо». Эта трагедия показала, что в современном мире сильно возросла роль печатного слова и политической сатиры в частности. До недавнего времени она рассматривалась как неотъемлемая часть пропаганды в рамках информационных войн, была необходимым приемом по формированию «образа врага» через высмеивание противника. В современном обществе при принятии толерантных установок как нравственной основы социально-ответственной журналистики и осознании особого предназначения СМИ как социально-политического субъекта возникает настоятельная необходимость в переосмыслении роли политической сатиры и придания ей новых смыслов и содержания. Это означает, что сатира должна вписываться в социально-политический контент как инструмент, высмеивающий объективные недостатки социальной реальности, побуждающей к изменению социума к лучшему, а не к разжиганию межэтнической и международной розни. Наиболее ярко и наглядно особенности политической сатиры обнаруживаются при подробном рассмотрении специфики использования юмора и смеха в современной культуре информационного общества.

При ее выявлении обычно обращаются к традициям смеховой карнавальной культуры, таким способом обосновывая возможность использования современными массмедиа всех жанровых приемов, художественных средств и образов, накопленных в ее недрах. Эта позиция имеет ряд существенных противоречий и недостатков. Карнавальность как ничем неограниченная свобода слова, имевшая антиклерикальную, антирелигиозную, антиавторитарную направленность, существовала в европейской культуре в определенный период, и в формах, обусловленных тем временем и той культурой. М.М. Бахтин подробно и убедительно показал, что основой «народной смеховой культуры средневековья»

являлись «карнавальные обрядово-зрелищные формы» [1, с. 12]. Это значит, что карнавальность бытовала в реальном пространстве прямых коммуникаций и взаимодействий и предполагала культурно однородную аудиторию. Следовательно, культурные коды смеющихся и высмеиваемых были идентичны, понятны друг другу, более того, смех подразумевал прежде всего смех над самим собой, что убирало его оскорбительные значение и контекст. Но главная особенность, подробно рассмотренная М.М. Бахтиным, заключалась в неформальном, неофициальном характере прямых взаимодействий. Игровой, праздничный характер массовых народных действований лишал карнавальный смех в публичном пространстве этих событий конфликтного потенциала. Исследователь отмечал: «В карнавале сама жизнь играет, разыгрывая... другую свободную (вольную) форму своего осуществления... одни раньше, другие позже — переходят на положение неофициального аспекта, подвергаются известному переосмыслению... и становятся основными формами выражения народного мироощущения, народной культуры» [1, с. 16]. Карнавальный смех носил тотальный, универсальный и в то же время конструктивный характер: народ смеялся над существенными, типичными недостатками своего бытия, что предполагало их исправление и тем самым преобразование окружающей действительности.

Эти атрибуты отсутствуют у современной политической сатиры и тем самым отличают ее от народно-праздничного смеха. Они чужды ей, поскольку помещены в информационное пространство, глобальное в своей виртуальности, но неоднородное по своему содержанию. В нем соседствуют множество сообщений, адресованных определенной целевой аудитории, рассчитанных именно на ее культурные и политические стереотипы, ценности и предпочтения, что и определяет разнообразие культурных кодов и интерпретаций одних и тех же сообщений.

Традиционно политическая сатира носила негативный характер, поскольку была адресована и направлена на чужого, противника, врага. Не случайно ее широкое использование встречалось в периоды военных конфликтов, всегда сопровождавшихся информационными войнами. Самые яркие образцы политической карикатуры появились в периоды Первой и Второй мировых войн в массмедиа стран-участниц. Достаточно вспомнить антифашистские карикатуры А. Шика в ведущих американских журналах *Collier's* и *Time*, а также сборник советских карикатур Б. Ефимова с говорящим названием «Гитлер и его свора», опубликованных в 1943 г.

В свою очередь, такие цели массовых коммуникаций придавали политической сатире определенные формы и образный строй. Это не добрый смех над самим собой, а ирония, сарказм и гротеск, направленные на другого. Смех превращался в пародию, карикатуру, формировавшую в сознании массовой аудитории «образ врага». Для этого использовался весь стандартный набор «пропаганды вражды»: на первый план выводились отрицательные этнические стереотипы, гиперболизировались негативные черты национального характера, представители культуры противоположной вражеской стороны демонизировались и изображались как варвары. Использовался весь арсенал соответствующих художественных средств: гиперболизация, перемещений верха и низа, пародия. Однако, в отличие от «карнавальной пародии», пародия в полити-

ческой карикатуре носила отрицательный характер, ведь смех превращался в высмеивание, усиливалось негативное восприятие другого, актуализировались отрицательные этностереотипы, которые отзеркаливались, что приводило к усилению «образа врага» с обеих сторон. Из этого следует, что в условиях конфликта политическая карикатура являла собой прием, разжигающий и поддерживающий ненависть и вражду между конфликтующими сторонами.

Использование карикатуры как важного средства пропаганды в печатных формах в виде открыток, листовок, периодических изданий до распространения Интернета было понятно и предсказуемо. Печатная продукция доставлялась до определенной целевой аудитории, что позволяло достаточно точно рассчитать ее коммуникативные и поведенческие эффекты. У массовой аудитории под тотальным воздействием «пропаганды вражды» формировался благородный гнев, желание победить врага и таким образом искоренить, уничтожить зло.

Носителям ценностей информационного общества необходимо серьезно задуматься, насколько прежние приемы политической карикатуры как элемента «пропаганды вражды» уместны и допустимы с точки зрения общественной нравственности, обеспечивающей миропорядок и его устойчивое развитие. В демократическом обществе подобное транслирование интолерантных установок по отношению к какой-либо социокультурной общности с целью воздействия на общественное мнение безнравственно и недопустимо. Тогда возникает необходимость в поиске международных этических установлений информационного общества, по поводу которых было бы достигнуто всеобщее согласие на международном уровне. Толерантные установки и ценности должны быть приняты за основу таких установлений. Осознание важности и необходимости принятия таких стандартов уже существует не только на уровне профессиональных сообществ журналистов, но и на уровне политиков. В Декларации принципов построения информационного общества, принятой на Всемирном саммите по информационному обществу в 2003 г., утверждается: «Информационное общество должно основываться на уважении культурной самобытности, разнообразия культур и языков, традиций и религий, стимулировать это уважение и содействовать диалогу между культурами и цивилизациями» (ст. 52) [2, с. 16], а также «в информационном обществе необходимо уважать мир и отстаивать основные ценности, такие как свобода, равенство, солидарность, терпимость, коллективная ответственность» (ст. 56) [2, с. 17].

Однако степень толерантности достаточно сильно отличается в различных культурах, и это находит свое отражение в подходе к информации. Отсюда столь разная реакция на одно и то же сообщение у различных целевых аудиторий в поликультурном пространстве массовых коммуникаций.

Г. Хофстеде, исследовав ценностные содержания культур в 76 странах в рамках параметрической модели, эмпирически доказал, что толерантность как концепт общественного сознания присущ культурам с низкой степенью избегания неопределенности [3, с. 25]. В данных культурах массовая аудитория терпима к мнениям, отличающимся от привычных для нее и помещенным в публичное информационное пространство, готова к восприятию неоднозначности смыслов, поскольку не претендует на истину в последней инстанции. В таких культурах наблюдается либеральное отношение к информации, поме-

ценной в медийное пространство, практически нет запрещенных тем, да и приемы работы с информацией могут быть различными: от высмеивания до глумления. Кроме того, этим культурам присущ низкий уровень эмоционального отношения к инаковости как таковой и инакомыслию в частности.

Культурам с высокой степенью избегания неопределенности свойственны традиции цензуры и строгого отбора информации с точки зрения общественной нравственности для ее представленности в публичном пространстве масс-медиа. Именно в этих культурах существуют запреты на публичное обсуждение наиболее важных и потому неприкасаемых тем и символов. В свою очередь, высокий уровень эмоциональности при оценке информации с точки зрения непреложных истин приводит к массовым протестным реакциям и выступлениям, если эти запреты нарушаются.

На ценностную шкалу избегания неопределенности при интерпретации толерантности различными культурными общностями накладывается шкала индивидуализм-коллективизм [3, с. 27]. Индивидуалистические культуры наполняют понятийную матрицу толерантности индивидуалистическими ценностями. В их ценностном измерении считается, что каждый человек имеет право на выражение собственного мнения, к которому нужно относиться как к мнению отдельной личности. Восприятие и отношение к опубликованному слову не столь серьезное и ответственное, так как ему придается партикулярное значение.

В коллективистских культурах толерантность трактуется сквозь призму культурных различий в качестве атрибута групповой принадлежности. Информация в системе массовых коммуникаций должна отвечать групповым интересам. Человек или масс-медиа, предоставляющие ее, должны считаться с нормами культуры и осознавать свою миссию и ответственность перед культурной общностью. Следовательно, в рамках мыслесхем коллективистских культур и культур с высокой степенью избегания неопределенности, определяющих восприятие и оценку информации, неприменимы стандарты и понимание толерантности, характерные для индивидуалистических культур и культур с низкой степенью избегания неопределенности. Ведь каждая из культур делает упор на разных свойствах информации: первая группа культур подчеркивают ее значимость и просветительский смысл, а вторая группа — ее опасность и конфликтогенный потенциал. События с еженедельником «Шарли эбдо» наиболее зримо продемонстрировали миру эти расхождения и их поведенческие последствия. К сожалению, осмысления и осознания этого урока еще не произошло.

Подводя итог, можно констатировать следующее: в информационном обществе возникают новые формы и приемы пропаганды. Центр тяжести пропагандистского воздействия перемещается в виртуальное пространство масс-медиа, характеризующееся поликультурностью и глобальностью. Усиливается воздействие на массовую аудиторию, которым все труднее и труднее управлять. В связи с этим возникает необходимость в переосмыслении тех приемов пропаганды, которые носят манипулятивный характер и в современном информационном глобализирующемся обществе могут представлять реальную угрозу для его устойчивого развития. Именно поэтому на основе межкультурного диалога следует выработать и установить нравственно-правовую рамку пропаганды на международном уровне как элемента политической культуры.

Библиографический список

1. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.
2. Декларация принципов: Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии от 12 декабря 2003 г. // Всемирный саммит по информационному обществу. М., 2007.
3. *Хофстеде Г.* Модель Хофстеде в контексте: параметры количественной характеристики культур // Язык, коммуникация и социальная среда. 2014. № 12. С.10–45.

A.A. Landerova
Archetypes of the Russian Political Culture: Formation Origins

Formation origins of the Russian political culture are studied. The basic persistent images in the structure of political culture, manifesting its orientation towards collective identities are analyzed. Special attention is paid to the analysis of the historical images of Byzantinism and Orthodoxy.

Key words and word-combinations: political culture, values, archetypes, national idea, archaization of traditions.

Исследуются истоки формирования архетипов политической культуры России. Анализируются основные устойчивые образы в структуре политической культуры, выражающие ее ориентацию на коллективные идентификации. Особое внимание уделяется анализу исторических образов византизма и православия.

Ключевые слова и словосочетания: политическая культура, ценности, архетипы, национальная идея, архаизация традиций.

УДК 323(470+571)
ББК 66.3(2Рос)

А.А. Ландерова

**АРХЕТИПЫ РОССИЙСКОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
КУЛЬТУРЫ:
ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ**

Политическая культура определяется как одна из важнейших сторон гуманитарного измерения политики. Являясь неинституциональной системой, она охватывает политические традиции, ценности и установки политического поведения. Особенности политической культуры определяют характер политического процесса в разных государствах, степень согласованности групповых интересов, стабильности, политической предсказуемости.

Актуальность неинституциональных аспектов политики не вызывает сомнений: деятельность политических акторов, политических институтов всегда детерминирована устойчивыми традиционными архетипами политической культуры, которые действуют, но в большинстве случаев не осознаются акторами. Политическая наука становится все более культурно-центричной, исследование политической системы как механизма отхо-

дит на второй план. Политическая культура рассматривается в двух аспектах: во-первых, она выступает в качестве наследия, традиций, которые влияют на политику; во-вторых, политическая культура определяется как набор общих жизнеориентирующих ценностей.

Для понимания детерминированности политического сознания граждан политической культурой интересно рассмотреть теорию «фреймов». Существует несколько версий фрейм-анализа, в частности в социологии, психологии, лингвистике, кибернетике. Не углубляясь в его специфику по областям знаний, отметим, что во всех этих подходах фрейм определяется как устойчивая когнитивная структура, состоящая из знаний и ожиданий, облеченная в особую значащую форму репрезентации [1]. Попытаемся перенести данный методологический инструментарий на сферу политической культуры. Попытки подобного рода в области «политического» уже предпринимались учеными, например для анализа феномена «русской власти» [2]. Исходя из классического определения фрейма, данного И. Гофманом, можно понять, что фрейм как «интерпретативная схема» отличается двойственностью. Похожую двойственность можно наблюдать при трансляции политической культуры, когда привычные ориентации на политическую систему заключаются в особые формы и передаются населению посредством произнесения общеизвестных поговорок, символов или даже словесного истолкования поведения, то есть внешние проявления определяются привычным дискурсом.

Конкретные фреймы включают важные мировоззренческие установки, или архетипы политической культуры, а в роли механизма трансляции архетипов культуры выступает дискурс. Предпринятый нами анализ направлен на обнаружение взаимосвязи фреймов и политической обстановки, которая раскроет предпосылки формирования политической культуры России, подтверждаемый эмпирическими социологическими и историческими данными.

Понимание политической культуры России должно основываться на анализе наиболее эффективных исторических образов. Формирование в России нынешней политической культуры и национальной идеи корнями уходит в эпоху так называемого «возвращения» **византизма** в Россию. Именно в XV в. (1453 г.) произошли важнейшие события мирового масштаба, повлиявшие на складывание на Руси особого «духа». В этот период завершается процесс объединения земель вокруг Москвы, происходит падение Золотой Орды, а следовательно, освобождение Руси от вассальной зависимости. На фоне этого произошла гибель тысячелетней империи — падение Константинополя. Для России эти события предопределили ход истории, а также формирование особой национальной культуры наряду с ориентацией на Запад.

Сразу отметим, что ориентация на Константинополь и выбор его в качестве образца для развития были совершенно актуальными, соответствующими международной политической обстановке того времени [3]. Значение византизма для Российского государства можно рассматривать с разных позиций. С точки зрения философии и культурологии это культурное влияние на Россию. С точки зрения истории это национальный миф. Нас же в большей степени интересует политологическое понимание византизма как идеологии Третьего Рима, из чего и возрастают основные архетипы политической культуры.

Утверждение в национальном самосознании граждан веры в особое значение Русского государства, мессианиззм, главенствующую роль среди православных народов имело и негативные последствия. Реальная мировая политическая обстановка отошла на второй план: факты были заменены на мифы. На протяжении всей истории развития России наблюдается ориентация политики на внешний уровень: от попыток «реанимации» византийской идеологии и экспансии на Восток в X—XV вв. до защиты русского населения на юго-востоке Украины сегодня. При этом внутривластные проблемы часто остаются без внимания, что, важно отметить, находит поддержку среди простых граждан.

Конечно, уже в то время имелись предпосылки для возникновения не только нового менталитета, но и собственной политической культуры. Одной из главных предпосылок можно считать **православие**, оформившееся в качестве основной духовной опоры общества. Православие уже на тот момент выполняло ряд важнейших функций: выступало в качестве духовной поддержки в освободительной борьбе с захватчиками; подкрепляло княжескую власть (Москва как теократический центр русских земель); сохраняло единство территориального пространства (борьба за расположение митрополита); обеспечивало национальную и государственную идентичность индивида.

Таким образом, православие изначально содержало в себе некий зародыш национальной идеи. По мнению русских идеологов, именно византизм и православие должны лечь в основу гражданского самосознания, став определенными идеалами. Византизм дал России импульс дальнейшего развития, принес с собой культуру, традиции, идеологию и вместе с этим оправдание возникших амбиций. Тогда же зарождается и смешение светской власти с церковной, которое проходит сквозь всю историю существования России, за исключением советского периода.

Подобный процесс затронул и сознание людей — слияние государственного и религиозного начал, что вылилось впоследствии в ряде сложившихся архетипов политической культуры. Внимание индивидов переориентируется на государя — возникает **персонификация власти**. Вера сводится к верности государству, что способствует зарождению настроений **подданничества, поклонения и служения**. Идет процесс огосударствления православия. Вечевая традиция государственности постепенно отходит на второй план, а потом совсем исчезает. Важно отметить, что трансформация осуществляется не на институциональном уровне, а на культурном: происходит вытеснение языческой культуры и договорной традиции государственности. Отсюда берет начало одна из главных доминант политической культуры — **патернализм**. Потребность в сильном лидере, в «сильной руке» государства постепенно стала необходимостью для россиян.

Настроения подданничества возникали на фоне сведения религии к формализму, доминирование национально-государственных задач над личностным началом повлекло за собой обнищание духовной жизни общества. Страх перед деспотизмом воплощался в социальном служении. «Послание Филофея московскому князю — первый документ, в котором этот менталитет оформляется в виде национальной идеи. Ее лейтмотив — тема русского одиночества в истории, на которое обречен избранный Богом народ» [4].

Русский философ Н. Бердяев говорил о явной парадоксальности российской политической культуры, о ее «жуткой противоречивости» [5; 6, с. 218–219]. Противоречивость политической культуры России, по его мнению, состоит в соединении анархизма и этатизма (государственничества), гуманизма и жестокости. В качестве основных причин этого он называл неразвитость личного начала, а также стихийный коллективизм, о котором речь пойдет далее. Его тезис о «женственной» природе русского народа вполне имеет право на существование. В данном контексте государство воспринимается как «мужское» начало, которое воплощается в «первом лице» государства. Лидер в данном понимании является гарантом законности и порядка, хотя его власть (что парадоксально) объясняется наличием харизмы, то есть она легитимна, но не всегда легальна.

Государственные проблемы всегда имели первостепенную важность для россиян. Многовековая история рабства тому подтверждение. В сознании народа прочно закрепились **идеи службы государству любой ценой**, поддержка государства даже ценой собственной жизни и имущества. Государство всегда преобладало в жизни и сознании народа, достаточно вспомнить лозунги, с которыми граждане шли в бой: «За веру, царя и Отечество» — и тезисы, которые формулировали российские идеологи: «Самодержавие, православие, народность». Постепенно происходит смешение многих понятий, в том числе патриотизма и лояльности режиму, истинная любовь к Родине смешивается с верноподданнической любовью к власти. Истинными же предметами национальной гордости и патриотизма следует считать семью и Родину.

А. Кара-Мурза, рассуждая о христианском либерализме в России, актуализирует мысли известного русского философа Ф. Степуна о соотношении религиозных и демократических начал [7]. Главный тезис последнего состоит в опровержении безбожности демократии. Продукт демократического уклада — утвердившийся человек, что невозможно как вне нации, так и вне религии.

А. Зубов называет либерализм «политической проекцией христианства», основанной на ценности свободы, как личной, так и свободы для «ближнего» [8]. Церковный раскол XVII в. оказал огромное влияние на развитие Российского государства. Влиятельные представители русского духовенства надолго отстраняются от государственного аппарата в лице царя. Русское духовенство самопривольно ушло в изоляцию от остального христианского мира, провозгласив самоуправление и независимость в XV в. Отсюда малообразованность, замкнутость, нежелание эволюционных изменений. Духовное невежество воплотилось в фактическом одобрении крепостного права и абсолютизма.

В этот период векторы христианства и либерализма в России кардинально разошлись. Однако важно понимать, что свобода, имеющая глубокий смысл для либерализма, неотделима от христианства. Объяснение этому довольно простое: только в религии можно найти достаточно оснований для уважения личности. Ссылаясь на «Три разговора» Владимира Соловьева, Е. Рашковский также видит в сфере религиозного основы уважения к личности и к видению себя ниже другого (в отличие от сфер экономики и права с их рациональной основой) [9]. Религиозность русского народа периодически подвергается

скептицизму. В. Кантор вслед за философом П. Флоренским выдвигает тезис о «**двоеверии**», то есть о религиозности наряду с **суеверностью**.

Политическая история России определяется двойственной ролью Церкви: являясь основой культурного развития и приобщения людей к нормам морали, она легитимизировала страшные формы лишения человека свободы как главной христианской ценности. Постепенно православная христианская культура локализовалась в России (в пространстве мира в целом), а идеи Третьего Рима преобразовались в политическую концепцию национального государства [9]. Отсюда — уверенность в обладании истинными ценностями, вселенскость, мессианизм, архаизация традиций.

Важно отметить общинные традиции Российского государства. Если в качестве основополагающего смысла власти на Западе выступает «общественный договор», когда общество поручает государственным органам выполнение ряда функций на заранее оговоренных условиях, то в России общество «вручает» свою судьбу в руки государя, руководствуясь принципом «семьи». Сохранение государства с его культурной целостностью в основе своей имеет принцип сакральной легитимности главы государства. Архаизм привел к расколу между властью (образованной) и обществом (необразованным в силу упомянутых причин).

Единоличная власть, справедливая и сильная — идеал российских граждан, когда появляется вера в авторитет, готовность к полному подчинению. Однако вера в «общее дело» в определенный момент негативно сказывается и на самой власти. Если всеобщий лидер действует вразрез с национальными переживаниями, то терпению народа в определенный момент все же наступает конец. Образ лидера меркнет, и его, как правило, жестоко «свергают». Именно поэтому политические лидеры в России, уходя с политической арены, подвергаются всеобщей и резкой критике, после чего отвергаются либо погружаются в политическое небытие.

Стоит заметить, что каждый последующий исторический период в политическом смысле отрицал предыдущий. Смена этапов происходила каждый раз революционно, когда уничтожались конкретные формы государственной жизни, утрачивались накопленные достижения, ценности. С этим связано еще одно проявление русской политической культуры — **неспособность к эволюционному изменению системы**, неумение решать конфликты мирно. Крахом социального порядка заканчивается каждый очередной исторический период в развитии Российского государства.

Однако, по мнению И. Глебовой, подобный феномен объясняется значением авторитета для российских граждан: политический авторитет используется в качестве каркаса для ценностных ориентаций [11]. Функция его в данном понимании сугубо практическая: определенный лидер устраивает общество в определенный момент развития, то есть транслирует актуальные на тот период ценности. Следовательно, власть не предлагает систему ценностей, а соглашается с господствующей в обществе, продолжая распространять их. По сути, лидеры выполняют в данном случае свою основную функцию — отвечают и реагируют на настроения социального большинства.

Таким образом, в центре структуры политической культуры изначально

формировались устойчивые образы, функционально выражающие ее ориентацию на различные коллективные идентификации, что никак не может сочетаться с индивидуалистическими ориентирами. При этом каждый из устойчивых образов работает на усиление другого. В ходе данного исследования удалось изучить основные предпосылки формирования архетипов политической культуры, выявив основные образы прошлого: духовность, подданничество, персонализацию власти, патернализм, мессианизм. Подобные архаичные традиции легли в основу российской политической культуры, обеспечив сложность процесса эволюционного изменения системы политики в целом.

Библиографический список

1. *Вахштайн В.С.* [Рец.] Социология повседневности Ирвинга Гофмана: от «практики» к «фрейму»: И. Гофман. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / пер. с англ.; под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой; вступ. статья Г.С. Батыгина. М.: Институт социологии РАН, 2003 // Социологическое обозрение. 2007. № 1.
2. *Розов Н.С.* Специфика «русской власти», ее ментальные структуры, ритуальные практики и институты // Полис. 2011. № 1. С. 29–41.
3. *Сургуладзе В.Ш.* Борьба за историческую идентичность // Свободная мысль. 2015. № 3 (1651). С. 151–164.
4. *Скоробогачкий В.В.* Россия на рубеже времен: новые пути и старые вехи. Екатеринбург, 1997.
5. *Бердяев Н.А.* Судьба России. М., 1918.
6. *Бердяев Н.А.* Русская идея. Париж, 1977.
7. *Кара-Мурза А.А.* К истории христианского либерализма в России // Российский либерализм и христианские ценности: материалы круглого стола журнала «Полис» // Полис. 2011. № 3.
8. *Зубов А.Б.* Причины антицерковности русской либеральной интеллигенции // Там же.
9. *Раиковский Е.Б.* К вопросу о библейских корнях либеральной культуры // Там же.
10. *Жукова О.А.* Проблемы культурной идентичности России и политический опыт христианских либералов // Там же.
11. *Глебова И.И.* Политическая культура России: образы прошлого и современность / отв. ред. Ю.С. Пивоваров; Ин-т науч. информ. по обществ. наукам. М., 2006.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

I.M. Ignatenko
**Formation of a New Model
of Russian Federalism**

The article examines the stages of federal relations development, with the special attention to the processes of centralization and decentralization. The main problems that affect the process of reforming the Russian federalism are designated. It is noted that at the modern stage the state regional policy should be aimed at economic development and creation of incentives for the regions of Russia.

Key words and word-combinations: federalism, centralization and decentralization, federal relations in Russia, state regional policy.

Рассматриваются этапы развития федеративных отношений, где особое внимание уделяется процессам централизации и децентрализации. Обозначаются основные проблемы, которые оказывают влияние на процесс реформирования российского федерализма. Отмечается, что на современном этапе государственная региональная политика должна быть направлена на экономическое развитие, создание стимулов для субъектов Федерации.

Ключевые слова и словосочетания: федерализм, централизация и децентрализация, федеративные отношения в России, государственная региональная политика.

УДК 321
ББК 66.03

И.М. Игнатенко

СТАНОВЛЕНИЕ НОВОЙ МОДЕЛИ РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

Федерализм является одним из основных факторов реформирования политической системы России. При этом на современном этапе возникает необходимость определения новых приоритетов и задач для выбора политической стратегии, ведь именно федерализм как форма демократического управления наиболее приемлемым для государства с огромной территорией и большой численностью населения [1].

Особенность современной реформы «вертикали власти» — жесткая централизация власти на федеральной уровне. Это не может быть беспредельным, поэтому существует необходимость ее уравнивания такой тенденцией, как децентрализация [2, с. 68]. В общем смысле децентрализация государственного управления — это передача определенного объема властных полномочий компетентными субъектами управленческого воздействия иным структурным единицам, наделенным необходимыми пра-

вами, обязанностями и ресурсами. Такое перераспределение функций приведет к принятию наиболее оптимальных решений на различных уровнях власти и во всех сферах жизнедеятельности общества [3, с. 10–13].

Следовательно, на отношения федерального центра и регионов оказывают влияние два процесса — централизация и децентрализация. В России они выражаются в двух крайних формах — дезинтеграции и унитаризации. Обычно эти принципы проявляются в той или иной степени, однако преобладание децентралистских признаков является предпосылкой развития страны по конфедеративному пути, а в случае перевеса централистских происходит постепенное формирование унитарного устройства [4, с. 3–4]. Не случайно многие исследователи выделяют определенные этапы развития федеративных отношений в зависимости от преобладания именно этих процессов, например Н.М. Добрынин — два этапа: «деволюционный федерализм», существовавший до 2000 г., и «федеральную модель интеграционного типа» с жестким централистским содержанием [5, с. 75]. Оптимальный баланс соотношения централизации и децентрализации достаточно сложно установить.

В стране сложилась асимметричная форма федерализма. Так, в составе Российской Федерации находятся шесть типов субъектов Федерации: республика, область, край, город федерального значения, автономный округ и автономная область. Об этом свидетельствуют некоторые положения Конституции РФ [6]. Треть статей этого документа посвящена именно федеративному устройству и описанию норм федерализма в России. Это позволило приблизиться к модели, учитывающей требования демократии. В Основном Законе делается различие между автономными округами и другими субъектами РФ; республики называются «государствами», они имеют свои конституции, гражданства и другие атрибуты государственности [7]. Следовательно, республики обладают большим объемом прав, чем другие субъекты Федерации во взаимоотношениях с федеральным центром.

Рассмотрим более подробно основные преобразования на каждом этапе развития федеративных отношений в России. В 1990-е годы серьезно нарушались основы федеративного устройства; отмечалась определенная степень децентрализации за счет использования механизма распределения полномочий. Одновременно важно учитывать централизованный характер и взаимоотношения между центром и регионами. Все же некоторые регионы России смогли пройти этап усвоения системы политических институтов, а также обеспечить устойчивый баланс сил и сохранение демократических принципов внутри страны. В период с начала 1990 по 1991 г. были предприняты первые попытки регулирования отношений федерального центра и регионов. Позднее был подписан Федеративный договор и принята Конституция РФ 1993 г.

Дальнейшее развитие российского федерализма осуществлялось путем принятия как на федеральном, так и на региональном уровне различных федеральных законов, указов Президента РФ, договоров между органами власти и других нормативных документов. С 1994 по 2000 г. отмечается активное за-

ключение договоров между федеральным центром и регионами России. Таким образом, в России устанавливается конституционно-договорная модель, которая подразумевает выстраивание отношений между центром и субъектами Федерации, на основе не только Конституции РФ, но и заключенных договоров. Это является важной особенностью российского федерализма. В указанный период было заключено множество договоров, но назвать этот процесс полностью эффективным невозможно. С одной стороны, эти документы должны были решить создавшиеся проблемы, которые тормозили развитие федеративных отношений в России, с другой стороны, возникла асимметрия, которая могла разрушить основные принципы государственности. Нормотворчество субъектов Федерации противоречило Основному Закону РФ, началось вытеснение конституционных норм нормами договорного характера [8].

Очевидно, что до 2004 г. для решения возникшей проблемы все силы были направлены на укрепление централизации. Первым следует отметить институт полномочных представителей, образованный Указом Президента России от 13 мая 2000 г. № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе». Он стал важным управленческим звеном между федеральным и региональным уровнями власти; субъекты Федерации утратили часть своей самостоятельности. Ранее был принят Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», а затем Федеральный закон от 29 июля 2000 г. № 106-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации”» и Федеральный закон от 8 февраля 2001 г. № 3-ФЗ «О внесении дополнения в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации”». Эти законы внесли некоторые изменения и дополнения в порядок организации исполнительных органов власти субъектов Федерации. Одним из таких изменений стало разрешение президентам республик в составе Российской Федерации избираться на третий, а затем и четвертый сроки.

В целях дальнейшего укрепления вертикали власти и развития многопартийности в первом чтении был принят Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях». Указом Президента РФ от 21 июня 2001 г. № 741 образована комиссия, по итогам работы которой были приняты различные федеральные законы, позволившие установить условия разграничения и распределения компетенции между органами государственной власти. Далее был изменен порядок формирования Совета Федерации Федерального Собрания РФ. Руководители законодательной и исполнительной власти субъектов РФ с 2001 г. утратили право участия в верхней палате парламента. Эта реформа упрочила власть Президента России, уменьшив возможности губернаторов проводить самостоятельную политику, также увеличилась возможность поли-

тического влияния на членов Совета Федерации. В утешение элитам в 2000 г. создан Государственный Совет РФ [9, с. 329].

С 2004 г. по настоящее время наблюдается этап продолжающейся централизации и унитаризации. Принят Федеральный закон от 11 декабря 2004 г. № 159-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и в Федеральный закон “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”». Среди преобразований также следует отметить новый порядок избрания глав субъектов РФ, а также усиление пропорционального элемента в формировании законодательных органов власти. С принятием этого Закона произошло так называемое сужение избирательных прав граждан, что позволило сделать шаг на пути к формированию унитарного государства. 31 декабря 2005 г. подписан Федеральный закон № 199-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием разграничения полномочий»; 29 декабря 2006 г. — Федеральный закон № 258-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием разграничения полномочий». Всего таких актов оказалось более двадцати.

Из этого следует, что на рассматриваемых этапах развития федеративных отношений наблюдались подъем и спад централизации и децентрализации. На протяжении длительного времени предпринимались различные попытки для реформирования российской модели федерализма. Однако задача оптимального соотношения централизации и децентрализации так и не была решена. Подчеркнем, что федеративная система России имеет следующие особенности: асимметричность масштабов территориальных единиц; неравенство статусов и дифференциация регионов; дотационность большинства субъектов Федерации; смешанный этнотерриториальный характер построения Федерации; авторитаризм региональных элит [10, с. 19]. На появление горизонтальных финансовых дисбалансов влияют исторические особенности сложившейся системы размещения производства, национальные факторы развития территорий, природно-климатические условия и ресурсный потенциал регионов [11, с. 148]. Непременный учет данных особенностей российского федерализма позволит решить проблемы совершенствования взаимоотношений «центр — регионы».

Сохранение и усиление централизации в будущем, на наш взгляд, повлечет за собой только ухудшение ситуации. Положительные изменения на пути реформирования системы федеративного устройства возможны через проведение эффективной государственной региональной политики. Но это затрудняется неравномерным социально-экономическим развитием субъектов РФ. Упор необходимо сделать на активное региональное развитие не только посредством федеральной поддержки, но и самостоятельности и мотивации регионов. При этом интересы Федерации должны быть выше интересов отдельных регионов. На современном этапе государственную региональную

политику нужно направить на экономическое развитие и создание стимулов для субъектов Федерации. Для этого следует сосредоточить на территории регионов большую часть финансовых ресурсов; данный процесс должен сопровождаться передачей регионам больших полномочий [12]. Именно от эффективности бюджетно-налоговой политики во многом зависит стабильность страны. Рост национальной экономики возможен только после решения проблем выравнивания межрегиональных различий, преодоления отставания в развитии отдельных территорий. Территориальная дифференциация находит отражение в основных показателях социально-экономического развития России [13].

Социально-экономическое развитие регионов возможно посредством использования такого механизма, как политика территориального выравнивания. Но не всегда региональное выравнивание может иметь положительный эффект и сопровождаться высокими социально-экономическими показателями в субъектах Федерации, поэтому политика территориального выравнивания должна носить долгосрочный характер и строиться на следующих принципах: использование экономических инструментов для преодоления региональных проблем, выделение достаточного объема финансовой помощи, продолжающийся экономический рост богатых регионов при перераспределении их ресурсов в пользу бедных регионов, законодательное закрепление механизмов выравнивания. Важнейшим механизмом территориального выравнивания являются программы социально-экономического развития субъектов РФ.

Существенная децентрализация ресурсов и повышение самостоятельности регионов смогут изменить их отношение к вопросам налаживания экономических связей между собой. Важно отметить, что сейчас взаимодействие между регионами развито гораздо слабее, чем взаимодействие регионов с федеральным центром. Существует необходимость создания условий для конкуренции территорий посредством их перехода к поиску своих путей развития: чтобы расширить возможности, регионам предстоит овладеть специальными навыками, новыми инструментами и технологиями. Одним из таких новшеств является стратегическое рыночное планирование. Стратегическое планирование территориального развития получило известность и начало распространяться в России с конца 1990-х годов [12].

Изучение эволюции российского федерализма позволяет сделать вывод о том, что формирование эффективной модели государственного устройства возможно при выполнении следующих условий: во-первых, системного осмысления и решения этой задачи; во-вторых, равноправного диалога федерального центра и регионов по взаимодействию между различными уровнями власти; в-третьих, оптимального сочетания принципов централизации и децентрализации власти [4, с. 10]. Развитие федерализма в России предполагает обеспечение целостности и единства территории, демократическое развитие государства и учет интересов общественности на каждом уровне власти. Баланс взаимоотношений между федеральным центром и регионами можно оп-

ределить как соотношение полномочий, закрепленных Конституцией РФ и федеральным законодательством или федеральными договорами; возможность уменьшения централизованного контроля на уровне субъектов Федерации, при этом обязательного участия регионов в решении общенациональных вопросов и другое.

Итак, установленная модель федерализма не является окончательной, современный этап можно обозначить как продолжающийся в контексте реформирования механизма взаимоотношений федерального центра и регионов. На пути к новой модели федерализма в России необходимо учитывать, что только комплексное применение возможных решений в проблемных ситуациях, а также дальнейшее изучение процесса возникновения, обострения и разрешения противоречий между централизацией и децентрализацией государственной власти приведет к положительным результатам.

Библиографический список

1. *Никитина Т.А.* Генезис и развитие современной модели федерализма в России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Уфа, 1999. URL: <http://cheloveknauka.com/>
2. *Чепунов О.И.* Централизация и децентрализация в административной реформе // Проблемы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2008. № 1.
3. *Махина С.Н.* Концепция децентрализации государственного администрирования: некоторые вопросы содержания и значения // Административное право и процесс. 2006. № 1.
4. *Петухов А.В.* Эволюция российского федерализма: политико-правовой анализ // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2009. № 3 (11).
5. *Добрынин Н.М.* Российский федерализм: становление, современное состояние и перспективы. Новосибирск, 2005.
6. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.). URL: <http://www.constitution.ru/>
7. *Давыдов Д.В.* Симметрия и асимметрия в устройстве федеративного государства // Регионоведение. 2010. № 3.
8. *Золотарева М.В.* Федерация в России: проблемы и перспективы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. URL: <http://lawtheses.com/>
9. *Коломийцев Е.С.* Российский федерализм в контексте обеспечения территориальной целостности государства: политические технологии реформ // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2.
10. *Магомедбеков Г.З.* Особенности российского федерализма и территориально-политическая организация в современной России (на примере республик) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2011. № 3.
11. *Полозков М.Г.* Стимулирующее бюджетное выравнивание территорий // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 343.
12. *Швецов А.* В ожидании либеральной модернизации государственной региональной политики // Казанский федералист. 2006. № 3 (19).
13. Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156

A.G. Sokolov
Russian Political Projects
in the Russian Printed Media
Discourse of 2007-2008

The paper examines the mapping of the political projects in the Russian media discourse. By the example of the top newspapers media representation of political projects during election campaigns of 2007–2008 is analyzed.

Key words and word-combinations: discourse, policy making, media.

Исследуется отображение политических проектов в дискурсе российских СМИ. На примере ведущих газет анализируется представление в СМИ политических проектов в период избирательных кампаний 2007–2008 гг.

Ключевые слова и словосочетания: дискурс, политическое проектирование, средства массовой информации.

УДК 32.01:002
ББК 66.04+76

А.Г. Соколов

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ 2007—2008 ГОДОВ В ДИСКУРСЕ РОССИЙСКИХ ПЕЧАТНЫХ СМИ *

Выборы в Государственную Думу пятого созыва в 2007 г. и выборы Президента РФ в 2008 г. ознаменовали собой важный этап в современном российском политическом процессе. В ходе избирательных кампаний и по итогам выборов созданы политические проекты; ряд из них удалось даже реализовать. Эти проекты нашли отражение в политическом дискурсе российских средств массовой информации. Благодаря изучению данных дискурсов можно проанализировать даже те проекты, которые формируются и реализуются в современной политике без явного обозначения их проектной природы политическими элитами. Ранее нами проводился анализ политических проектов электорального цикла 2011—2012 гг.; в данной публикации обратимся к проектам 2007—2008 гг. [1].

Исходным методологическим посылом данного анализа является положение о том, что дискурсы формируют политический мир посредством смысловых значений [2]. В исследовании задействован комплекс методов работы с текстовой информацией в обозначенном аспекте. Сопряженность языка политиков и политической реальности позволяет в качестве наиболее эффективного и продуктивного исследовательского приема использовать комплекс методов: дискурс-

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 14-03-00112 «Политические проекты в дискурсивном пространстве современных российских СМИ».

анализ в сочетании со сравнительным методом. В рамках проведенного исследования выявлено, что средства массовой информации могут транслировать как внутривластные, так и внешнеполитические проекты [3].

В работе проанализированы материалы пяти общероссийских газет, выходящих и в печатном, и в электронном форматах. «Российская газета» является официальным изданием Правительства РФ; в газете «Взгляд» в целом отстаиваются проправительственные позиции; в изданиях «Коммерсантъ» и «Независимая газета» придерживаются нейтралитета в спорах между властью и оппозицией; «Новая газета» активно позиционируется как праволиберальное оппозиционное СМИ. Временные рамки анализа ограничены 2007—2008 гг. В ходе исследования выявлены основные проекты, попадавшие в поле зрения каждой из рассматриваемых газет и особенности освещения этих проектов в каждом СМИ.

Всего в материалах пяти рассматриваемых общественно-политических газет за 2007—2008 гг. выявлены 28 политических проектов. Эти проекты относятся к функционированию государственной власти (Д.А. Медведев как преемник В.В. Путина на должности президента; попытки реформировать Совет Федерации); формированию партийной системы («Правое дело», «Независимая демократическая партия России»); идеологической работе («Русский проект»); политическим технологиям («1+10»); политическому пиару («Вперед, Медведев»). Эти проекты формируются как государственной властью и провластными политическими субъектами («Наши», «Имя России», «Политзавод»), так и оппозицией («Левый фронт», «Народ за демократию и справедливость»).

Журналисты «Российской газеты» как официального провластного издания не склонны сосредоточивать внимание на проектно-характере российской политики, за исключением ключевых политических проектов. В то же время в газете иногда уделялась некоторая доля внимания и автономным или полностью независимым от Кремля проектам. В число важных политических проектов аналитики «Российской газеты» относили проект преемничества. Изданием также подчеркивался политический характер приоритетных национальных проектов. В сфере партийного строительства в число политических проектов в газете зачисляли «Правое дело» и «Левый фронт». Анализировались с точки зрения политического проектирования конкурс «Имя России» и безуспешные законодательные инициативы С.М. Миронова. Комментаторы не стремились, как правило, к подробному многостороннему анализу рассматриваемых проектов, предпочитая ссылаться на их авторов и / или на ответственных за реализацию субъектов политики.

В газете «Взгляд» к политическим проектам отнесено большое количество политических явлений 2007—2008 гг. Проектный характер журналистами издания прослеживался даже там, где другие газеты политических проектов не выявляли. К их числу отнесен «Русский проект» партии «Единая Россия», правоконсервативная политическая дискуссионная площадка «Лекторий на Садовнической», «Духовное единство» В.И. Слущкера. Газета освещала с точки зрения реализации политических проектов деятельность «Политзавода» «Молодой гвардии», проектов «Московский молодежный парламентаризм» и «Байкал-2020». Внимание уделялось также политтехнологическим проектам: интернет-проектам «Вперед, Медведев» и «ЗА ПУТИНА», движению «Наши

выборы», проекту правящей партии «Партийная мобилизация». Политический характер подчеркивался в следующих партийных проектах «Единой России»: «Я — за безопасность на дорогах России» и «Нет дорогам-убийцам!», «Кадровый резерв — профессиональная команда страны», в проекте по общественно-политическому контролю за строительством потенциально опасных объектов. Тщательно анализировался такой политический проект, как молодежное движение «Наши». Газета «Взгляд» также уделяет внимание партийным проектам: как широко разрекламированному «Правому делу», так и маргинальным проектам — «Народ за демократию и справедливость» М.М. Касьянова, «Независимая демократическая партия России» М.С. Горбачева или профсоюз пенсионеров и социально незащищенных граждан. При разработке идеологического проекта «Русская доктрина» само издание позиционировалось в качестве субъекта политического проектирования.

Журналисты газеты «Взгляд», в которой во многом разделялись провластные идеи, не стремились подробно анализировать политические проекты, особенно формировавшиеся при поддержке «Единой России», а ограничивались констатацией факта их реализации или подготовки со ссылкой на создателей или организаторов проекта.

В газете «КоммерсантЪ» уделялось внимание относительно небольшому числу политических проектов, однако они детально анализировались. Журналисты данного издания старались установить разработчиков и заказчиков политического проекта, выявить цели и особенности реализации и по мере возможности — его практические результаты.

В качестве одного из важнейших политических проектов, реализовывавшихся в рассматриваемый период, изданием назывались приоритетные национальные проекты. В число освещаемых политических проектов попали и такие узкоспециальные предвыборные проекты, как «Партийная мобилизация 1+10» «Единой России» и идея о публичном закреплении результатов выборов 2007—2008 гг. на так называемом «Гражданском собрании российской нации». Определенное внимание «КоммерсантЪ» также уделяет и «Русскому проекту» правящей партии. С точки зрения редакции данного издания, проектный характер носит формирование новой правой партии, которая впоследствии станет известна как «Правое дело». Достаточно много внимания уделяется провластному движению «Наши».

Схожим образом действовали и журналисты «Независимой газеты». Ее сотрудники анализировали большое число политических проектов 2007—2008 гг., стараясь максимально полно раскрыть каждый из рассматриваемых проектов: кто является его заказчиком и исполнителем, кому выгодны те или иные проекты и каким образом они реализуются. Отметим, что анализ при этом получался менее глубоким и подробным, чем у журналистов «Коммерсанта». В «Независимой газете» однозначно политическим проектом считаются выборы третьего Президента РФ Д.А. Медведева. К числу предвыборных политических проектов издание относит кадровый проект «Единой России» «Профессиональная команда страны». Политтехнологический проект «Единой России» «1+10», направленный на повышение явки избирателей на выборах

в Государственную Думу методами сетевого маркетинга, также не обойден вниманием журналистов «Независимой газеты». Освещался и такой политический проект, как «Политзавод» «Молодой Гвардии». В издании освещалась деятельность молодежного прокремлевского движения «Наши». Рассматривалось формирование на фоне предвыборной гонки различных политико-идеологических проектов. Например, попытка М.Ю. Барщевского и «Гражданской силы» сформировать собственный аналог «русского проекта». Много внимания уделялось и собственно «Русскому проекту». «Независимой газетой» комментировались попытки экс-президента СССР М.С. Горбачева вернуться в «большую политику» с новыми политическими проектами, в частности с «Независимой демократической партией России». Как значимый политический проект рассматривалось формирование новой правой партии из СПС, «Гражданской силы» и Демократической партии.

В «Новой газете» в изучаемый период фиксировалось меньшее количество политических проектов в российском политическом процессе, нежели в остальных рассматриваемых изданиях. При этом для данного издания характерен субъективный подход к оценке политических проектов. С точки зрения журналистов газеты, в России начиная с 1980-х годов существует ряд подконтрольных Кремлю «правых» политических проектов, из которых в 2007 г. продолжали активно функционировать «казачий проект», АДПР, евразийское движение и ДПНИ. К числу сугубо политических проектов причисляется выпуск пособий для учителей «Новейшая история России 1945–2006 гг.» и «Обществознание. Глобальный мир в XXI веке». Как проект того же порядка, дающий «контроль над интерпретацией современности и истории», рассматривается и фильм «Александр. Невская битва». Еще одним политическим проектом является, по утверждению редакции, «создание “правильных” правозащитных организаций, которые не занимаются “критиканством”, а поддерживают начинания государства по строительству в России правильной демократии», — в частности, речь идет о деятельности Международного комитета защиты прав человека под руководством Д.Л. Воронцова-Бережного.

Несмотря на то, что во всех пяти изданиях освещалась одна и та же политическая реальность, восприятие проектного характера тех или иных явлений в них сильно отличалось. Ни один из проектов тех лет не рассматривался как таковой всеми пятью газетами. Связано это в первую очередь с особенностями понимания политического проектирования «Новой газетой»: ни один из описываемых другими изданиями проектов («Правое дело», «Наши», политтехнологические проекты «Единой России») в дискурсе этого СМИ проектного характера не получал, впрочем, как и не признавались политическими проектами те явления, которые относились к данной категории журналистами «Новой газеты» (исторические фильмы и учебники истории, провластные правозащитные организации).

Почти компромиссно в изданиях относили к разряду политического проекта новую политическую партию «Правое дело». При этом и во «Взгляде», и в «Коммерсанте», и в «Независимой газете» подчеркивался прокремлевский характер данного проекта, а официальная «Российская газета» его по сути и не опровергала, хотя и уточняла со ссылкой как на политологов (например,

на главу Центра прикладных исследований и программ А.С. Точенова), так и на политиков (например, на губернатора Пермского края О.А. Чиркунова) либеральный характер этого проекта. Партийный проект рассматривался в основном с позиции сопровождавших его формирование медиаповодов, следовавших за роспуском «Союза правых сил», но в то же время предпринимались попытки проанализировать его цели, задачи и перспективы, а также предугадать ход формирования («Независимая газета», например, в качестве наиболее перспективной кандидатуры на место лидера новой партии называла председателя «Деловой России» Б.Ю. Титова).

Три из пяти рассматриваемых изданий анализировали идеологический «Русский проект» и политтехнологический «1+10». Эти проекты «Единой России» рассматривались как инструменты политической борьбы. Газеты выявляли их заказчиков и разработчиков, сравнивали с практикой других политических проектов, анализировали на соответствие законодательству. К «Русскому проекту» отношение было скорее благосклонное, а вот «1+10» рассматривался в более критическом ключе, как достаточно спорный с позиции политтехнологической эффективности. Много внимания уделялось также крупному провластному политическому проекту — молодежному движению «Наши». В 2007—2008 г. деятельность этого движения шла на спад, поэтому СМИ анализировали итоги существования проекта, его эффективность и то, какие последствия имело участие в проекте для отдельных его членов. Рассматривалось производное от «Наших» движение «Наши выборы», предназначенное для контроля чистоты голосования на выборах 2007—2008 г., освещались попытки «Наших», первоначально негативно встреченные Русской Православной Церковью, создать в своих рядах «православный корпус». Высказывались предположения о причинах отказа от использования «Наших» в качестве массового политического движения (несоответствие их имиджа имиджу нового Президента РФ Д.А. Медведева).

Из независимых от Кремля проектов наибольшее освещение (и во «Взгляде», и в «Независимой газете») получил проект М.С. Горбачева по возвращению в политику через создание очередной социал-демократической партии. Этот проект критически анализировался с точки зрения обеспеченности М.С. Горбачева ресурсами для реализации подобных проектов и возможности использования его в целях содействия или противодействия другим социал-демократическим организациям в российском политическом пространстве (в первую очередь «Справедливой России»).

В целом для рассмотренных СМИ в 2007—2008 г. присуще весьма ограниченное отображение в дискурсах явлений российской политической реальности в ракурсе политических проектов. Далекое не все из них были связаны с предвыборной кампанией по выборам в Государственную Думу и Президента РФ. Более того, самый заметный политический проект 2008 г. — создание партии «Правое дело» — стал прямым следствием поражения праволиберальных политиков на парламентских выборах 2007 г. Для «Коммерсанта» и в меньшей степени «Независимой газеты» характерен достаточно глубокий анализ политических проектов, нацеленный на публичное раскрытие их сущ-

ности, в то время как «Взгляд» и «Российская газета» более ориентированы на констатацию факта реализации того или иного проекта со ссылкой на его разработчиков или организаторов. «Новая газета» отличается эмоционально-субъективным подходом к политическим проектам.

Библиографический список

1. Кризисный дискурс официальной власти и системной оппозиции в современной России: сравнительный анализ / под ред. Т.Н. Митрохиной. М., 2014.
2. Соколов А.Г. Российские политические проекты в дискурсе праволиберальных СМИ (по материалам издания «Ведомости») // Вестник Поволжского института управления. 2014. № 5 (44). С. 107–112.
3. Горбачев М.В. Проект Евразийского экономического союза в дискурсивном пространстве СМИ // Вестник Поволжского института управления. 2014. № 5 (44). С. 31–36.

A.A. Yegorov
The Interaction between Authorities and Business Structures at the Regional Level (Case Study of the Saratov Region)

The relationship between business and government in political and economic relations in modern Russia is studied. With the discursive method, the destructive aspects of the interaction between government and business structures are analyzed. By the example of the Saratov Region the operation experience of organizations, contributing to the elaboration of concerted actions of authorities and business is illustrated.

Key words and word-combinations: regional authorities, business structures, models of relationships, political relationships.

Рассматриваются взаимоотношения бизнеса и власти в политических и экономических отношениях современной России. С помощью дискурсивного метода анализируются деструктивные аспекты взаимодействия власти и бизнес-структур. На примере Саратовской области проиллюстрирован опыт функционирования организаций, способствующих выработке согласованных действий власти и бизнеса.

Ключевые слова и словосочетания: региональная власть, бизнес-структуры, модели взаимоотношения, политические отношения.

УДК 332.1
ББК 65.04

А.А. Егоров

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЛАСТИ И БИЗНЕС-СТРУКТУР НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ (на примере Саратовской области)

В настоящее время российские предприниматели сталкиваются с рядом проблем, вызванных введением экономических санкций, лишением лицензий у банков, падением цены на нефть и сокращением объемов заказов и производства. В связи с этим актуализируется вопрос эффективного взаимодействия региональных органов власти и бизнеса в рамках общей философии понимания целей и задач по созданию благоприятной бизнес-среды и всестороннему развитию регионов. Основной акцент в этом случае делается на ценностных ориентациях, целях и способах их достижения. Именно анализ

взаимосвязей структур власти и бизнеса, протекающий в рамках действующих институтов, позволяет оценить возможность перехода к цивилизованным взаимоотношениям создания благоприятной предпринимательской среды на территории региона [1].

Квинтэссенцией во взаимодействии предпринимателей и региональной власти считается система отношений между региональной властью и бизнес-структурами региона, являющимися основным элементом функционирования региональной экономики. Необходимость их развития вытекает из двух концептов: соответствия между формированием институтов частной собственности и процессом ускорения экономического роста; а также более высокой производительности и эффективности экономики, основанной на частной собственности [2, с. 229–233]. Экономический и политический эффект для общества от взаимодействия региональных органов власти и бизнес-структур состоит в том, что оно получает более качественные товары, более высокий уровень обслуживания, новые рабочие места. Учитывая большую роль, которую бизнес играет в рамках региональной экономической системы, его возрастающее влияние на многие общественные и политические процессы, возникает необходимость определения механизмов воздействия региональных органов власти на его развитие.

Проблема взаимоотношений бизнеса и региональной власти находится сегодня в центре общественного внимания и научных дискуссий [3, с. 145–164]. Однако единства мнений по поводу долженствующих принципов отношений между региональной властью и бизнес-структурами в политической и экономической жизни не существует. Разброс простирается от воззрений на региональные власти как на враждебную для бизнеса инстанцию, осуществляющую его жесткий контроль и регулирование, до представлений о сугубо благожелательном отношении власти к предпринимательству, защите его от проявлений иностранной конкуренции, технической и рыночной поддержке, дешевых кредитах и т.д. В действительности между бизнесом и органами управления различных государств можно наблюдать разные варианты отношений. Но в любом случае именно региональные органы власти создают условия для развития экономики и частного предпринимательства в регионе, формируют параметры влияния бизнес-структур на социальную жизнь.

Взаимодействие региональной власти и бизнес-структур может быть выражено моделью, сформировавшейся в данном регионе. Реальная модель представляет собой, как пишут М.В. Курбатова и С.Н. Левин, совокупность сложившихся формальных и неформальных норм, правил, практик их применения (то есть упорядоченных определенным образом коллективных действий, основанных на неявных схемах, организующих опыт субъектов взаимодействия) [4, с. 27]. Однако следует иметь в виду, что теоретические модели по взаимодействию власти и бизнеса, в том числе и региональной, не являются раз и навсегда данными. В каждом регионе складывается своя модель взаимодействия власти и бизнес-структур на основе норм, правил и практики их применения.

В данной статье предпринята попытка проанализировать модель, которая сформировалась и функционирует в политической практике Саратовской области. В настоящее время на государственном уровне и регионах России действуют различные модели: «идеально теоретическая», «национальная», «нормативная модель», «реальная институциональная модель», «государство порядка», «государство наказания», «государство-спасатель», «конфликтная модель», «симбиотическая модель», «государственного патронажа», «доминирование», «партнерства» [5, с. 29–34]. Представленные модели работают в регионах в зависимости от характера взаимоотношения региональной власти и бизнес-структур.

В ходе политической практики во взаимоотношении власти и бизнес-структур в Саратовской области получила преимущество модель с названием: «белая, серая, черная» [6, с. 737–740]. Эта модель указывает на сложившиеся условия функционирования бизнеса в регионе, а цвет демонстрирует механизм взаимоотношения между региональной властью и бизнесом.

Теоретически, под «белой моделью» понимаются отношения власти и бизнеса, характеризующие формальную практику экономического взаимоотношения власти и бизнеса и охватывающие регистрацию, лицензирование, контроль и принуждение. В такой модели взаимоотношения власти и бизнеса выстраиваются единые правила, на основе которых осуществляется их взаимосвязь. «Серая модель» представлена торгом между властью и бизнесом, что нередко происходит в Саратовской области. «Черная модель» охватывает коррупционную составляющую и существует вне правового поля при взаимоотношении региональной власти и бизнес-структур. Здесь власть часто нарушает правила установленных взаимоотношений и применяет силовые методы. Как отмечают М.В. Курбатова и С.Н. Левин, принципиальное различие между «черной» и «серой» «зонами» состоит в целях и наборе инструментов создания преференциальных режимов. Отношения «черной» модели созданы на индивидуальных корыстных интересах отдельного чиновника, а инструментом достижения интересов предпринимателя оказывается взятка или вовлечение в бизнес чиновника в виде постоянного процента от дохода. Отношения «серой» модели основаны на интересе выполнения властью своих публичных функций и на взаимной заинтересованности сторон в выживании территории [4, с. 29]. Инструментом достижения интересов бизнеса становится добровольный или добровольно-принудительный взнос в дофинансирование территории. Следовательно, «серой» модели переплетаются как формальные, так и неформальные правила игры между властью и бизнесом. При этом прямая коррупционная составляющая отсутствует, нормы закона не нарушаются. Практика показывает, что в настоящее время в Саратовской области сложившиеся взаимоотношения между властью и бизнес-структурами («Деловая Россия», Торгово-промышленная палата, «Опора России») осуществляются на основе сочетания «серой» и «белой» моделей.

Сегодня можно констатировать факт недостаточного развития институ-

циональных структур. Это препятствует власти и бизнесу четко определять порядок взаимодействия, принимать необходимые меры для разрешения появляющихся проблем и работать в системе консультаций. Политическая практика показывает, что в Саратовской области имеются все признаки для функционирования «белой» модели. С одной стороны, создание государством благоприятного климата для бизнес-структур и привлечение инвесторов в саратовскую экономику рассматриваются как факторы, которые ограничивают контроль власти над бизнесом и предоставляют его структурам возможность реализовывать свои проекты. С другой стороны, без контроля со стороны региональной власти бизнес будет мешать развитию региональной экономики. Для того чтобы достигнуть поставленных целей, бизнес и власть должны выстраивать взаимоотношения через признаваемую друг другом систему институтов.

В настоящее время существует ряд других организаций, на основе которых осуществляется взаимодействие региональной власти и бизнес-структур. К ним относятся: общественный совет — орган, создающийся при участии представителей предпринимательского сообщества при министерствах, ведомствах с целью консультаций по специальным вопросам, касающимся развития малого и среднего предпринимательства на территории региона, оказания помощи в разработке законопроектов, мониторинга выполнения решений региональных властей, осуществления некоторых государственных функций, делегированных государственным органом; межведомственная комиссия — специальный орган исполнительной власти, создаваемый для устранения конкретных проблем, разрешение которых лежит в сфере ответственности сразу нескольких ведомств; Общественная палата Саратовской области — организация, обеспечивающая взаимодействие граждан с региональными органами власти; институт форумов, где проводятся мероприятия по решению или обозначению каких-либо глобальных региональных проблем.

Примеры конструктивного взаимодействия власти и бизнеса в Саратовской области указывают на необходимость внедрения дискурсивных механизмов в процесс политической коммуникации.

С помощью конвенциональной модели, в основе которой лежит комплекс договоренностей между властью и бизнесом, возможно грамотно решить многие негативные ситуации, появляющиеся в ходе политической практики в исследуемом регионе. К сожалению, использование конвенциональных практик пока возможно только в рамках конкретных единичных ситуаций. Диалоговые механизмы в качестве основной модели разрешения противоречий пока не нашли широкого применения.

Сегодня российский бизнес не является однозначно ведомым и легкоуправляемым. Наиболее корректным при характеристике взаимоотношений бизнеса и государства в современной России становится описание использования корпоративной модели, которое дает К.Ю. Кисель. В стране на протяжении последнего десятилетия складывается модель «нового россий-

ского корпоративизма» [5]. Но что хорошо для России, не совсем может подходить для регионального развития. Не совсем актуальна такая модель и для Саратовской области. Как ни парадоксально, она могла бы при определенных условиях способствовать преодолению опасной бесконтрольности и бизнеса, и власти (тем более что параллельно с описанными процессами в России продолжал развиваться и реальный плюрализм интересов — групповых, региональных, отраслевых), созданию своеобразной системы взаимных сдержек и противовесов. Особенно если бы в ее рамках удалось задействовать важные дополнительные составляющие — общественный контроль и независимую экспертизу, что стало бы плодотворным фактором для развития современной России.

Следовательно, рассматривая отношения власти и бизнеса, констатируем, что власть совместно с предпринимателями ищет пути эффективного взаимодействия. Выстраиванию отношений партнерства между властью и бизнес-структурами не существует альтернативы. Тем более вернуть в полной мере доверие нельзя без возврата к механизмам партнерства с российским бизнесом. Полноценное партнерство может открыть перед страной новые возможности и перспективы — от формирования консенсуса по проблемам национальных интересов до продвижения нового имиджа России. Такое партнерство способно стать основой нового, нацеленного в будущее и ориентированного на перспективу, общенационального согласия относительно путей развития страны. Достижение равновесия с помощью взаимных уступок и компромиссов будет способствовать достижению стабильности, катализирующей позитивные изменения, придаст им необходимую устойчивость и динамику.

Библиографический список

1. Яровой А. Возможности власти в развитии социальной ответственности российского бизнеса // *Власть*. 2009. № 10. С. 15–19.
2. Зотов А.П. Взаимодействие государства и бизнес-сообщества в естественно-монопольных отраслях // *Вестник ТГУ*. 2007. № 2 (46). С. 229–233.
3. Пишизова С.Н. Бизнес как субъект государственной политики // *Управленческое консультирование*. 2009. № 4. С. 145–164.
4. Курбатова М.В., Левин С.Н. Деформация правил в современной российской экономике (на примере взаимодействия власти и бизнеса) // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*. 2010. Т. 8, № 1.
5. Кисель К.Ю. Современные модели взаимодействия бизнес-структур и органов государственной власти: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2013. С. 29–34.
6. Рудоманов Д.В. Конфликтные аспекты формирования российского бизнеса в современных условиях // *Молодой ученый*. 2014. № 8. С. 737–740.

T.V. Sinelnikova
Staffing Correctional Institutions
in 1950–1960s
(Case Study of the Kemerovo Region)

The issue of staffing penal institutions by professionally trained employees during the 50–60s of the XX century is analyzed. The author considers the educational level, office combat training, the disciplinary responsibility of employees, as well as the conditions of their service which affected the quality of service during the considered period. Normative legal acts and the statistics on the basis of studying the archival documents of the Kemerovo Region are provided.

Key words and word-combinations: penitentiary system, workers of penitentiary institutions, professional training.

Анализируется кадровое обеспечение пенитенциарных учреждений профессионально подготовленными сотрудниками в период 50–60-х гг. XX века. Рассматривается образовательный уровень, служебно-боевая подготовка, дисциплинарная ответственность сотрудников, а также условия их службы, повлиявшие на качество несения службы. Приводятся нормативно-правовые акты, статистические показатели на основании изучения архивных документов Кемеровской области.

Ключевые слова и словосочетания: пенитенциарная система, работники пенитенциарных учреждений, профессиональная подготовка.

УДК 658.310.9
ББК 65.291.6

Т.В. Синельникова

**КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ИСПРАВИТЕЛЬНО-
ТРУДОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
В 1950–1960-Х ГОДАХ
(на материалах
Кемеровской области)**

Выполнение задач, стоящих перед пенитенциарной системой, во многом зависит от ее кадрового состава, профессионализма, морально-психологической готовности и способности сотрудников успешно выполнять обязанности, возложенные на них государством. Качественная подготовка кадров является основой для создания надежного механизма управления исправительными учреждениями, повышения общего уровня компетентности персонала и результативности служебной деятельности [1, с. 79].

К началу 1956 г. большинство работников имели низкий образовательный уровень и недостаточную специальную подготовку. Достаточно указать, что начальники лагерных пунктов с начальным общим и незаконченным средним образованием составляли 75,4%, несмотря на то что именно от уровня их работы в решающей степени зависит перевоспитание и исправление осужденных [2, с. 172].

Сотрудники пенитенциарной системы часто действовали неумело и грубо, допускали оскорбление человеческого достоинства заключенных, что в ряде случаев являлось поводом для нежелательных эксцессов. К примеру, начальник лагерного пункта Антибесского отделения Сиблага МВД младший лейтенант К. систематически допускал грубые нарушения, выразившиеся в грубом

обращении с заключенными, в оскорблении их нецензурной бранью и бесконтрольности своих подчиненных, в результате чего надзорсоставом лагерного пункта незаконно и без постановлений заключенные водворялись в штрафной изолятор [3, д. 39, л. 33, с. 33].

Несмотря на это, в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 25 октября 1956 г. № 1443-719, объявленным приказом МВД СССР от 27 октября 1956 г. № 500, устанавливался порядок комплектования охраны рядовым и сержантским составом по призыву из числа лиц, ограниченно годных к строевой службе, в силу чего некоторые не могли нести службу в условиях Сибири и Крайнего Севера [4, с. 62]. Большинство из них были малограмотны, а отдельные сотрудники, особенно призываемые из республик Средней Азии, Закавказья, Прибалтики, не владели русским языком в принципе [5, с. 166].

В управлении охраны общественного порядка (далее — УООП) Кемеровской области на работу в охрану принимались работники, ранее судимые за особо опасные преступления, лица, страдающие алкогольной зависимостью и скомпрометировавшие себя на прежней работе и т.д. Только в 1962 г. в подразделения охраны было принято 3327 человек, а уволено 2842 человека. Работая в отделах, эти лица систематически употребляли спиртные напитки, к исполнению своих служебных обязанностей относились халатно, однако меры дисциплинарного и партийного воздействия к ним не применялись. Лишь за 1962 г. работниками охраны было допущено 1553 различных нарушения трудовой дисциплины, в том числе 696 случаев выхода на работу в нетрезвом состоянии [3, д. 144, т. 2, л. 300, с. 62]. Из числа вольнонаемного и младшего начальствующего состава 181 человек был подвергнут дисциплинарному взысканию, что составляет 6% от всего вольнонаемного и младшего начальствующего состава [6, д. 31, л. 136, с. 29]. Дисциплинарные взыскания были наложены за совершение следующих нарушений: злоупотребление служебным положением — 2 человека; недозволенные связи с заключенными — 21 человек; прогулы, опоздания на работу — 21 человек; появление на работе в нетрезвом состоянии — 45 человек; прочие нарушения — 52 человека [6, д. 31, л. 136, с. 30].

В 1966 г. за различного рода нарушения наказано 11% начальствующего состава, 16% надзирательского состава и 13% вольнонаемного состава, привлечены к уголовной ответственности 15 человек. За 6 месяцев 1965 г. дисциплинарному наказанию подвержено 6,3% начальствующего состава, 5% надзорсостава, 4,7% вольнонаемных работников, к уголовной ответственности привлечены 3 человека.

Так, в коллективе исправительно-трудовой колонии (далее — ИТК) -31 Кемеровской области 33% начальствующего состава привлечены к дисциплинарным взысканиям [8, с. 71], в ИТК-34 — свыше 30%, в следственном изоляторе (далее — СИЗО) -3 — 17%, в лагерном отделении (далее — ЛО) -6 — 19,5% [6, д. 25, л. 113, с. 72]. В первом полугодии 1967 г. за нарушение дисциплины, плохую организацию службы и аморальные проступки было наказано 8 человек из числа рядовых и сержантов военизированной пожарной охраны [6, д. 25, л. 113, с. 73].

Состояние трудовой дисциплины вольнонаемных работников характеризовалось следующим образом: в I полугодии 1967 г. за различные нарушения было наказано 144 человека, в том числе за недозволенную связь с заключенными — 25 человек; за употребление спиртных напитков в рабочее время — 38 человек; невыполнение распоряжений — 39 человек; прогулы — 29 человек; хулиганство — 3 человека и т.д. [6, д. 25, л. 113, с. 74].

В то же время за добросовестный труд и активное участие в общественно-политической работе в I полугодии было поощрено 385 человек, в том числе значком социалистического соревнования — 7 человек, награждены почетными грамотами — 60 человек, ценными подарками и деньгами 42 человека, благодарность объявлена 276 работникам [6, д. 25, л. 113, с. 73].

В докладе МВД СССР в ЦК КПСС о деятельности исправительно-трудовых учреждений МВД в 1957—1958 гг. указывалось, что министром внутренних дел приняты меры по укреплению кадров лагерей и колоний, повышению уровня их общеобразовательной и специальной подготовки. В 1957—1958 гг. на работу в исправительно-трудовые учреждения направлено 4800 молодых специалистов с высшим и средним образованием; 1800 человек прошли переподготовку на курсах усовершенствования; более 10 000 человек учатся по заочной форме обучения в высших и средних учебных заведениях [2, с. 207]. Тем не менее из приказа начальника управления МВД Кемеровской области от 17 марта 1955 г. № 110 явствует, что в отделе исправительно-трудовых колоний (далее — ОИТК) и лагерях МВД Кемеровской области работа с молодыми специалистами-медработниками продолжает оставаться на низком уровне. Политическая учеба среди молодых специалистов-медработников в ИТК-5, областной больнице ОИТК, Южно-Кузбасском исправительно-трудовом лагере (далее — ИТЛ) и Сибирском ИТЛ МВД по-настоящему не организована. В большинстве лагерных подразделений ОИТК и лагерей МВД повышением деловой квалификации молодые специалисты не охвачены. Неудовлетворительно организовано культурное обслуживание. В библиотеках ощущается острый недостаток газет, журналов, медицинской литературы, а в некоторых лагерных подразделениях специальной литературы нет вообще.

В ряде подразделений ОИТК и лагерей МВД отсутствовала забота о создании молодым специалистам-медработникам соответствующих жилищно-бытовых условий. Например, врач ИТК-5 ОИТК О., фельдшер Усинского ЛО Южно-Кузбасского ИТЛ МВД Д., старшая медсестра этого отделения Южно-Кузбасского ИТЛ МВД Я. проживали в плохо оборудованных для жилья комнатах.

Нередки были случаи использования молодых специалистов не по прямой специальности. Так, врач-окулист областной больницы ОИТК К. работала врачом-терапевтом. Акушеры-гинекологи областной больницы ОИТК Я. и Д. выполняли обязанности врача-ординатора [3, д. 107, т. 1, л. 411, с. 143—144].

Проведенной отделом кадров управления Северо-Кузбасского ИТЛ проверкой работы с молодыми специалистами в Мурюкском лагерном отделении № 8 было установлено, что они не обеспечены нормальными жилищно-бытовыми условиями, неудовлетворительно поставлена культурно-массовая и вос-

питательная работа. За три с половиной года в отделение поступили 60 молодых специалистов с высшим и средним образованием, а по состоянию на 20 августа 1958 г. их осталось всего 27 [3, д. 107, т. 1, л. 411 с. 144].

Положительная динамика в сторону улучшения качественного состава работников исправительных учреждений начала проследиваться к концу 1950-х годов. Значительное количество руководящих работников, не справляющихся с возложенными обязанностями, были заменены. Из доклада «О состоянии и мерах улучшения работы с кадрами ИТУ УООП Кемеровского облисполкома» можно почерпнуть сведения о росте с каждым годом качественного состава начальников ИТУ. По данным на 1 января 1963 г., 27,3% начальников ИТУ, следственных изоляторов и лагерных отделений имели высшее образование; на 1 января 1964 г. — 18,2%; на 1 января 1965 г. — 27,3%; на 1 января 1966 г. — 43,7% [6, д. 25, л. 113, с. 62].

Заметно изменился и качественный состав заместителей начальников ИТУ по политико-воспитательной работе. Так, на 1 января 1963 г. заместителей начальников по воспитательной работе с высшим образованием имелось 36,4%; на 1 января 1964 г. — 30%; на 1 января 1965 г. 45,4% и на 1 января 1966 г. этот показатель составил 50% [6, д. 25, л. 113, с. 63].

К 1967 г. характеристика лиц начальствующего состава исправительных учреждений Кемеровской области выглядела следующим образом: 66% — коммунисты, 11% — члены ВЛКСМ, почти 96% имели высшее и среднее образование, в том числе свыше 64% — высшее и среднее специальное образование [6, д. 25, л. 113, с. 6], 13 человек являлись заочниками средних специальных школ и 57 человек учились на факультетах заочного обучения вузов [6, д. 25, л. 113, с. 66].

Проблема качества повышения профессиональной подготовки сотрудников обострилась с введением в штат ИТУ должности начальника отряда. Как правило, назначаемые на эти должности сотрудники не имели педагогического образования, низкой была и их общеобразовательная подготовка.

Аналогичная ситуация складывалась в ИТУ Кемеровской области: по состоянию на 1 января 1962 г. из общего числа начальников отрядов специальную подготовку имели 30%; на 1 января 1963 г. — 32%; на 1 января 1964 г. — 38,2%; на 1 января 1965 г. — 45,3%; на 1 января 1966 г. — 48,2%; на 1 января 1967 г. — 54%, но только 4% имели высшее образование [6, д. 25, л. 113, с. 63].

Улучшить кадровый состав ИТУ можно было с помощью местных и советских органов. Политорганами и партийными организациями было сделано много в этом направлении. В частности, в 1958 г. по направлению партийных и советских органов в исправительно-трудовые учреждения были приняты 2,5 тыс. человек, из них 82% — с высшим и средним образованием, 55% — коммунисты и комсомольцы [7, с. 55].

Однако ежегодно из лагерей и колоний увольнялось около 20% личного состава, причем более половины по личной просьбе. Только за 1958 г. из исправительно-трудовых учреждений уволены около тысячи специалистов с высшим образованием, в том числе более 600 инженеров и врачей [2, с. 207].

Из доклада партийного актива политотдела ИТУ УВД Кемеровского облисполкома от 6 февраля 1969 г. явствует, что, несмотря на общее сокращение сотрудников, текучесть кадров остается высокой. Только в ИТК-21 Кемеровской области в 1963 г. сменилось более 35% всех работников ИТК [3, д. 144, т. 2, л. 300, с. 2]. В I полугодии 1969 г. были приняты на работу 444 человека, а уволились 407, то есть 11% личного состава ИТУ. Из 407 уволенных 257 человек уволились по собственному желанию, что на 2,7% больше по сравнению с 1968 г. [6, д. 31, л. 136, с. 53].

Одной из главных причин такого положения явились тяжелые условия работы и быта сотрудников пенитенциарной системы, в их числе следующие:

1. Расположение исправительно-трудовых лагерей в значительной отдаленности от населенных пунктов.

2. Отсутствие школ для обучения детей в ряде лагерных подразделений.

3. Неудовлетворительное снабжение работников исправительно-трудовых лагерей продовольственными товарами торгующих организаций. Выбор продовольственных и промышленных товаров в поселковых магазинах был весьма ограничен. Отсутствовал минимальный ассортимент круп, мяса, рыбы. Жиры, овощи, фрукты, крайне необходимые в условиях Севера, практически не завозились. Случались перебои со снабжением хлебом. В отдельных лагерях не было даже таких предметов первой необходимости, как спички, соль, нитки [4, с. 63]. Вплоть до середины 1950-х годов крайне скудным и однообразным было питание. В зависимости от «капризов» снабжения личный состав исправительно-трудовых учреждений месяцами питался какой-нибудь кашей, чаще всего перловой или ячневой, не были исключением и испорченные продукты.

Особенно неудовлетворительно обеспечивались северные лагеря. В начале 1950 г. в четырех из восьми отрядов воензированной охраны (далее — ВОХР) Обского ИТЛ офицерам в течение трех месяцев не выплачивали дополнительный паек, более месяца не было жиров для рядового и сержантского состава, на протяжении 1950 г. не было картофеля и овощей [4, с. 62].

На совещании начальников управлений ИТЛ МВД СССР, проходившем 10—11 октября 1957 г. в Москве, указывалось, что личный состав, офицеры живут в очень плохих бытовых условиях, такие продукты, как масло, сахар, редко увидишь в магазине, хлеба белого нет, больниц нет, транспорта нет. Многие офицеры просят выдавать им паек хотя бы по солдатской норме, так как купить продукты в магазине невозможно. Заместитель начальника ГУЛАГа В.М. Бочков отметил, что в отдельных лагерях комиссии, посланные из Москвы, столкнулись с безобразной организацией питания, отсутствием казарм, простейшей мебели, посуды, с фактами «разутости» и «раздетости» солдат, «которые ходят в порванных сапогах по колено в грязи» [4, с. 63].

4. Недостаточное выделение средств на жилищное строительство. В докладной записке о работе ГУЛАГа за 1950 г. начальник ГУЛАГа Г.П. Добрынин сообщал министру внутренних дел о том, что производственно-лагерные управления не уделяют должного внимания созданию необходимых жилищно-бытовых условий для офицеров и вольнонаемного состава, особенно ВОХР.

Многие стрелки жили на частных квартирах, затрачивая на оплату жилья половину своего заработка [4, с. 63]. На лагерных пунктах «Суразов-Мурюк» и «Лысая гора» Мурюкского лагерного отделения № 8 управления Северо-Кузбасского исправительно-трудового лагеря МВД СССР в общежитиях для молодых специалистов площадью 12–14 квадратных метров в антисанитарных условиях сотрудники проживали по пять человек, постельное белье не менялось, в помещениях было грязно, сыро и неуютно [3, д. 144, т. 2, л. 300, с. 31].

5. Неупорядоченная система оплаты труда некоторых категорий работников лагерей и колоний; низкая заработная плата. Так, уровень денежного довольствия офицерского состава исправительно-трудовых лагерей и колоний также был не очень высоким: например, командир взвода получал около 900 рублей, командир дивизиона — 1200 рублей, замполит отряда — 1350 рублей, начальник лагерного пункта — 700–800 рублей. Это было несколько выше средней заработной платы по стране, но ниже зарплаты квалифицированных работников. Выслуга лет — год за два согласно постановлению СНК СССР от 1945 г. № 2777 — засчитывалась только для получения медалей за выслугу лет и очередного звания [4, с. 63].

6. Отрицательное влияние на работу лагерей и колоний оказала и частая сменяемость руководящего состава лагерных подразделений. Все это вызвало большие трудности при комплектовании исправительно-трудовых учреждений кадрами, особенно специалистами [2, с. 215].

В целях оздоровления существующей обстановки и кадрового обновления служебного аппарата мест лишения свободы на основании решения коллегии от 27 апреля 1962 г. МВД РСФСР «О мерах по закреплению кадров в ИТУ МВД РСФСР» в учреждения пенитенциарной системы ежегодно стало распределяться около 400–500 выпускников милицейских школ и училищ, до 3000 выпускников гражданских институтов и техникумов, предусматривались подготовка и переподготовка начальствующего состава ИТУ до 1000 человек [8, с. 245].

В 1960-х годах была сформирована комплексная система повышения профессиональной квалификации, которая включала в себя проведение всесоюзных, зональных и республиканских семинаров-совещаний, научно-практических конференций, слетов лучших работников исправительно-трудовой системы, обобщение и распространение передового опыта, подготовку и направление на места методических пособий и рекомендаций, обзорных писем. С участием центральных органов системы исполнения уголовных наказаний создавались и финансировались ведомственные учебные заведения [9].

Подбор и расстановка персонала системы мест заключения в рассматриваемый период неразрывно связаны с пенитенциарной политикой, которую условно можно разделить на два периода:

1-й этап: 1950-е годы. Прослеживается отсутствие надлежащего внимания к сотрудникам пенитенциарной системы как со стороны государства в целом, так и в лице ее непосредственных руководителей. На службу принимались некомпетентные лица, в большинстве своем не имевшие ни базового уровня знаний, ни практических навыков работы с контингентом, отбывающим на-

казание в местах лишения свободы, нередко негодные к несению службы по своим физическим показателям. Высококвалифицированные кадры в связи с низкой социальной обеспеченностью сотрудников либо совсем не шли работать в пенитенциарную систему, либо сразу же увольнялись по собственному желанию ввиду отсутствия необходимых материально-бытовых, медицинских и социальных условий. Перечисленные обстоятельства обусловили ненадлежащий образовательный уровень, недостаточную служебную подготовку и низкий уровень служебной дисциплины большинства сотрудников пенитенциарной системы.

2-й этап: 1960-е годы. В пенитенциарную систему стали набирать образованных, морально устойчивых и физически подготовленных лиц, способных нести службу в тяжелых условиях. Действующие сотрудники получали среднее, среднее специальное и высшее образование по заочной форме обучения; организовывались курсы повышения квалификации; семинары, конференции, создавались собственные образовательные учреждения МВД. Кроме того, происходит повышение заработной платы и улучшение социальных гарантий сотрудников.

Библиографический список

1. Тимофеева Е.А. О влиянии нормативно-правовой и организационной реструктуризации пенитенциарной системы советского периода на развитие профессиональной подготовки сотрудников УИС // Вестник Самарского юридического института. 2014. № 2 (13). С. 79–88.
2. ГУЛАГ: Главное управление лагерей, 1918–1960 / под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М., 2000.
3. Информационный центр Главного управления Министерства внутренних дел по Кемеровской области. Ф. 11. Оп. 1.
4. Пилявец Ю.Г. Условия службы и быт личного состава исправительно-трудовых лагерей (1945–1956 годы) // Преступление и наказание. 2014. № 9. С. 61–63.
5. Синельникова Т.В. Реализация пенитенциарной политики в отношении кадрового состава мест лишения свободы (1950–1960 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. 2014. № 6 (44). С. 166–168.
6. Государственный архив Кемеровской области. Ф. 206. Оп. 8.
7. Кузьмин С.И. Деятельность советской исправительно-трудовой системы в 1954–1968 годах // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2014. № 6. С. 54–61.
8. Марченко С.Г. Страницы истории уголовно-исполнительной системы Кемеровской области. Кемерово, 2009.
12. 1960–1980-е годы: Советская исправительно-трудовая система. URL: <http://isfic.info/ispol/exten89.htm>

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ

A.M. Kalashnikov
Book Review: Civism
and Patriotism in Contemporary
Society: Collection of Scientific
Papers. – Saratov:
Stolypin Volga Region Institute
of Administration, 2015. – 172 pp.

А.М. Калашиников

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
Гражданственность
и патриотизм
в современном обществе:
сб. науч. трудов. — Саратов:
Поволжский институт
управления
им. П.А. Столыпина,
2015. — 172 с.**

Издание «Гражданственность и патриотизм в современном обществе», подготовленное по итогам международной научно-практической конференции в честь 70-летия Победы в Великой Отечественной войне, представляет собой сборник научных статей, содержащих теоретические и практические исследования, посвященные тематике военных лет, участию многонационального советского народа в борьбе с врагом, а также формированию гражданственности и патриотизма в современном обществе. Конференция состоялась 23 апреля 2015 г. в Поволжском институте управления имени П.А. Столыпина РАНХиГС при поддержке министерства образования Саратовской области. Своеобразие сборника заключается в творческом совместном участии государственных служащих, пред-

ставителей законодательной власти региона, преподавателей высших учебных заведений и студентов.

Тематика сборника представляется достаточно актуальной. Великая Отечественная война — одна из фундаментальных скреп нашего общества, в пронизанных духом патриотизма, столь важного для единства современного российского социума. В связи с этим представляется уместным включение в сборник работ, посвященных формированию гражданской ответственности и патриотизма в молодежной среде. Несомненно, обращение к данной проблематике актуально в контексте современного развития России.

Все материалы, опубликованные в сборнике научных трудов, соответствуют заявленной тематике. Статьям присущ литературный стиль изложения, а также логичность, доказательность, достоверность, конкретность, обоснованность, последовательность, связность, системность и точность.

Сборник состоит из трех разделов, сформированных по тематическому принципу. Первый раздел «Великая Отечественная Война: подвиг народов нашей страны» содержит работы, отражающие различные стороны борьбы советских людей с немецко-фашистскими захватчиками, организационные методы налаживания работы в тылу, роль военных факторов в формировании патриотических настроений граждан, а также правовые аспекты итогов войны.

Второй раздел «Молодежь о войне и победе» представлен студенческими работами, в которых авторы рассказывают об участии их родственников в боевых действиях в ходе Великой Отечественной войны, а также раскрывают значение исторической памяти в современном российском обществе. В целом такой подход, отчасти нехарактерный для формата сборника, следует признать удачным. Эти работы позволяют оценить степень внимания, уделяемого в молодежной среде поставленным вопросам, уровень вовлеченности подрастающего поколения в процесс патриотического и гражданского воспитания.

Научные изыскания студентов отличаются оригинальностью в постановке проблем и, соответственно, в выборе тем исследований: «Саратовцы на фронтах Великой Отечественной войны», «Музей боевой славы в студенческой группе», «След войны в моем доме», «Вклад вольчан-татар в победу в Великой Отечественной войне», «Дневник П.И. Сыроева: отражение событий Великой Отечественной войны», «Историческая память о Великой Отечественной войне». Важно отметить общую «тональность» работ начинающих авторов, отобранных для публикации. Широкий спектр методов исследования (опрос, работа с семейными архивами, статистический анализ, метод экспертных оценок и др.), самостоятельность и цельность суждений авторов, несомненно, придают им значимость.

Третий раздел «Формирование гражданской ответственности подрастающего поколения» отражает специфику и общую направленность сборника в целом. Именно в нем получила отражение практическая ценность представленных исследований, посвященных исторической памяти, гражданской ответственности, городской идентичности и формированию патриотизма в молодежной среде, реализации концепции патриотического воспитания молодежи на примере города Сара-

това и экономико-психологическому феномену формирования гражданственности.

Сборник содержит ряд программных статей. К ним следует отнести работы следующих авторов: А.В. Лосиной «О молодежной политике в Саратовской области»; А.В. Рязанова «Конструктивистские концепции исторической памяти»; С.С. Иванова «Формирование патриотизма и гражданственности в контексте становления национального самосознания»; Ю.М. Литневской «Саратов к 70-летию Победы»; Т.И. Черняевой «Городская молодежь: между потреблением и патриотизмом»; А.Н. Неверова, А.Ю. Маркелова «К вопросу о гражданственности как экономико-психологическом феномене».

Открывается раздел обращением председателя комитета по культуре, общественным отношениям, спорту, делам молодежи и информационной политике Саратовской областной Думы, заслуженного работника культуры Российской Федерации А.В. Лосиной. В материале содержится подробный анализ стратегии развития молодежной политики Саратовской области, законотворческой работы Саратовской областной Думы в сфере воспитания гражданственности и патриотизма в молодежной среде. А.В. Лосина отмечает, что формирование жизнеспособного молодого поколения, достижение его экономической, социальной и культурной конкурентоспособности становятся главными стратегическими задачами развития российского общества на современном этапе. С этим сложно не согласиться.

Статья А.В. Рязанова «Конструктивистские концепции исторической памяти», посвященная анализу подходов к пониманию сущности исторической памяти и различным трактовкам данного инструментария, выполнена на высоком научном уровне, содержит ряд выводов, представляющих существенный интерес. В частности, показана практическая составляющая результатов работы с исторической памятью народа, когда в результате мифологизации прошлого история переписывается и подгоняется под политические задачи настоящего, что приводит к легитимации тех или иных политических и социально-экономических процессов, а также управляющей структуры в целом.

В статье С.С. Иванова «Формирование патриотизма и гражданственности в контексте становления национального самосознания» внимание сосредоточено на процессах изменения общественного сознания в постсоветский период, сопутствующих перестройке социально-экономического и политического устройства страны. Автор аргументирует собственную точку зрения на тенденцию к размыванию морально-этической основы мировоззрения нации, основанного на традиционных ценностях. Отмечается, что новой ценностной системы до сих пор создать не удалось, но в последние годы в Российской Федерации наблюдается мощный общественный запрос на воссоздание традиционной ценностно-моральной этики, которая может привести к духовному оздоровлению России и способствовать устойчивому поступательному развитию.

Особый интерес представляет обзорная статья Ю.М. Литневской под названием «Саратов к 70-летию Победы». Автор является председателем комитета по общественным отношениям, анализу и информации администрации муниципального образования «Город Саратов», что предопределило соответс-

твующий уровень владения рассматриваемой проблематикой. В публикации анализируется комплекс мероприятий, проведенных администрацией муниципального образования «Город Саратов» к празднованию 70-летия Победы в Великой Отечественной войне. Показано отношение городской власти к сохранению исторической памяти саратовцев, освещена политика в области патриотического воспитания подрастающего поколения.

В статье Т.И. Черняевой «Городская молодежь: между потреблением и патриотизмом» анализируется проблема ценностной ориентации современной городской молодежи. Автор ставит задачу осмысления или переосмысления статуса молодежи с позиций медиации, посредничества. Выдвигается концепция о принципиальной медиантности молодежи. Делается вывод о том, что, несмотря на неготовность современной городской молодежи к отказу от практик потребления в пользу патриотизма, исходя из представлений о принципиальной медиантности, можно вести успешный диалог с молодежью, обращаясь к ее субъектности и проектируя социальные действия патриотической направленности. Данная политика способна склонить основную группу представителей молодого городского поколения к патриотическому поведению.

Авторы статьи «К вопросу о гражданственности как экономико-психологическом феномене» А.Н. Неверов и А.Ю. Маркелов демонстрируют высокий уровень знаний в области экономической психологии и отмечают зависимость между гражданственностью как свойством личности и качеством и направленностью экономической активности субъекта. Сформулированные выводы представляют новаторский подход к изучению вопроса формирования устойчивой гражданской позиции.

Можно выделить некоторые работы, посвященные исторической ретроспективе, но непосредственно связанные с современной проблематикой. Так, в научной статье А.В. Амбаряна «Армянский народ в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками» раскрывается ряд не освещенных ранее аспектов участия представителей армянского народа в боевых действиях, их вклад в общую победу, доказывается патриотическое единство армянской нации с другими народами СССР.

В статье О.Ю. Абакумова «Традиционные ценности и риски: охранительный дискурс конца 1840-х годов» анализируются взгляды начальника штаба корпуса жандармов Леонтия Васильевича Дубельта на проблемы государственного управления в России середины XIX в. Исторические факты, изложенные в статье, подтверждаются цитатами из авторитетных источников. Автор указывает, что Л.В. Дубельт нередко оперировал идеальными моделями, рисовал идиллические картины жизни крестьян и аристократии, однако в силу специфики своей работы знал реальное положение дел. Заслуживает уважения его постулат: «Порядок в мыслях, порядок в поступках», который не потерял актуальности до сих пор.

В целом сборник научных трудов «Гражданственность и патриотизм в современном обществе» представляет собой ценный вклад в изучение проблематики формирования гражданственности и патриотического воспитания молодежи в современной России.

T.V. Milusheva
Intercollegiate Round Table
“Topical Problems of Private Law”
(Saratov, Stolypin Volga Region
Institute of Administration
of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration, April 28, 2015)

Т.В. Милушева

**МЕЖВУЗОВСКИЙ
КРУГЛЫЙ СТОЛ
«АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ЧАСТНОГО ПРАВА»**

(г. Саратов,
Поволжский институт
управления
имени П.А. Столыпина —
филиал Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ,
28 апреля 2015 г.)

Во вступительном слове заведующий кафедрой гражданского права и процесса доктор юридических наук *Т.В. Милушева* отметила роль и значение интереса в праве. Она подчеркнула, что проблема частного интереса до сих пор недостаточно полно осмыслена в юридической теории и практике. В настоящее время, к сожалению, содержание частного интереса извращено до понимания его сутоубо в материальном, потребительском смысле, гипертрофирована его ценность в ущерб интересу общественному. В связи с этим существует потребность осмысления, осознания и формирования ценности общественного интереса, который сегодня сформировать крайне затруднительно, поскольку граждане в большинстве своем отчуждены от участия в политической и экономической жизни общества, принятия жизненно важных решений.

Между тем сбалансированность частного и публичного интересов и выраженность такого баланса в законодательстве и правоприменении крайне важна, особенно в условиях системного кризиса, когда каждый

правовой «перекося» воспринимается обществом весьма болезненно как проявление социальной несправедливости, подрывает законность и дестабилизирует общественный порядок.

Доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Российской правовой академии Министерства юстиции РФ **Л.В. Саенко** обратила внимание на дискуссионные вопросы отечественного семейного права. В частности остро стоит проблема «фактических состояний» с семейным элементом и их юридическом значении (фактическое воспитание, фактический развод, фактический брак).

Российское законодательство не признает фактически сложившиеся незарегистрированные в установленном порядке семейно-брачные отношения, что приводит к коллизиям между динамично меняющейся социальной реальностью и ее правовым опосредованием. По сути вне правового регулирования находится значительный объем фактических семейно-брачных (супружеских) отношений, которые лишены возможностей правовой защиты своих интересов, вытекающих из отношений фактического супружества.

Дискуссионным, по мнению Л.В. Саенко, является вопрос о месте организационных отношений в структуре российского семейного права: регистрация актов гражданского состояния; определение момента возникновения родительских прав и иное. Представляется необходимым «вернуть» данный блок правоотношений (организационного характера, регулируемых в том числе и административными нормами) в кодифицированный семейно-правовой акт, в Семейный кодекс РФ, а также предложить новую структуру СК РФ, включающую три части: общую, особенную и специальную. Докладчик также акцентировала внимание и на иных, требующие законодательного решения, проблемах: суррогатного материнства; реализации прав и законных интересов детей; развития семейно-правовых договоров; применения процедур медиации в семейном праве; исполнения семейно-правовых обязательств, опекуна права (устройство детей, оставшихся без попечения родителей).

Тему совершенствования семейного законодательства продолжил доцент кафедры гражданского права и процесса Поволжского института управления имени П.А. Столыпина **А.И. Зинченко**, который обозначил некоторые аспекты правового регулирования общей совместной собственности супругов после расторжения брака.

Кардинальное реформирование гражданского законодательства не коснулось норм об общей совместной собственности, между тем объективная потребность в этом явно назрела. Положения о праве общей совместной собственности закреплены в Гражданском кодексе РФ, конкретизированы в Семейном, Земельном кодексах, а также в федеральных законах «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан», «О крестьянском (фермерском) хозяйстве».

Правила о владении, пользовании и распоряжении общей совместной собственностью распространяются только на супружеские отношения. После расторжения брака бывшие супруги становятся посторонними друг другу людьми, в то же время режим общей совместной собственности продолжает

действовать, что порождает многочисленные споры и конфликты между бывшими супругами. Решение данной проблемы видится в установлении срока исковой давности по таким правоотношениям в пределах общего трехлетнего срока с момента расторжения брака, независимо от того, где он был расторгнут: в суде или в ЗАГСе.

Кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданско-процессуальных дисциплин Поволжского юридического института (филиала) РПА Минюста России (г. Саратов) **Т.А. Богорубова** обосновала необходимость синхронизации механизмов правового регулирования семейных и трудовых отношений. Трудовое законодательство в значительной мере способствует созданию оптимальных взаимоотношений в семье, создавая условия для несовершеннолетних работников, беременных женщин, лиц с семейными обязанностями. В связи с этим правовая политика в сфере занятости, трудоустройства, охраны труда, доходов российских семей и других сферах должна в полной мере учитывать положения семейного законодательства.

Кандидат юридических наук, доцент Поволжского института управления имени П.А. Столыпина **Н.В. Перепелкина** затронула в своем выступлении проблему реформирования гражданского законодательства в сфере приобретения права собственности. Она обратила внимание на то, что приобретение права собственности подразумевает совокупность юридических и фактических действий, с которыми закон связывает возникновение права собственности. Некоторые ученые справедливо разграничивают понятия «способ приобретения права собственности» как юридический факт и «основание приобретения права собственности» как фактическое действие. В науке они часто используются как тождественные, однако российский цивилист Д.И. Мейер отмечал, что «легко смешать способы приобретения права собственности со способами приобретения других прав».

Доцент Н.В. Перепелкина резюмировала, что в ГК РФ употребляется термин «основания приобретения права собственности», в то время как термин «способ приобретения права собственности» является доктринальным понятием. Хотя в теории гражданского права до сих пор не сложилось единой непротиворечивой системы и теории юридических фактов, рассмотрение этого вопроса весьма важно, так как его разрешение имеет практическое значение.

Дискуссию о праве собственности продолжила кандидат юридических наук, доцент Поволжского института управления имени П.А. Столыпина **И.В. Свечникова**, уделившая внимание повышению эффективности защиты права собственности. В связи с принятием Федерального закона от 23 июля 2013 г. № 250-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части государственной регистрации прав и государственного кадастрового учета объектов недвижимости» у граждан появились новые возможности для защиты права собственности.

Во-первых, стало возможным обращение в Управление Росреестра с заявлением о невозможности государственной регистрации прав без личного участия правообладателя. Внесение такой записи позволит избежать возможных мошеннических действий с объектом недвижимого имущества. За 2014 г.

Росреестром внесено в ЕГРП 18 485 записей по заявлению собственников о невозможности проведения операций с недвижимостью без их участия.

Во-вторых, предыдущий правообладатель недвижимости получил возможность заявить возражение в отношении зарегистрированного права на его объект. Его мнение вносится в Единый государственный реестр прав. За 2014 г. Росреестром внесено в ЕГРП более 1839 записей по заявлению собственников о наличии возражения в отношении зарегистрированного права на объект недвижимости.

Все это свидетельствует о концептуальных изменениях в регулировании права собственности с учетом насущных потребностей гражданского общества, достижений современной цивилистической науки, отечественной правоприменительной практики и зарубежного опыта. Особое внимание уделяется добросовестности, которая может проявляться в форме принципа, презумпции или условия приобретения права собственности.

Вопросы добросовестного исполнения обязательств в связи со сложной экономической ситуацией в России проанализировала старший преподаватель Поволжского института управления имени П.А. Столыпина **Т.В. Величко**. Она подчеркнула, что, в предпринимательской среде возникли некоторые проблемы с добросовестным исполнением обязательств по договорам. Причиной тому являются экономические санкции, объявленные рядом западных стран России.

Весьма целесообразным и своевременным поэтому является предложенный депутатами законопроект «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части введения мер защиты национальной экономики Российской Федерации», предлагающий дополнить п. 3 ст. 401 ГК РФ следующим положением: «К обстоятельствам непреодолимой силы относятся, в частности, введенные иностранным государством (объединением иностранных государств) в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации и российских юридических лиц ограничительные меры (санкции)».

Активному обсуждению подверглись вопросы реформирования процессуального законодательства и судебной реформы в целом. Так, доцент кафедры гражданского права и процесса Поволжского института управления имени П.А. Столыпина **А.П. Яковлева** констатировала, что 15 сентября 2015 г. вступает в силу Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ), знаменующий начало нового периода в отечественном гражданском судопроизводстве.

Данный акт упорядочил перечень дел, которые отвечают признакам публично-правового производства: об оспаривании нормативно-правовых актов, о госпитализации гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях. Появились и новые категории дел, например, производство по административным делам об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости, что, на наш взгляд, является еще одним необходимым инструментом в механизме защиты прав граждан и организаций.

При общей положительной оценке кодекса нельзя не отметить полемичность некоторых его положений. В частности, это касается принципа состоя-

зательности и равноправия сторон административного судопроизводства при активной роли суда (ст. 6, 11 КАС РФ), который не характерен для гражданского судопроизводства. Его практическое применение может вызвать немало дискуссий.

В целом с принятием нового процессуального кодекса наметилась положительная тенденция в развитии гражданского судопроизводства, связанная в конечном итоге с повышением эффективности механизма правового регулирования.

Доцент кафедры гражданского права и процесса Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, кандидат юридических наук **Е.А. Малько** выступила с докладом «Перспективы развития единого Гражданского процессуального кодекса в современной России». Она подчеркнула, что его проект является значимым событием в развитии современной процессуальной науки и законотворческой деятельности российского государства. Его целью является унификация судебной практики, повышение эффективности судебной защиты и охраны нарушенных (оспоренных) прав, свобод и законных интересов субъектов.

Научную дискуссию продолжила кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-процессуальных дисциплин Поволжского юридического института (филиала) РПА Минюста России (г. Саратов) **Л.Г. Щербакова**, которая затронула вопросы создания в ходе судебной реформы эффективного механизма процессуального регулирования, позволившего обеспечить наиболее полную защиту нарушенных или оспоренных прав, свобод и законных интересов граждан и юридических лиц.

Достижение этой цели невозможно без реализации комплекса законодательных и правоприменительных мер, касающихся следующего: выработки более четких критериев подведомственности; законодательной регламентации понятия «экономический спор», позволяющей исключить в будущем немотивированный отказ в судебной защите судами общей юрисдикции и арбитражными судами; целесообразности научной разработки категорий «частный хозяйственный интерес» и «публичный хозяйственный интерес»; широкого использования судебной практики в качестве источника современного российского права.

Старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса **Е.А. Зинченко** рассмотрел проблему преюдициальности судебного решения по спорам в сфере семейно-брачных отношений. Согласно ст. 23 ГПК РФ расторжение брака подсудно мировым судьям, если между супругами отсутствует спор о детях. Однако ст. 24 СК РФ обязывает суд определить, с кем из родителей будут проживать несовершеннолетние дети после развода; с кого из родителей и в каких размерах взыскиваются алименты на их детей; по требованию супругов (одного из них) произвести раздел имущества, находящегося в их совместной собственности; по требованию супруга, имеющего право на получение содержания от другого супруга, определить размер этого содержания. В случае если раздел имущества затрагивает интересы третьих лиц, суд вправе выделить требование о разделе имущества в отдельное производство.

Разрешение этих вопросов подсудно районным судам, а не мировым судьям. В случае если мировой судья вынесет по ним соответствующее решение, то после вступления его в законную силу лица, участвовавшие в деле, не смогут предъявить требования, например, по спору об определении места жительства ребенка, в случае изменения материального положения родителя, с которым он проживает, или по другим причинам, так как решение приобрело свойство преюдициальности на основании ст. 209 ГПК РФ. В связи с этим докладчик предложил исключить из подсудности мировых судей дела о расторжении брака, включив их в ст. 24 ГПК РФ по подсудности районным судам, а ст. 24 СК РФ дополнить положением о том, что суд при расторжении брака должен обязать стороны заявлять все требования, указанные в п. 2 данной статьи.

В продолжение дискуссии доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Поволжского юридического института (филиала) РПА Минюста России (г. Саратов) кандидат юридических наук **П.А. Семченко** затронул тему правового регулирования в сфере международной торговли продукцией сельского хозяйства в рамках Всемирной торговой организации (ВТО), членом которой является Россия.

В дискуссии приняла активное участие магистрант Поволжского института управления имени П.А. Столыпина **Н.И. Юрьева**, которая рассмотрела актуальные проблемы судебного правотворчества, а также магистрант Поволжского юридического института (филиала) РПА Минюста России (г. Саратов) **Е.А. Фишман**, посвятившая выступление правам человека и гражданина на охрану его здоровья.

Подводя итоги научной полемики, **Т.В. Милушева** отметила, что происходящее масштабное реформирование гражданского, арбитражного судопроизводства, а также гражданского и гражданского процессуального законодательства должно отвечать интересам отдельной личности, российского общества и государства. Для этого правотворцам необходимо опираться на положения и выводы юридической науки и сложившуюся правоприменительную практику.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бондаренко Тарас Алексеевич — аспирант кафедры гражданского права и процесса Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: bondarenko.taras@yandex.ru

Головченко Владимир Иванович — доктор политических наук, профессор кафедры теории государства и права Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского

e-mail: golovchenkosgu@mail.ru

Егоров Антон Алексеевич — аспирант кафедры политических наук Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: Anton11leon@gmail.com

Зазаева Наталия Борисовна — доктор философских наук, профессор кафедры социальных коммуникаций Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: zazaeva@mail.ru

Зейналов Руслан Искандерович — аспирант кафедры гражданского права и процесса Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: zeinalovri@mail.ru

Иващенко Галина Михайловна — кандидат социологических наук, и.о. старшего научного сотрудника Института социально-экономических исследований Уфимского научного центра Российской академии наук

e-mail: ivglm@rambler.ru

Игнатенко Инна Михайловна — аспирант кафедры государственной политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

e-mail: inna.ignatenco1@yandex.ru

Калашников Александр Михайлович — кандидат исторических наук, и.о. заведующего кафедрой истории государства, права и международных отношений Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: Kalashnikov_am87@mail.ru

Колесникова Анна Владимировна — соискатель кафедры политических наук Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: kolesnikova@pags.ru

Ландерова Александра Александровна — аспирант кафедры политических наук Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: Landerova@inbox.ru

Лебедев Вадим Михайлович — аспирант кафедры менеджмента и управления народным хозяйством Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: vmlebedevmail@ya.ru

Милушева Татьяна Владимировна — доктор юридических наук, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: mtv62@mail.ru

Пашаев Дмитрий Тахирович — аспирант кафедры политических наук Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: pashaevdt@yandex.ru

Полянин Андрей Витальевич — доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента и управления народным хозяйством Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: polyanin.andrei@yandex.ru

Понеделков Александр Васильевич — заслуженный деятель науки РФ, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и этнополитики Южно-Российского института — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Саксельцева Людмила Яковлевна — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и социальной политики Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: sl2000@lenta.ru

Самсонова Виктория Олеговна — федеральный судья Рославльского городского суда Смоленской области
e-mail: vogorchakova@yandex.ru

Синельникова Татьяна Викторовна — адъюнкт Самарского юридического института федеральной службы исполнения наказания России
e-mail: sinelnikovatv@mail.ru

Соколов Андрей Геннадиевич — аспирант кафедры политических наук Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: acefalcon@yandex.ru

Тарский Юрий Иванович — доктор социологических наук, профессор заведующий кафедрой социологии и социальной политики и регионоведения Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: london1946@bk.ru

Тер-Акопьян Владимир Александрович — доктор философских наук, доцент кафедры политологии и этнополитики Южно-Российского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: german_04@mail.ru

Толочкова Ирина Александровна — аспирант кафедры гражданского и семейного права Саратовской государственной юридической академии
e-mail: irina_tolochkova@mail.ru

Трухачева Марина Александровна — аспирант кафедры социологии, социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А.
e-mail: Truhacheva_MA@mail.ru

Хвостанцев Станислав Валерьевич — старший преподаватель кафедры управления повседневной деятельностью, адъюнкт кафедры гуманитарных и социальных наук Саратовского военного института внутренних войск МВД России
e-mail: kkomstas@mail.ru

Чернецкая Алина Антоновна — аспирант кафедры социологии, социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А., руководитель культурных проектов «Альянс Франсез — Саратов»
e-mail: atchernetskaya@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Taras Alekseevich Bondarenko — post-graduate student of the Civil Law and Proceedings Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: bondarenko.taras@yandex.ru

Vladimir Ivanovich Golovchenko — Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Theory of State and Law Chair, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky
e-mail: golovchenkosgu@mail.ru

Anton Alekseevich Egorov — post-graduate student of the Political Sciences Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: Anton11leon@gmail.com

Nataliya Borisovna Zazaeva — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor of the Social Communication Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: zazaeva@mail.ru

Ruslan Iskanderovich Zeynalov — post-graduate student the Civil Law and Proceedings Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: zeinalovri@mail.ru

Galina Mikhailovna Ivashchenko — Candidate of Sciences (Sociology), Acting Senior Researcher of the Institute for Social and Economic Research of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Inna Mikhailovna Ignatenko — post-graduate student of the State Policy Chair, the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University
e-mail: inna.ignatenko1@yandex.ru

Aleksandr Mikhailovich Kalashnikov — Candidate of Sciences (History), Acting Head of the State, Law and International Relations History Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: Kalashnikov_am87@mail.ru

Anna Vladimirovna Kolesnikova — competitor of the Political Sciences Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: kolesnikova@pags.ru

Aleksandra Aleksandrovna Landerova — post-graduate student of the Political Sciences Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: Landerova@inbox.ru

Vadim Mikhailovich Lebedev — post-graduate student of the Management and National Economy Administration Chair, Orel branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: vmlebedevmail@ya.ru

Tatiana Vladimirovna Milusheva — Doctor of Sciences (Law), Head of the Civil Law and Proceedings Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: mtv62@mail.ru

Dmitry Takhirovich Pashayev — post-graduate student of the Political Sciences Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: pashaevdt@yandex.ru

Andrey Vitalievich Polyanin — Doctor of Sciences (Economics), Professor of the Management and National Economy Administration Chair, Orel branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: polyanin.andrei@yandex.ru

Aleksandr Vasilievich Ponedelkov — Honored Scholar of Russia, Doctor of Sciences (Politics), Professor, Head of the Political Science and Ethnic Policy Chair, South Russian Institute — brunch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Lyudmila Yakovlevna Sakseltseva — Candidate of Sciences (Philosophy), Docent of the Sociology and Social Policy Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: sl2000@lenta.ru

Victoria Olegovna Samsonova — Federal Judge of the Roslavl City Court of the Smolensk Region
vogorchakova@yandex.ru

Tatiana Viktorovna Sinelnikova — post-graduate student of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
e-mail: sinelnikovatv@mail.ru

Andrey Gennadievich Sokolov — post-graduate student of the Political Sciences Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: acefalcon@yandex.ru

Yury Ivanovich Tarsky — Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Head of the Sociology and Social Policy Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: london1946@bk.ru

Vladimir Aleksandrovich Ter-Akopyan — Doctor of Sciences (Philosophy), Docent of the Political Science and Ethnic Policies Chair, South-Russian Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: german_04@mail.ru

Irina Aleksandrovna Tolochkova — post-graduate student of the Civil and Family Law Chair, Saratov State Academy of Law
e-mail: irina_tolochkova@mail.ru

Marina Aleksandrovna Truhacheva — post-graduate student of the Sociology, Social Anthropology and Social Work Chair, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov
e-mail: Truhacheva_MA@mail.ru

Stanislav Valerievich Khvostantsev — senior lecturer of the Daily Activities Management Chair, post-graduate student of the Humanities and Social Sciences Chair, Saratov Military Institute of the Internal Troops of the Ministry of the Interior of Russia
e-mail: kkomstas@mail.ru

Alina Antonovna Chernetskaya — post-graduate student of the Sociology, Social Anthropology and Social Work Chair, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, head of the cultural projects «Alliance Française - Saratov»
e-mail: atchernetskaya@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

6

Понеделков А.В.

Патриотизм как основа современной национальной безопасности 6

Полянин А.В., Лебедев В.М.

Стратегическое планирование в публичном управлении 11

Иващенко Г.М.

Объективные предпосылки применения знания
о социальной атрибутивности управления
в стратегическом планировании Российской Федерации
и Республики Башкортостан 16

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ

23

Колесникова А.В.

Модели трансформации территориально-политической структуры государства
под воздействием социокультурных факторов:
мировой опыт и возможности для российского регионализма 23

Чернецкая А.А.

Сравнительный контекст миграции и миграционной политики
в России и Франции 28

Пашаев Д.Т.

Этнополитические отношения в постсоветском Азербайджане:
структура и динамика 36

Самсонова В.О.

Система государственных пособий семьям,
воспитывающим ребенка-инвалида: опыт Республики Беларусь 42

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

50

Бондаренко Т.А.

Генезис принципа «объективной истины»
в гражданском процессе 50

146

2015 ● № 5 (50)

Толочкова И.А.

Сравнительная характеристика гражданско-правовых положений договора об оказании образовательных услуг и норм трудового права ученического договора..... 55

Зейналов Р.И.

Мировое соглашение как явление в судебном процессе: стадии и последствия для сторон при его заключении..... 60

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

65

Головченко В.И.

Партийная идеология и социальные риски: к проблеме корреляции и взаимовлияния..... 65

Саксельцева А.Я., Тарский Ю.И.

Качество жизни молодежи: социологическое измерение 70

Хвостанцев С.В.

Современные методологические основы исследования семьи 76

Трухачева М.А.

Правовое регулирование средств массовой информации в процессе социализации детей: теория и повседневная практика 83

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

89

Тер-Акопьян В.А.

На пути к историческому самоопределению: приоритеты и задачи..... 89

Зазаева Н.Б.

Пропаганда как явление политической культуры в информационном обществе 95

Ландерова А.А.

Архетипы российской политической культуры: истоки формирования..... 101

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

107

Игнатенко И.М.

Становление новой модели российского федерализма..... 107

Соколов А.Г.

Внутриполитические проекты 2007—2008 годов в дискурсе российских печатных СМИ..... 113

Егоров А.А.

Взаимодействие власти и бизнес-структур на региональном уровне (на примере Саратовской области) 118

Синельникова Т.В.
Кадровое обеспечение
исправительно-трудовых учреждений в 1950—1960-х годах
(на материалах Кемеровской области).....123

**РЕЦЕНЗИИ.
ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ**

130

Калашиников А.М.
Рецензия на книгу:
Гражданственность и патриотизм в современном обществе: сб. науч. трудов. —
Саратов: Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина,
2015. — 172 с. 130

Милушева Т.В.
Межвузовский круглый стол «Актуальные вопросы частного права»
(г. Саратов, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина —
филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, 28 апреля 2015 г.).....134

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

140

CONTENTS

PUBLIC AUTHORITIES AND PUBLIC ADMINISTRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

6

Ponedelkov A.V.

Patriotism as a Basis for National Security 6

Polyanin A.V., Lebedev V.M.

Strategic Planning in Public Administration 11

Ivasbchenko G.M.

Objective Prerequisites for the Application of Knowledge
of Management Social Attributiveness in Strategic Planning
of the Russian Federation and the Republic of Bashkortostan 16

THE EURASIAN SPACE: INTEGRATION PROCESSES AND REGIONAL MANAGEMENT EXPERIENCE

23

Kolesnikova A.V.

Models of the State Territorial and Political Structure Transformation Effected
by Socio-Cultural Factors:
the World Experience and Possibilities for the Russian Regionalism 23

Chernetskaya A.A.

The Comparative Context of Migration and Migration Policy
in Russia and in France 28

Pashayev D.T.

Ethno-Political Relations in Post-Soviet Azerbaijan: Structure and Dynamics 36

Samsonova V.O.

The System of Government Allowances Granted to Families Bringing Up
a Disabled Child: Practices of the Republic of Belarus 42

LEGAL REGULATION IN CONTEMPORARY RUSSIA

50

Bondarenko T.A.

Genesis of the Principle of “Objective Truth” in Civil Proceedings 50

Tolochkova I.A.

Comparative Characteristics of the Contractual Provisions for Educational Services
and Labor Laws of a Student Contract 55

Zeynalov R.I.

Settlement Agreement as a Phenomenon in the Judicial Process
and the Consequences for the Parties at Its Conclusion 60

SOCIAL POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION

65

Golovchenko V.I.

Party Ideology and Social Risks: the Issue of Correlation and Mutual Influence 65

Sakseltseva L.Ya., Tarsky Yu.I.

Life Quality of the Youth: Sociological Dimension 70

Khvostantsev S.V.

The Modern Methodological Bases of Sociological Studies of the Family 76

Trubacheva M.A.

Legal Regulation of Mass Media in Socialization of Children:

Theory and Everyday Practice 83

PHILOSOPHY AND CULTURE OF SOCIETY: APPROACHES, CONCEPTS, OPINIONS

89

Ter-Akopyan W.A.

On the Way to the Historic Self-Determination: Priorities and Challenges 89

Zazaeva N.B.

Propaganda as a Phenomenon of Political Culture in the Information Society 95

Landerova A.A.

Archetypes of the Russian Political Culture: Formation Origins 101

PUBLIC POLICY AND ADMINISTRATION IN RUSSIA: YOUNG SCIENTISTS' VIEW

107

Ignatenko I.M.

Formation of a New Model of Russian Federalism 107

Sokolov A.G.

Russian Political Projects

in the Russian Printed Media Discourse of 2007–2008 113

Yegorov A.A.

The Interaction between Authorities and Business Structures at the Regional Level

(Case Study of the Saratov Region) 118

Sinelnikova T.V.

Staffing Correctional Institutions in 50–60s of the XX Century

(Case Study of the Kemerovo Region) 123

REVIEWS. SCIENTIFIC EVENTS CHRONICLE

130

Kalashnikov A.M.

Book Review: Civism and Patriotism in Contemporary Society: Collection of Scientific Papers — Saratov: Stolypin Volga Region Institute of Administration, 2015. 130

Milusheva T.V.

Intercollegiate Round Table “Topical Problems of Private Law” (Saratov, Stolypin

Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy

of National Economy and Public Administration, April 28, 2015) 134

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

143

150

2015 ● № 5 (50)

Научное издание

**ВЕСТНИК
ПОВОЛЖСКОГО ИНСТИТУТА
УПРАВЛЕНИЯ**

Научный журнал

№ 5 (50)

Редакторы Ю.Н. Бирюкова, М.Н. Ефимова, Е.В. Феклистова
Компьютерная верстка М.В. Лысцевой

Тем. план 2015 г., п. № 934

Подписано к печати 21.09.2015 г. Формат 70x100¹/₁₆.

Бумага офсетная. Гарнитура Лазурского.

Усл. печ. л. 12,25. Уч.-изд. л. 13,0. Тираж 500. Заказ 569.

Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина.
410031, Саратов, ул. Соборная, 23/25.

**Требования к рукописям научных статей,
представляемым для публикации в научном журнале
«Вестник Поволжского института управления»**

1. Редакцией журнала принимаются к рассмотрению статьи, связанные с управленческой тематикой (управление политическими, социальными, экономическими процессами, правовое регулирование различных сфер жизни общества и государства, социальное и гуманитарное развитие, актуальные проблемы современной России и международного сообщества). Редакция оставляет за собой право публиковать статьи и по иным направлениям науки.

2. Статьи представляются ответственному секретарю журнала не менее чем за три месяца до планируемой даты опубликования в номере журнала.

3. Автор представляет статью на бумажном и электронном носителях, объемом 0,3–0,5 п.л. (8–12 стр. печатного текста 14 кеглем 1,5 интервалом со стандартными полями). Сноски оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по библиографическому списку и страницы либо статьи нормативного акта, на которые ссылается автор (например: [8, с. 16], [8, ст. 16]). Библиографический список формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников). Не допускается дублирование наименований, а также указание под одним номером нескольких наименований источников или используемой литературы. Оформление библиографического списка должно соответствовать ГОСТ Р.7.0.5. – 2008. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция. Библиографический список входит в общее количество страниц статьи автора.

4. Помимо текста статьи автором представляются единым отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (2–4 коротких предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора, индексов УДК и / или ББК (только на русском языке), и / или DOI, и / или других классификационных индексов или систем регистрации;

б) ключевые слова и словосочетания (не более трех);

в) приставный библиографический список;

г) сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, контактная информация (почтовый адрес, адрес электронной почты, контактный телефон).

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

5. Статьи оцениваются членами редакционной коллегии, специалистами института или других вузов по профилю, соответствующему содержанию статьи. Статья направляется на рецензию без указания Ф.И.О. и иных данных, позволяющих идентифицировать автора. Автор вправе ознакомиться с выполненной рецензией. Автор вправе представить заверенную рецензию научного руководителя, доктора / кандидата наук соответствующего профиля.

6. Плата за публикацию статьи в журнале с аспирантов не взимается.

Ответственный секретарь научного журнала
«Вестник Поволжского института управления»

Акаев Дмитрий Валерьевич

(8452) 65 35 77

vestnik@pags.ru (в теме сообщения обязательно указывать: «Вестник»)

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru/vestnik>